

Г. Р. ХАГГАРД
ХОЗЯЙКА
БЛОСХОЛМА

ДЕТГИЗ • 1959

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ЛЕНИНГРАД ~ 1959

ГЕНРИ РАЙДЕР ХАГГАРД

ХОЗЯЙКА БЛОСХОЛМА

РОМАН

*Перевод с английского
Г. В. Рубцовой и Н. Я. Рыковой*

Рисунки Г. Фитингофа

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Главы I—IX — перевод Г В Рубцовой
Главы X—XVIII — перевод Н Я Рыковой

Предисловие и подстрочные примечания Д. П. Прицкера

«Хозяйка Блосхолма» — историко-приключенческий роман на русском языке издается впервые. Действие романа происходит в Англии в первой половине XVI столетия.

Настоятель аббатства — сильный, властный и жестокий аббат Мэлдон — преследует сироту Сайсели Фотрел, стремясь овладеть ее наследством — огромным поместьем и редчайшими драгоценностями.

Для достижения цели Мэлдон, прикрываясь словами: «Всё во славу церкви и для ее процветания», идет на подлость и преступления.

В романе ярко характеризуется реакционная роль католической церкви.

Отзывы и пожелания о книге присылайте по адресу: Ленинград, Д 187, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги Детгиза.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателя роман «Хозяйка Блосхолма» принадлежит перу известного английского писателя Генри Райдера Хаггарда (1856—1925 гг.) Автор многочисленных исторических и приключенческих романов, Хаггард хорошо известен не только в Англии, но и далеко за ее пределами; его произведения неоднократно издавались и в нашей стране.

Нельзя не отметить, что многие исторические романы Хаггарда страдают существенными недостатками. В погоне за занимательностью автор иногда пренебрегает исторической правдой, приносит ее в жертву запутанной интриге. Характеристики реально существовавших деятелей подчас носят субъективный характер; Хаггард произвольно выхватывает из истории отдельные детали, выдвигает их на передний план, оставляет в тени наиболее существенное и при этом, вольно или невольно, искажает исторический процесс, смещает историческую перспективу.

Роман «Хозяйка Блосхолма» в этом отношении выгодно отличается от некоторых других произведений того же автора. В нем нет серьезных искажений истории; образы главных персонажей — аббата Мэлдона, представляющего собой собирательный тип католического священника того времени, а также короля Англии Генриха VIII и его министра Томаса Кромвеля — обрисованы правдиво. Романтическая идеализация героини романа Сайсели Фотрел не может изменить этой общей оценки.

Однако при всех своих достоинствах, о которых мы скажем ниже, и этот роман Хаггарда не может быть признан безупречным с исторической точки зрения. Действие романа происходит в Англии в 1535—1537 годы, в переломный период английской истории, и хотя дух этой суровой эпохи передан автором верно, роман не дает о ней полного представления — многие важнейшие стороны тогдашней жизни автор не освещает вовсе, о других говорит лишь вскользь. Правда, нельзя забывать, что «Хозяйка Блосхолма» — художественное произведение, а не исторический трактат, и это дает автору право по собственному усмотрению отбирать события и факты; но, чтобы помочь читателю правильно понять и оценить смысл описываемых в романе событий, необходимо рассказать о некоторых процессах, происходивших в то время в Англии.

Главные изменения в жизни английского общества XVI столетия состояли в том, что страна вступала тогда на путь капиталистического развития, и в недрах одряхлевшего феодального строя

шел интенсивный процесс формирования новых общественных классов — буржуазии и пролетариата.

Процесс формирования пролетариата протекал чрезвычайно болезненно, путем разорения десятков тысяч крестьян. Дело в том, что в XVI веке абсолютное большинство населения страны составляли лично свободные, но привязанные к своим небольшим земельным наделам крестьяне — йомени, объединенные в общины и пользовавшиеся общинными угодьями. Личная крепостная зависимость крестьян в Англии исчезла еще в конце XIV — начале XV веков.

Значительная часть помещиков-дворян к этому времени уже постигла всемогущество денег и алчно стремилась к обогащению. Прежние, феодальные методы ведения хозяйства денег почти не давали, все расчеты между помещиками и крестьянами-арендаторами производились натурой; помещик и его семья были хорошо обеспечены, но денег у них было мало. Чтобы разбогатеть, нужно было вести торговлю, причем наибольшие доходы давала продажа шерсти — спрос на нее в городах промышленно развитой Фландрии, да и в самой Англии, где стали появляться первые шерстяные мануфактуры, был очень велик. Поэтому в XVI веке наиболее передовая часть английских помещиков, преимущественно на юге и востоке страны (так называемое новое дворянство), стала усиленно разводить овец. Принадлежавшей помещикам земли не хватало для прокормления быстро растущих отар. Тогда помещики стали захватывать общинные угодья и пастбища, а затем (аппетит приходит во время еды) и земли, принадлежавшие йоменам. Заняв под пастбища для своих овец общинные и крестьянские земли, помещики окружали их высокими изгородями — отсюда и пошел термин «огораживание». В XVI веке огораживания приняли массовый характер. Заранее зная, что их действия останутся безнаказанными, помещики сгоняли с земли крестьян, которые таким образом лишались средств к существованию и оказывались под угрозой голодной смерти.

Современник этих событий, великий гуманист Томас Мор, впоследствии казненный Генрихом VIII, писал по поводу огораживаний. «Ваши овцы, которые обычно были такими покорными и ручными и так мало ели, теперь, как говорят, стали настолько прожорливыми и дикими, что поедают даже самих людей. . . Дворяне и джентльмены, а также и некоторые аббаты, несомненно святые люди. . . не оставляют земли для землевладельцев; они огораживают землю и превращают ее в пастбища, разрушают дома, уничтожают города и не оставляют камня на камне; остаются только церкви, превращаемые ими в овчарни. . . Землевладельцы вышвыриваются из их владений, или же хитростью и обманом, а также страшными притеснениями их заставляют уйти. . .»

Куда же могли деться эти обездоленные, несчастные люди? Некоторые из них шли в города и нанимались на создававшиеся в то время капиталистические предприятия — мануфактуры. Но мануфактур было еще слишком мало, чтобы поглотить эту постоянно растущую массу разоренных крестьян. Поэтому значительная часть обезземеленных была обречена на нищенство; чтобы прокормить себя и свою семью, многие тысячи бывших крестьян были вынуждены просить подаяния, заниматься бродяжничеством, а некоторые даже становились на путь разбоя.

Вместо того, чтобы устранить причины бродяжничества и разбоя, вместо того, чтобы привлечь к ответственности грабителей-по-

мещиков, правительство обрушилось градом репрессий на ограбленных крестьян. При короле Генрихе VIII (1509—1547 гг.), правившем Англией во времена, описанные Хаггардом в «Хозяйке Блосхолма», издается целая серия законов, получивших название «кровавого законодательства XVI века». Так, например, акт 1530 года предписывал привязывать бродяг к тачке и бичевать до тех пор, пока «кровь не заструится по телу»; изданные позднее акты устанавливали дополнительные наказания: при повторной поимке бродяги — вторичное бичевание и отрезание половины уха, а при третьей — клеймение, превращение в рабов и даже смертная казнь.

Так, в тяжелой борьбе и муках, рождался в XVI столетии английский пролетариат. Об этом важнейшем, всемирно-исторического значения процессе Хаггард, поглощенный злоключениями Сайсели Фотрел, ничего не говорит в своем романе, но это необходимо помнить советскому читателю, который стремится представить себе реальную историческую обстановку того времени.

Значительно большее внимание уделяет автор романа происходившей тогда ожесточенной религиозной борьбе и англо-испанскому соперничеству. Однако эти вопросы излагаются в «Хозяйке Блосхолма» отрывочно. Поэтому необходимо вкратце остановиться и на них.

В конце XV века английский престол заняла новая династия — Тюдоры, основателем которой был отец Генриха VIII — Генрих VII (1485—1509 гг.). К этому времени наиболее могущественные феодалы, оспаривавшие ранее власть короля, перебили друг друга в междоусобных войнах. Это позволило первым Тюдорам укрепить свою власть. На смену старой сословной монархии, при которой ведущая роль принадлежала феодалам, приходила новая форма правления — абсолютизм, то есть неограниченная власть короля.

Тюдоры конфискуют и забирают в казну земли крупных феодалов, распускают вооруженные дружины, которые до этого содержал каждый из них, создают королевские суды и особые трибуналы для обуздания непокорных. В своей борьбе против засилия феодалов королевская власть опирается на поддержку буржуазии, заинтересованной в стабильности и прекращении губительных феодальных усобиц.

Установление королевского абсолютизма встречало упорное сопротивление со стороны феодалов. Не только при Генрихе VII, но и при Генрихе VIII, и даже позднее они поднимали восстания и пытались с оружием в руках отстоять свои вольности. Важнейшим оплотом старых феодальных сил были отсталые в экономическом отношении районы Англии — Север и Запад. В романе «Хозяйка Блосхолма» говорится, в частности, об одном из самых больших восстаний северной феодальной знати, происходившем в 1536—1537 годах. Восстание это, как и другие аналогичные выступления феодалов, Генрих VIII беспощадно подавил.

Преодолев в основном сопротивление крупных феодалов, которые лишились своих прежних привилегий, пошли на службу к королю и получили высшие должности при дворе, королевская власть столкнулась с другой силой, претягивавшей дальнейшему расширению и укреплению абсолютизма, — католической церковью. В те времена церковь обладала почти неограниченным могуществом; она представляла собой своеобразное государство в государстве. Католическая церковь подчинялась не королю, а папе римскому; ей при-

надлежали огромные богатства, она пользовалась большим влиянием в массах.

Причины этого влияния нетрудно определить. без санкции церкви человек не мог тогда и шагу ступить. Человеком он мог имеваться только после того, как священник его крестил, и эта зависимость от церкви не ослабевала до самой смерти. Кроме того, в то время люди, будучи не в состоянии понять природу вещей, были проникнуты религиозными представлениями, верили в загробную жизнь и больше всего на свете боялись ада. Церковь умело эксплуатировала эти чувства. церковники распространяли теорию, согласно которой человек по своей сущности склонен к греху и поэтому без помощи церкви обязательно попадет в ад. Спасти его могут лишь особые таинства церкви — причащение, исповедь и так далее — сто́ит только постоянно соблюдать все обряды, поддерживать церковь материально, приобщаться к ее таинствам, и человек избежит вечных мук.

Пользуясь зависимостью людей от церкви и обладая грозным оружием для борьбы с любым проявлением непокорности — инквизиционными трибуналами и отлучением от церкви, — католическое духовенство окончательно распоясалось. Большая часть католических священников, разумеется, не верила во все те таинства, которыми она одурачивала прихожан, и открыто использовала свое привилегированное положение для беззастенчивого грабежа верующих. Папы, кардиналы, епископы, аббаты получали баснословные доходы, утопали в роскоши, вели разгульную жизнь, совершали самые гнусные преступления. Важным средством выкачивания денег у населения были так называемые индульгенции — грамоты об отпущении грехов. Сначала продавались индульгенции, отпущавшие уже совершённые грехи, а потом, когда спрос на эти индульгенции стал падать, церковь стала продавать новые, авансом освобождавшие верующих от ответственности за грехи, которые они еще не совершили, но могут совершить в будущем.

Спекуляция индульгенциями и другие преступления католических священников вызвали растущее возмущение, ибо они находились в вопиющем противоречии с проповедуемым теми же священниками христианским учением. Недовольство католицизмом приняло весьма широкие масштабы. Повсеместно раздавались голоса, требующие реформации (то есть преобразования) церкви. При этом различные слои населения, различные общественные классы и группы, в соответствии со своими классовыми и групповыми интересами, вкладывали в понятие реформации различное содержание.

Так, например, буржуазия видела в католической церкви оплот феодализма, серьезное препятствие для роста и развития капиталистических отношений. В католической церкви существовала та же сложная иерархия, что и в феодальном государстве — целая лестница чинов, так же, как и в государстве, в церкви руководящие должности могли занять только выходцы из господствующего класса — класса феодалов; для буржуазии доступ к ним был практически закрыт. Между тем английская буржуазия уже в XVI столетии представляла собой значительную экономическую силу и претендовала на активное участие в управлении государством и церковью — только таким путем она могла создать условия, необходимые для дальнейшего развития капиталистических отношений и дальнейшего роста своего могущества.

Буржуазия требовала упразднения церковной иерархии, открытия доступа на церковные должности представителям народа (понимая под народом только буржуазию), отказа от характерной для католицизма чрезмерной пышности обрядов и замены их более простыми обрядами (требование «дешевой» церкви), выступала за отмену некоторых догматов и таинств, находившихся в слишком явном противоречии с новыми данными науки. Буржуазия считала необходимым ликвидировать церковное землевладение, задерживавшее развитие капитализма в сельском хозяйстве, а также сократить число религиозных праздников и тем самым увеличить число рабочих дней в году.

Народные массы, находившиеся тогда на крайне низком уровне культуры и не имевшие еще своих собственных идеологов, поддерживали требования буржуазии, но понимали под реформацией прежде всего передачу церковных земель крестьянам, уничтожение ненавистного феодального строя, очищение церкви от ее отвратительных пороков.

Наконец, королевская власть стремилась избавиться от вмешательства папы в дела государства, поживиться огромными богатствами церкви и таким образом расширить и укрепить абсолютизм.

В Англии инициатива реформации исходила именно от короля. Долгое время Генрих VIII не решался идти на разрыв с папой. Помимо страха перед могуществом католической церкви, его останавливал также страх перед народом, который мог по-своему истолковать действия короля и обрушиться на устои феодализма, а их Генрих отнюдь не собирался колебать. Но алчность короля и его деспотический характер в конце концов победили все сомнения. Генрих VIII был властным, жестоким самодуром, не терпевшим никакого противодействия своей воле, и это хорошо показывает Хаггард в «Хозяйке Блосхолма».

Поводом для похода против католицизма, начатого английским королем, послужил его конфликт с папой римским в деле о разводе. Воспылав страстью к фрейлине своей жены, Анне Болейн, Генрих решил развестись с королевой и жениться на фрейлине. Разрешение на развод мог дать только папа, — к нему и обратился король, но получил категорический отказ. Причина отказа заключалась не только в том, что католическая церковь в принципе не одобряла разводов и считала брак священным — от всех таких принципов она легко и свободно отказывалась, когда считала это выгодным, а в том, что английский король хотел развестись с Екатериной Арагонской, родной теткой испанского короля и германского императора Карла V, а Испания была в то время главным оплотом католицизма и главной опорой папы римского. И папа, и Карл V рассматривали развод Генриха с Екатериной как опасный удар по их влиянию в Англии.

Получив отказ, разъяренный Генрих VIII, зная, что почва для реформации церкви уже подготовлена, решился на разрыв с папой. В 1529 году он создал Реформационный совет, который разработал статут новой, так называемой англиканской, церкви. Все преобразования, проведенные этим советом, отвечали лишь интересам короля и придворной клики.

Главой англиканской церкви был объявлен король. Отныне он, а не папа римский, назначал епископов и священников, а также

распоряжался доходами церкви. Папа терял все права, которыми он пользовался в Англии, английским гражданам было даже запрещено обращаться к нему. Богослужение в англиканских церквях стало вестись не на латинском, а на английском языке. Реформационный совет направил в монастыри специальных королевских комиссаров, которым было приказано найти предлоги для их закрытия и конфискации их имущества. Вскоре, по докладу комиссаров, парламент принял решение о закрытии 376 мелких монастырей (1536 г.), а через три года были закрыты все остальные. Имущество монастырей — земли, драгоценности, золото, серебро, облачения, различная утварь — перешло в казну. Благодаря этой мере казна за короткий срок получила огромную сумму — около 1,5 миллиона фунтов стерлингов чистого дохода.

Захваченные монастырские земли Генрих VIII раздавал и продавал придворным, богатым финансистам, фермерам, спекулянтам, — около 40 тысяч дворянских семей обогатились благодаря реформации. Вместе с тем она ничего не дала народным массам и широким слоям буржуазии: земли, принадлежавшие церквям и епископам, которых Генрих стремился привлечь на свою сторону, конфискованы не были, церковная иерархия сохранилась, догматы новой церкви почти не отличались от католических. Все это свидетельствовало о том, что, осуществляя реформацию, король преследовал свои корыстные цели, ничего общего с идейно-религиозными соображениями не имевшие.

Понимая, что подобная реформация церкви не могла удовлетворить массы, Генрих VIII навязывал ее народу грубой силой. Реформация сопровождалась жестоким террором. Англичане были обязаны принять новые церковные порядки без всяких оговорок. Перед реформацией людей сжигали за неподчинение догматам католицизма, теперь с ними расправлялись за неподчинение принципам англиканства.

Со своей стороны папа объявил англиканство страшной ересью, отлучил Генриха VIII от церкви, грозил англичанам вечными муками на том свете. Однако отлучение от церкви, бывшее в прежние времена острейшим оружием папства, в данном случае оказалось малоэффективным. Противников реформации — Томаса Мора, кардинала Фишера и других — Генрих VIII отправил на плаху, а на высшие церковные должности назначил покорных ему людей.

Более опасным, чем конфликт с папой Клементом VII, был для Англии конфликт с Испанией. Находящаяся в то время еще в расцвете могущества феодально-католическая Испания была для Англии грозным противником. Англо-испанская вражда достигла крайней остроты; светские и духовные правители Испании вели против Генриха VIII ожесточенную борьбу и не жалели средств для его свержения и восстановления католицизма.

Исход этой борьбы долгое время оставался неясным. На протяжении полувека борьба между Испанией и папством, с одной стороны, и Англией — с другой — представляла собой главную политическую проблему эпохи и шла с переменным успехом. Острота этой борьбы усугублялась запутанностью вопроса о престолонаследии в Англии. Генрих VIII был женат шесть раз: после того, как ему уже не требовалось разрешения на развод от папы, он либо отправлял своих жен на плаху, либо разводился с ними. От первого брака (с Екатериной Арагонской) у него была дочь Мария, ревност-

ная католичка, которую он, женившись на Анне Болейн, лишил прав на престол. Любовь короля к Анне Болейн оказалась недолговечной — через три года после вступления в брак, в 1536 году он предал ее казни по обвинению в супружеской неверности. Свою дочь от второго брака, Елизавету, он также лишил прав на престол, несмотря на то, что она с младенчества воспитывалась в духе англиканизма.

Третья жена Генриха VIII, бывшая фрейлина Анны Болейн, Джейн Сеймур (она-то и выведена в романе «Хозяйка Блосхолма»), родила королю сына, который и был объявлен наследником престола. Джейн Сеймур умерла от родов, и после нее Генрих VIII сменил еще трех жен, но детей у него больше не было, и претендентами остались названные трое. Когда Генрих VIII умер в 1547 году, на престол вступил десятилетний Эдуард VI, при котором оставшиеся у власти царедворцы Генриха VIII продолжали прежнюю политику. Ранняя смерть Эдуарда VI (в 1553 году) вновь поставила в порядок дня вопрос о престолонаследии. На этот раз верх взяла недремавшая испанская группировка, и королевой стала Мария. Ее приход к власти сопровождался восстановлением католической церкви и полной отменой реформационного законодательства. Более того, Мария вышла замуж за короля Испании Филиппа II и подчинила английскую политику испанским интересам. Началась свирепая расправа со сторонниками реформации, и по всей стране запылали костры инквизиции.

Царствование Марии оказалось недолгим. Уже в 1558 году она умерла без прямых наследников, и на престол вступила Елизавета. На этот раз реформация окончательно восторжествовала: все реформационные законы Генриха VIII вновь вступили в силу, отношения с папой были снова прерваны, Елизавета отвергла предложение Филиппа II выйти за него замуж, и вражда с Испанией приняла еще более острые формы, чем при Генрихе VIII. Она привела в конце концов к войне между обоими государствами, завершившейся победой Англии и гибелью испанского флота, так называемой «Великой Армады» (1588 год). Эта дата знаменует собой начало упадка Испании и феодализма, а также начало возвышения Англии и капитализма, который победил окончательно во время английской буржуазной революции XVII века.

Таковы основные вехи истории Англии той эпохи, знание которых облегчит читателю правильное понимание романа Хаггарда.

Роман «Хозяйка Блосхолма» интересен нашему читателю со многих точек зрения. Прежде всего, он носит обличительный характер — автор яркими красками рисует картину разложения верхушки тогдашнего общества. В образе испанского агента аббата Мэлдона заклеимена католическая церковь — ее алчность, жестокость, стремление к господству и обогащению, ее постоянная готовность к любому преступлению, к любой низости и подлости ради достижения этих целей. Вместе с тем политические и религиозные противники Мэлдона, представленные в романе королем Генрихом VIII, его министром Кромуэллом и комиссаром Ли, тоже недалеко ушли от Мэлдона — ими движут те же стремления и чувства. Хаггард убедительно показывает, что борьба между обеими партиями не носит принципиального характера — это борьба за власть и деньги, борьба за бесконтрольное право распоряжаться судьбами и имуществом миллионов людей.

Роман «Хозяйка Блосхолма» наносит серьезный удар по суевериям и религиозному фанатизму, который играет на руку власти имущим и помогает им безнаказанно творить свои грязные дела.

Заслугой автора романа является и то, что в конечном счете подлинными героями романа оказываются не столько Сайсели Фотрел и ее супруг Кристофер Харфлит, сколько простые люди — кормилица Сайсели — Эмлин, монах-мирянин Томас Болл, слуга Джефри Стоукс. Их образы выписаны Хаггардом с большой любовью, они жизненны и правдивы; без этих преданных, находчивых и храбрых людей главные персонажи «Хозяйки Блосхолма» были бы обречены на гибель.

Читатель, несомненно, заметит, что те пороки, против которых мужественно боролись положительные герои романа, присущи и современному капиталистическому обществу; это придает роману актуальное звучание.

Все эти достоинства, а также увлекательный сюжет, хороший язык, интересные детали, характеризующие эпоху, — обеспечат «Хозяйке Блосхолма» успех у наших молодых читателей

Д. Прицкер

Глава I

СЭР ДЖОН ФОТРЕЛ

Кто хоть раз видел развалины Блосхолмского аббатства,¹ никогда не сможет забыть их. Аббатство расположено на холме, с севера его окаймляет полноводное устье реки, по которому поднимается прилив; с востока и юга оно граничит с богатейшими поместьями, лесами и заболоченными пастбищами, а с запада окружено холмами, постепенно переходящими в пурпурные торфяные земли; гораздо дальше за ними виднеются бесконечные мрачные вершины. Вероятно, пейзаж не очень изменился

¹ Аббатство — большой католический монастырь; обычно аббатству были подчинены несколько малых монастырей.

со времен Генриха VIII,¹ когда произошло то, о чем мы собираемся рассказать, здесь не появилось большого города, не были вырыты шахты или построены фабрики, оскорбляющие землю и оскверняющие воздух ужасным душливым дымом

Мы знаем, что население деревни почти не менялось, — об этом говорят старые переписи, — а так как здесь не проложили железной дороги, то облик Блосхолма, вероятно, остался почти таким же. Дома, построенные из местного серого камня, долго не поддавались разрушению.

Люди многих поколений входили и выходили все из тех же дверей, хотя теперь крыши большинства домов покрыты черепицей или грубыми плитами сланца, вместо тростника, нарубленного у плотины. Железные помпы, заменившие в колодцах деревни прежние ведра на валиках, все еще снабжают деревню питьевой водой, как во времена Эдуарда Первого,² а может быть, существовали много веков до него.

Недалеко от ворот аббатства, посредине монастырского луга все еще можно было увидеть колодки и позорный столб, несмотря на то, что ими не пользуются и надобность в них отпала. На позорном столбе красуются три набора железных скоб разного диаметра, прикрепленные на разной высоте и приспособленные для рук мужчины, женщины и ребенка

Все это, помнится, находилось под странной старой крышей, которую поддёрживали необтесанные дубовые столбы, над крышей виднелся флюгер, по фантазии монаха изображавший архангела, возвещающего о страшном суде. Труба или каретный рожок, или какой-то другой музыкальный инструмент, в который он трубил, исчез.

Приходская книга говорит, что во времена Георга I какой-то мальчишка отбил его и расплавил, за что был публично высечен; именно тогда, по всей вероятности, и воспользовались этим столбом в последний раз. Но Гавриил все еще вертится так же решительно, как и тогда, когда известный кузнец, старик Питер, сделал его и собственноручно установил в последний год царствования

¹ Генрих VIII — король Англии в 1509—1547 годах.

² Эдуард I — король Англии в 1272—1307 годах.

³ Георг I — король Англии в 1714—1727 годах.

короля Генриха VIII; говорят, он поставил архангела в память того, что здесь были прикованы Сайсели Харфлит, леди Блосхолма, и ее кормилица Эмлин, осужденные на сожжение, как ведьмы

Время коснулось Блосхолма лишь слегка. Почти все луга носят те же названия и сохранили ту же самую форму и границы. Старые фермы и несколько помещичьих домов, где жила местная знать, стоят там же, где стояли всегда. Прославленная башня аббатства все еще стремится к небу, хотя у нее уже нет колоколов и крыши, в то время как в полумиле от нее по-прежнему стоит среди древних вязов приходская церковь, перестроенная при Вильгельме Рыжем¹ на заложенном еще во времена саксов² фундаменте. Дальше, на склоне долины, куда по полям сбегает ручеек, находились развалины совершенно разрушенного женского монастыря, когда-то подчинявшегося величавому аббатству на холме; часть развалин была покрыта листами оцинкованного железа и использовалась под коровники

Об этом аббатстве, об этом женском монастыре и о тех, которые жили в тех местах в давно прошедшие времена, и в особенности о подвергшейся преследованиям прекрасной женщине, которая была известна как леди Блосхолма, и пойдет наш рассказ.

Это было в середине зимы, 31 декабря 1535 года. Старый, седобородый и краснолицый Фотрел, человек лет шестидесяти, сидел перед камином в столовой своего большого дома в Шефтоне, занятый чтением письма, только что принесенного из Блосхолмского аббатства Сэр Фотрел, наконец, одолел его, и если бы кому-нибудь довелось быть при этом, он мог бы увидеть рыцаря, хозяина обширного поместья, в ярости, необычной даже для времени Генриха VIII. Сэр Джон швырнул бумагу на землю; выпил подряд три кубка крепкого эля — и до того выпитого в достаточном количестве, — разразился

¹ Вильгельм Рыжий — король Англии в 1087—1100 годах.

² . . . во времена саксов. — Германские племена англов, саксов и ютов завоевали Британию в V веке нашей эры и создали там семь государств — два королевства англов на севере, одно королевство англов и саксов в центральной части страны, три государства саксов на юге и одно государство ютов на юго-востоке.

градом отборнейших ругательств своего времени и, наконец, в самых пылких выражениях послал тело блосхолмского аббата¹ на виселицу, а его душу в ад.

— Он притязает на мои земли, вот как! — воскликнул он, грозя кулаком в сторону Блосхолма. — Что говорит этот негодяй? Что прежний аббат разделил их с моим дедушкой не полюбовно, а под угрозами и страхом. Теперь, пишет он, этот государственный секретарь Кромуэл,² прозывающийся главным викарием, заявил, что вышеупомянутая передача была незаконной и что я должен вручить вышеупомянутые земли Блосхолмскому аббатству до сретения или в самый день праздника. Интересно, сколько заплатили Кромуэлу за то, чтобы он подписал этот приказ без всякого расследования?

Сэр Джон налил и выпил четвертый кубок эля, затем принялся ходить взад и вперед по залу. Наконец он остановился перед камином и заговорил с ним, как если бы это был его враг.

— Вы умный парень, Клемент Мэлдон, мне говорили, что все испанцы таковы; вас научили вашему ремеслу в Риме и нарочно прислали сюда. Вначале вы были никто, а теперь вы аббат Блосхолма и, может, достигли бы еще большего, если бы король не поссорился с папой.³ Но иногда вы забываетесь, ведь южная кровь горяча, и что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Не прошло и года с тех пор, как вы сказали при мне и при других свидетелях кое-какие слова, о которых теперь я вам напомним. Может быть, когда о них узнает секретарь Кромуэл, он откажется отдать вам мои земли, а вашу голову, голову заговорщика, поднимет, пожалуй, еще выше. Придется напомнить вам об этих словах.

Большими шагами сэр Джон подошел к двери и за-

¹ Аббат — в данном случае — настоятель (начальник) аббатства.

² Кромуэл Томас, граф Эссекс (1485—1540) — английский политический деятель, занимавший в 1533—1540 годах высшие государственные должности — канцлера казначейства, государственного секретаря, генерального викария короля по церковным делам. В 1540 году был обвинен в измене и казнен.

³ Если бы король не поссорился с папой. — Поводом для реформации церкви в Англии послужил конфликт между Генрихом VIII и папой римским Климентом VII, вызванный отказом папы разрешить развод короля с Екатериной Арагонской (подробнее о реформации см. в предисловии).

кричал, не будет преувеличением сказать, что он заревел, как бык. Немного спустя дверь распахнулась, и появился слуга, кривоногий, коренастый парень, с копной черных волос на голове.

— Ты не торопишься, Джеффри Стоукс? Неужели должен я ждать, когда вашей милости угодно будет пожаловать? — сказал сэр Джон

— Как можно прийти быстрее, хозяин? За что вы меня браните?

— Ты еще поспорь со мной, парень. Повтори-ка еще раз, и я прикажу тебя привязать к столбу и отхлестать.

— Вы бы сами себя отхлестали, хозяин! Вышла бы из вас желчь и пары доброго эля — вот что вам нужно! — хриплым голосом ответил Джеффри. — Бывают люди, не умеющие ценить настоящих слуг но такие часто умирают в одиночку. Что вам нужно? Если могу, сделаю, а нет, так делайте сами.

Сэр Джон поднял руку, точно собираясь ударить его, затем снова опустил ее.

— Люблю, когда человек умеет дать отпор, — сказал он более мягко, — и у тебя как раз такой характер Не обижайся, малый. Я злюсь, и не без причины

— Злость-то я вижу, а причины не знаю, хотя, может, и отгадаю, ведь только что из аббатства приходил монах.

— Увы! В том-то и дело, в том-то и дело, Джеффри. Послушай-ка! Я немедленно поеду в это воронье гнездо. Оседлай мне лошадь.

— Хорошо, хозяин. Я оседлаю двух лошадей.

— Двух? Я сказал одну, дурак; разве я скоморох, чтобы ехать на двух сразу?

— Этого я не знаю, но вы поедете на одной, а я на другой. Блосхолмский аббат приезжает к сэру Джону Фотрелу из Шефтона с соколом на руке, с капелланами¹ и пажам и с десятком недавно нанятых здоровенных вооруженных людей. Это больше, чем подобает священнику. Когда сэр Джон Фотрел едет в Блосхолмское аббатство, его должен сопровождать слуга, который мог бы держать его лошадь и служить свидетелем

Сэр Джон испытующе посмотрел на него.

¹ Ка п е л л а н — католический священник, в данном случае — подчиненный аббата.

— Я обозвал тебя дураком, — сказал он, — но ты дурак только по виду. Делай, как хочешь, Джефри, только поскорее. Стой! Где моя дочь?

— Леди Сайсели у себя в гостиной. Я видел ее нежное личико в окне, она так смотрела на снег, будто видит привидение.

— Хм, — проворчал сэр Джон, — привидение, о котором она думает, шести футов роста и ездит на большой серой кобыле, у него веселое лицо и пара рук, прекрасно приспособленных для меча и щита и для того, чтобы крепко обнять девушку. Надо же выдумать заклинание, чтобы привидение не появлялось, Джефри!

— Очень жаль, хозяин. А вам, может быть, это и не удастся? Заставить исчезнуть привидение — это дело священника. Мужские руки найдут что обнять, раз девицы к нему сами тянутся.

— Эй ты, иди — заревел сэр Джон, и Джефри вышел.

Через десять минут они уже ехали по направлению к находившемуся в трех милях аббатству, а еще через полчаса сэр Джон не слишком скромно стучался в ворота, услышав стук, монахи, как испуганные муравьи, забегали взад и вперед, так как времена были тяжелые и никто не мог знать, что ему угрожает.

Узнав, наконец, гостя, они принялись отодвигать засовы огромных дверей, опускать поднятый на закате подъемный мост.

Вскоре сэр Джон стоял в комнате аббата, греясь у большого камина, за ним стоял слуга Джефри, держа в руках его длинный плащ.

Это была красивая комната с потолком из благородного резного орехового дерева, с каменными стенами, увешанными дорогими гобеленами, на которых были вытканы сцены из священного писания. Пол был покрыт роскошными коврами из цветной восточной шерсти. Так же великолепна была и чужеземная мебель с инкрустациями из слоновой кости и серебра, на столе стояло золотое распятие чудесной работы, на мольберте, повернутом так, что свет от серебряной висячей лампы падал прямо на него, — картина работы какого-то великого итальянского художника. На ней изображалась в человеческий рост кающаяся Магдалина, прекрасные глаза женщины были обращены к небу, она била себя кулаком в грудь.

Сэр Джон огляделся и презрительно фыркнул

— Ну, Джефри, как ты думаешь, где мы находимся? В келье монаха или в гостиной какойнибудь придворной дамы? Посмотри под стол, парень, наверняка ты там найдешь ее лютию и вышивание. Чей это портрет, как тебе кажется? — и он указал на Магдалину

— Я думаю, что это кающаяся грешница, хозяин. Она была приятна для мирян, пока была грешницей, а теперь стала святой и потому приятна для священника. А что касается всего остального, здесь неплохо можно было бы выпастся после кубка красного вина, — и он ткнул большим пальцем в сторону бутылки с узким и длинным горлышком, стоявшей на краю стола — А что камин ярко пылает, в этом нет ничего удивительного, ведь его топят сухим дубом из вашего Стикслейского леса.

— Откуда ты это знаешь, Джефри? — спросил сэр Джон.

— По его прожилкам, хозяин, по его прожилкам. Я перевел там слишком много леса, чтобы не знать. Только стикслейские глины делают кольца извилистей и темнее к сердцевине. Посмотрите.

Сэр Джон посмотрел и злобно выругался.

— Ты прав, парень, теперь я вспомнил. Когда я был еще мальчишкой, мой дед показал мне именно эту особенность стикслейских дубов. Эти проклятые монахи истребляют мои леса у меня под носом. Мой лесничий — негодяй. Они напугали или подкупили его, и я его за это повешу.

— Сначала докажите преступление, хозяин, а это не так-то легко, а потом уж говорите о виселице. Только короли да аббаты, имеющие «право виселицы»,¹ могут сделать это, если захотят. Ох, это правда, — добавил он изменившимся голосом, — прекрасная комната, хотя недостаточно хороша для того святого, что в ней живет; такому святому подобало бы иметь серебряную раку,² вроде той, что стоит перед алтарем, и он безусловно заслужит ее еще до того, как состарится, — и Джефри,

¹ «Право виселицы». В средние века короли, крупные феодалы (светские и духовные) имели право судить своих подданных и даже казнить их.

² Рака — металлический ящик, гроб.

точно случайно, наступил на побаливавшую подагрическую ногу хозяина

Сэр Джон круто обернулся, как блосхолмский флюгер в ненастный день.

— Неуклюжая жаба! — заревел он и сразу замолчал, потому что среди бесшумно раздвинувшихся гобеленов появился одетый в дорогие меха высокий человек с тонзурой и за ним двое других тоже с тонзурами,¹ но в простых черных одеждах. Это был аббат со своими капелланами.

¹ Тонзура — выбритая макушка у католических священников и монахов, отличительный признак духовных лиц.

— Благослови господь, — мягко сказал аббат с иностранным акцентом, поднимая два пальца правой руки для благословения.

— Добрый день, — ответил сэр Джон, в то время как его слуга поклонился и перекрестился — Почему вы подкрадываетесь к людям, как вор по ночам, святой отец? — раздраженно добавил он.

— Сказано, что именно так грядет страшный суд, сын мой, — ответил аббат, улыбаясь. — И по правде говоря, в нем чувствуется некоторая необходимость. Мы слышали громкие споры и разговор о том, чтобы кого-то повесить. Основательно ли ваше обвинение?

— Оно крепче дуба, — угрюмо ответил старый сэр

Джон. — Мой слуга сказал, что эти дрова в камине взяты из моего Стикслейского леса, а я ответил ему, что если это так, то, значит, они украдены, и мой лесничий должен быть за это повешен.

— Достойный человек прав, сын мой, и все же ваш лесничий не заслуживает наказания. Я купил у него скудный запас топлива, и, если говорить правду, счет еще не оплачен. Деньги, которые следовало внести, отправлены в Лондон, потому я попросил отложить уплату до получения летней ренты. Не вините его, сэр Джон, если по дружбе к нам и зная, что это не причинит вам ущерба, он не потерпел скудости нашей скромной обители.

Сэр Джон окинул взглядом роскошную комнату.

— Разве это скудость скромной обители заставила вас послать мне письмо, в котором говорится, что у вас есть предписание Кромуэла захватить мои земли? — спросил сэр Джон, набрасываясь, как бык, на своего обидчика и бросая на стол письмо. — Или вы хотите сказать, что заплатите за них, когда получите свою летнюю ренту?

— Нет, сын мой. Долг заставляет меня начать это дело. Двадцать лет мы оспариваем эти поместья, которые, как вы знаете, ваш дед в трудную минуту отобрал у нас, разделив их пополам, несмотря на протест того, кто был в то время аббатом. Поэтому я, наконец, изложил дело главному викарию, который, как я слышал, решил вопрос в пользу аббатства.

— Удовлетворить иск, о котором ответчик и понятия не имеет! — воскликнул сэр Джон. — Милорд аббат, это нельзя назвать правосудием, это мошенничество, и я не потерплю этого. Помилуйте, может быть, он еще что-нибудь решил?

— Раз уж вы спрашиваете об этом — кое-что еще, сын мой! Чтобы избежать лишних расходов, я изложил ему некоторые нерешенные между нами вопросы; вот вкратце его решение. ваше право на владение Блосхолмскими и прилегающими землями, в общей сложности достигающими 8 тысяч акров,¹ не аннулируется, но оно не считается безусловным и остается под сомнением.

— Помилуй, бог! Почему? — спросил сэр Джон.

— Я скажу вам, сын мой, — мягко ответил аббат —

¹ Акр — старинная английская земельная мера, около 0,5 га.

В течение столетия земли принадлежали этому аббатству как дар короны, и нет никаких документов, указывающих на то, что корона согласилась на их отчуждение.

— Никаких документов, — воскликнул сэр Джон, — но у меня в секретном ящике есть договор, подписанный моим прадедушкой и аббатом Франком Ингхэмом! Ни каких документов, но мой вышеупомянутый прадедушка дал вам вместо них другие земли, и вы ими сейчас владеете! Прекрасно, продолжайте, святой отец.

— Мой сын, я повинуюсь вам. Ваше право хотя и является сомнительным, не аннулировано полностью, считается все еще, что вы будете владеть этими землями как арендатор аббатства, но они перейдут к нему, если вы умрете, не оставив потомства. Если же вы умрете, имея несовершеннолетних детей, то они будут переданы под опеку Блосхолмского аббата, если таковой будет существовать, а если нет, то есть если не будет ни аббата, ни аббатства, — то под опеку короны

Сэр Джон выслушал это, затем откинулся на спинку стула, а его красное лицо посерело, как зола.

— Покажите мне это решение, — медленно сказал он.

— Оно еще не написано, сын мой. В течение десяти дней или около того, я надеюсь. Но вам, кажется, плохо. Быть может, после наружного холода подействовала теплота этой комнаты. Выпейте бокал нашего скромного вина, — и по его знаку один из капелланов шагнул к буфету, наполнил бокал из стоявшей там бутылки с длинным горлышком и поднес его сэру Джону

Тот взял его, не сознавая, что делает, затем внезапно бросил серебряный бокал вместе с содержимым в огонь, откуда капеллан и извлек его щипцами

— Выходит, что вы, монахи, оказываетесь моими наследниками, — сказал сэр Джон совсем другим, спокойным голосом, — по крайней мере вы так говорите, а если это так, то, вероятно, мне осталось недолго жить. Я не буду пить вашего вина, оно может быть отравлено. Теперь послушайте меня, сэр аббат. Я мало верю в эту сказку, хотя, без сомнения, взятками и другими способами вы сделали все от вас зависящее, чтобы за моей спиной навредить мне там, в Лондоне. Но завтра на рассвете, будет ли хорошая погода или ненастье, я поскачу сквозь снега в Лондон, где у меня тоже есть друзья, и мы еще посмотрим .. мы еще посмотрим. Вы умны,

аббат Мэлдон, и я знаю, что вам нужны деньги или что-нибудь взамен, чтобы платить вашим оруженосцам и чтобы удовлетворить ваши громадные потребности — а у меня есть наши знаменитые драгоценности — да, да, старинные драгоценности времен крестовых походов. Из-за них вы ищете способа ограбить меня, — ведь вы всегда меня ненавидели, и, может быть, Кромвэл поверил вашей басне. Быть может, безумный монах, — добавил он медленно, — он хотел откормить на моих хлебах такого церковного гуся, как вы, перед тем, как свернуть ему шею и сварить его.

При этих словах в первый раз аббат содрогнулся и даже два бесстрастных капеллана переглянулись.

— Ах! Это вас волнует? — спросил сэр Джон Фотрел — Хорошо, тогда вот что заставит вас содрогнуться по-настоящему. Вы думаете, что к вам благоволят при дворе, не так ли? Потому что вы принесли присягу насчет престолонаследия, от которой люди храбрее вас, например братья картезианского монастыря,² отказались и погибли из-за этого. Но вы забыли слова, сказанные вами мне в моем доме, когда любимое ваше вино повлияло на вас, что.

— Замолчите! Ради самого себя замолчите, сэр Джон Фотрел! — перебил аббат — Вы заходите слишком далеко.

— Не так далеко, как отправитесь вы, милорд аббат, прежде даже, чем я сам рассчитаюсь с вами. А вы попадете в Тауэр Хилл³ или на площадь Тайберн,⁴ где вас повесят и четвертуют, как изменника его величеству. Говорю вам, вы забыли сказанные вами слова, но я вам их напомню. Разве вы мне не сказали, когда ушли гости,

¹ Присяга закону о престолонаследии. — В 1534 году, после развода Генриха VIII с Екатериной Арагонской, был издан закон, лишавший прав на престол детей Генриха VIII от первого брака.

² Картезианцы — монахи принадлежавшие к одному из католических орденов (картезианскому). Католические ордена вообще и картезианский орден в частности представляли собой монашеские организации, которые активно поддерживали папство в его борьбе со всякими отклонениями от католического вероучения.

³ Тауэр Хилл — старинная крепость в Лондоне, превращенная в начале XVI века в тюрьму. Здесь содержались важнейшие государственные преступники.

⁴ Тайберн — место в Лондоне, где производились казни.

что король Генрих — еретик, тиран и безбожник, и папа хорошо сделает, если отлучит его от церкви и лишит престола? Разве вы не спросили меня, когда я пошел вас провожать, не мог ли бы я вызвать в этой местности, где пользуюсь влиянием, восстание простолюдинов, а также знающих и любящих меня дворян, чтобы свергнуть короля, а на его место посадить некоего кардинала Пола, и за это обещали мне прощение и отпущение всех грехов, и великие почести — именем папы и испанского императора.¹

— Никогда этого не было, — отвечал аббат.

— И разве я, — продолжал сэр Джон, не обращая внимания на его слова, — разве я не отказался слушать вас и не сказал вам, что ваши слова предательство, и будь они сказаны где-нибудь в другом месте, а не в моем доме, я, как повелевает мой долг верноподданного, доложил бы о них? Да, да и разве не с этой минуты вы стремитесь погубить меня, потому что вы меня боитесь?

— Я все это отрицаю, — снова сказал аббат — Все это пустая ложь, вымышленная вашей злобой, сэр Джон Фотрел.

— Вот как. Пустые слова, милорд аббат? Ну, так я говорю вам, они все записаны и подписаны, как полагается по форме. Говорю вам, что у меня есть свидетели, о которых вы не подозревали и которые слышали их своими собственными ушами. Здесь, за моим стулом, стоит один из них. Не так ли, Джефри?

— Так точно, хозяин, — ответил слуга. — Я вместе с другими случайно оказался в маленькой комнате с деревянной панелью, где мы ждали аббата, чтобы проводить его домой, и слышал все, а потом я и они поставили свои подписи на документе. Это так же верно, как то, что я христианин, но, несмотря на это, хозяин, как бы несправедливо со мной ни обошлись в этом доме, я не стал бы об этом распространяться.

— А мне так нравится, — ответил рассвирепевший рыцарь, — и я стану говорить об этом еще громче в любом другом месте, например перед Королевским сове-

¹ Испанский император. — Имеется в виду испанский король и император так называемой Священной Римской империи германской нации — Карл V, ярый противник Генриха VIII и союзник папы римского.

том. Завтра, милорд аббат, я с этим документом отправлюсь в Лондон, и тогда вы узнаете, чего вам будет стоить попытка лишить Фотрела его состояния

Теперь, в свою очередь, испугался аббат Его гладкие оливковые щеки побледнели и впали, как будто он уже почувствовал, как веревка обвивается вокруг его шеи. Его руки, все в драгоценных кольцах, дрожали, и он, схватив руку одного из капелланов, оперся на нее.

— Человек, — прошипел он, — неужели ты думаешь, что, произнеся подобные лживые угрозы, ты выйдешь отсюда чтобы погубить меня, священнослужителя? У меня здесь есть темницы; я облечен властью Будет доказано, что ты напал на меня и что я всего лишь защищался, не ты один, сэр Джон, можешь давать показания, — и он прошептал какие-то слова по-латыни или по-испански на ухо одному из капелланов, после чего священник повернулся, чтобы уйти.

— Кажется, теперь мы попали в историю, — сказал Джефри Стоукс, кладя руку на кинжал у пояса и проскользнув между дверью и монахом

— Вот именно, Джефри! — воскликнул сэр Джон. — Держись, крысиная нора. Смотри, испанец, вот мой меч. Проводите меня к воротам, или, в силу королевских полномочий, мне данных, я буду немедленно судить тебя, как предателя, и, если добьюсь своей цели, отвечу за все.

Аббат с минуту подумал, как бы измеряя мысленно ярость стоящего перед ним рыцаря. Затем медленно сказал.

— Идите, как пришли, с миром, о раб ярости и зла, но знайте, что проклятие церкви последует за вами. Я говорю вам, что вы стоите на краю гибели

Сэр Джон посмотрел на него. Злоба исчезла с его лица, на нем появилось какое-то странное выражение — пророческое или вдохновенное, можно назвать это как угодно.

— Во имя неба и всех святых! Я думаю, что вы правы, Клемент Мэлдон, — пробормотал он. — Под этой черной рясой вы такой же человек, как и мы все, — не правда ли? У вас есть сердце, есть руки и ноги, есть мозг, чтобы думать. Для бога вы всего лишь скрипка, на которой он играет, и как бы сильно ваш религиозный фана-

тизм ни искажал ее звуков, струны порой говорят правду. Ну, а я — другая, может быть более честная скрипка, хоть я и не поднимаю двух пальцев правой руки и не говорю: «Благословляю, сын мой», или «Отпускаются вам грехи ваши», и вот сейчас наш единый бог играет во мне свою мелодию, и я скажу вам, что она говорит. Я стою у порога смерти, но и вы стоите недалеко от виселицы. Я умру как честный человек, вы умрете, как пес, предавший все, и после этого пусть ваши молитвы, ваши обедни и ваши святые помогут вам, если им это удастся. Мы поговорим об этом еще раз, когда снова встретимся где-нибудь в другом месте. А теперь, милорд аббат, ведите меня к воротам, помня, что я с мечом следую за вами. Джефри, поставь перед собой этих мерзких воронов и следи за ними, как следует. Милорд аббат, я ваш слуга, вперед!

Глава II

УБИЙСТВО У ЗАВОДИ

Некоторое время сэра Джон и его слуга ехали молча. Потом сэра Джон громко рассмеялся.

— Джефри, — позвал он, — это было опасным испытанием. Сэр священник намеревался воткнуть нам между ребер испанскую зубочистку, а потом для успокоения совести дать предсмертное отпущение грехов.

— Да, хозяин, но он благоразумно вспомнил, что у английских мечей лезвие длиннее и что его головорезы провожают старый год в харчевне у брода, и отказался от своего замысла. Я всегда говорил вам, хозяин, что ваше старое октябрьское вино слишком крепко для употребления днем. Его следовало бы приберечь, чтобы пить перед сном.

— Что ты хочешь сказать, парень?

— Я хочу сказать, что вашими устами говорил эль, а не мудрость. Вы раскрыли ваши карты и свалили дурака.

— Как ты смеешь учить меня! — сердито сказал сэра Джон. — Мне хотелось, чтобы этот льстивый предатель хоть раз в жизни услышал правду.

— Так-так, но для правды и для тех, кто ее почитает, наступили плохие дни. Разве было необходимо говорить

ему о том, что завтра вы отправляетесь в Лондон по этому делу?

— Почему нет? Я приеду туда раньше его.

— Приедете ли вы туда когда-нибудь, хозяин? Дорога идет мимо аббатства, а у этого священника достаточно головорезов, умеющих держать язык за зубами.

— Ты хочешь мне сказать, что он подставит мне ловушку. Не посмеет, я тебе говорю. Но для твоего успокоения мы поедем дальней тропинкой через лес.

— Дорога там трудная, хозяин; а кто ж будет сопровождать вас? Большинство отправилось в извоз, другие — отдыхают. В доме только трое, но вы не можете оставить без охраны леди Сайсели или взять ее с собой в такой холод. — И он прибавил многозначительно: — Помните, что в доме есть богатство, которое кое-кому нужнее ваших земель. Лучше подождите немного: ваши люди вернутся или вам удастся созвать арендаторов и поехать в Лондон, как подобает человеку вашего звания, в сопровождении двадцати славных молодчиков.

— И дать нашему другу-аббату время нашептать на ухо Кромуэлу, а через него и королю. Нет, нет; я поеду завтра на рассвете с тобой или, если ты боишься, без тебя, как я ездил раньше и возвращался целым и невредимым.

— Никто не посмеет сказать, что Джефри Стоукс боится человека, священника или дьявола, — покраснев ответил старый солдат. — Тридцать лет ваш путь был хорош для меня и теперь хорош. Я предупредил вас не ради себя — мне-то безразлично, что будет, — а ради вас и вашего дома.

— Я это знаю, — сказал сэр Джон, смягчаясь. -- Не принимай моих слов близко к сердцу, я сегодня не в себе. Во имя всех святых! Наконец-то мы дома. О! чья это лошадь проскакала в ворота до нас?

Джефри взглянул на следы, отчетливо выделявшиеся при лунном свете на только что выпавшем снегу.

— Серая кобыла сэра Кристофера Харфлита, — сказал он. — Я узнаю ее подковы и круглую форму копыт. Без сомнения, он приехал навестить госпожу Сайсели.

— Я запретил ему это, — пробормотал сэр Джон, высказывая из седла.

— Не запрещайте, — ответил Джефри, забирая его лошадь, — Кристофер Харфлит может быть хорошим

другом для девушки, когда понадобится, а мне кажется, что это время близко

— Делай свое дело, мошенник! — закричал сэр Джон. — Чтобы в моем собственном доме какая-то девчонка и щеголь, желающий поправить свои пошатнувшиеся дела, не ставили меня ни во что?

— Раз уж вы меня спрашиваете, то, по-моему, они правы, — невозмутимо ответил Джеффри, уводя лошадей.

Сэр Джон большими шагами направился к дому через заднюю дверь, выходящую в конюшню. Взяв фонарь, стоявший около двери, он прошел по галереям наверх в гостиную, расположенную перед залом, которым после смерти матери пользовалась его дочь; тут он предполагал найти ее. Поставив фонарь на столик в коридоре, он толкнул незапертую дверь и вошел.

Вся передняя часть большой комнаты тонула во мраке. Задняя была освещена только ярким светом топившегося камина и двумя свечами. Все же около глубокой оконной ниши мрак рассеивался и озарял ярким пламенем сидящую на дубовом стуле с высокой спинкой Сайсели Фотрел, единственное оставшееся в живых дитя сэра Джона. Это была высокая грациозная девушка с голлубыми глазами, каштановыми волосами и белоснежной кожей, с круглым ребячьим личиком, какие большинство людей считает красивыми. В эту минуту это лицо, обычно радостное и лукавое, казалось озабоченным. И для этого, видимо, были причины, так как рядом с ней на стуле сидел молодой человек и что-то горячо говорил ей.

Это был здоровенный молодец, очень широкий в плечах, с правильными чертами лица, длинным прямым носом, черными волосами и веселыми черными глазами. Как и подобает влюбленным, он, по всей вероятности, пылко и очень искренне объяснялся ей в любви; сидя лицом к Сайсели, он о чем-то умолял ее, а она откинулась на спинку кресла и ничего не отвечала.

Как раз в эту минуту обильный поток слов иссяк: то ли высказавшись до конца, то ли по какой-нибудь другой причине, но молодой человек перешел к иному, более действенному способу наступления. Вдруг, соскользнув со стула, он опустился на колени, взял руку Сайсели и, не встретив сопротивления, поцеловал ее несколько раз, затем вдохновленный успехом, раньше

чем сэр Джон, задыхавшийся от негодования, смог найти слова, чтобы остановить его, он обнял девушку своими длинными руками, прижал к себе и стал целовать ее алые губы, как прежде целовал руки.

Эта дерзость, казалось, разрушила сковывающие ее чары, так как, оттолкнув назад стул и высвободившись из его объятий, она поднялась и сказала дрогнувшим голосом.

— О! Кристофер, дорогой Кристофер, так ведь нельзя!

— Может быть, — ответил он. — Раз вы меня любите, мне все остальное безразлично.

— Уже два года, как вы знаете это, Кристофер. Да, я люблю вас, но — увы! — мой отец не согласен. Теперь уходите, пока он не вернулся, или нам обоим придется поплатиться за это, а меня, быть может, отправят в монастырь, куда ни один мужчина не может проникнуть.

— Нет, моя голубка. Я пришел сюда, чтобы просить его согласия.

Тогда, наконец, сэр Джон не выдержал.

— Просить моего согласия, бесчестный мошенник! — проревел он из темноты, при этом Сайсели упала обратно в кресло почти в обмороке, а дюжий Кристофер зашатался, словно пронзенный стрелой.

— Сначала обнимаешь мою дочь у меня на глазах, а потом, позволив себе такую дерзость, просишь моего согласия! — и он бросился к ним, как бык, готовый к нападению.

Сайсели поднялась, стремясь убежать, но, увидев, что бегство невозможно, бросилась в объятия своего возлюбленного. Взбешенный отец, надеясь вырвать девушку из объятий молодого человека, схватил первое, что попало ему под руку — одну из ее длинных каштановых кос, — и изо всех сил стал тянуть ее, пока Сайсели не закричала от боли. При звуке ее голоса Кристофер тоже вышел из себя.

— Оставьте в покое девушку, сэр, — сказал он тихо и зловеще, — или, да простит мне господь, я заставлю вас сделать это!

— Оставить девушку в покое? — задохнулся сэр Джон. — А кто держит ее крепче, — ты или я? Это ты должен отпустить ее.

— Да, да, Кристофер, — прошептала она, — а то вы меня разорвете пополам

Он повиновался и посадил ее на стул, хотя отец все еще не отпускал каштановой косы.

— Теперь, сэр Кристофер, — сказал он, — я уж проткну тебя своим мечом

— И пронзите сердце вашей дочери вместе с моим. Что ж, пусть будет по-вашему, а когда мы умрем и вы лишитесь детей, слезы сведут вас в могилу

— О! Отец, отец! — воскликнула Сайсели, зная характер старика и опасавшаяся самого худшего. — Во имя справедливости и милосердия, выслушайте меня. Мое сердце принадлежит Кристоферу и принадлежало с самого детства. С ним я буду счастлива, без него будет только мрак и отчаяние, и он клянется в том же. Зачем вам разлучать нас? Разве он не подходит мне, плох его род или запятнано имя? До недавних пор разве он не пользовался вашим расположением и вы не разрешали нам быть все время вместе? А теперь слишком поздно отказывать ему. О! Почему, почему?

— Ты знаешь достаточно хорошо почему, дочь! Потому что я выбрал тебе другого мужа. Лорду Деспарду понравилось твое детское личико, и он хочет жениться на тебе. Не далее как сегодня утром мы ударили по рукам

— Лорд Деспард? — вырвалось у Сайсели. — Но он только в прошлом месяце похоронил свою вторую жену! Отец, он вашего возраста, пьяница, и его внуки почти ровесники мне. Я покорна вам во всем, но никогда он не возьмет меня живой.

— И сам не останется в живых, если попробует взять вас, — пробормотал Кристофер.

— Какое значение имеет его возраст, дочь? Он очень крепкий человек, у него нет сына, а если он у него родится, то будет самым богатым наследником наших трех графств. Главное же — мне нужна его дружба, потому что у меня есть заклятые враги. Но довольно. Уходи, Кристофер, пока с тобой не случилось ничего плохого.

— Пусть будет так, сэр, я пойду; но прежде, как честный человек, как друг моего отца и, как я всегда думал, мой друг, ответьте мне на один вопрос. Почему вы с некоторых пор изменили отношение ко мне? Разве я не тот самый Кристофер Харфлит, что и год или два назад?

И разве я что-нибудь сделал унижающее меня в ваших глазах или в глазах общества?

— Нет, парень, — прямодушно ответил старый рыцарь, — но раз ты хочешь знать, слушай. Год или два назад твой дядя, чьим наследником ты был, женился, родил сына, и теперь ты только джентльмен с хорошим именем, не имеющий средств достойно поддерживать его. Твой большой дом будет продан с торгов, Кристофер. И ты никогда не введешь в него свою жену.

— Ах! Я так и думал. Кристофер Харфлит — наследник земель Лесборо — один человек; Кристофер Харфлит без этих земель — в ваших глазах другой человек. Однако, сэр, вы плохо рассчитали. Я люблю вашу дочь, и она любит меня, а земли Лесборо, и не только они, еще могут ко мне вернуться, да и я не так глуп, чтобы не добыть себе других. В скором времени очень много земель отойдет к короне, а при дворе меня знают. Кроме того, я должен сказать вам: я уверен, что женюсь на Сайсели раньше, чем вы думаете, но я бы хотел получить вместе с ней ваше благословение.

— Что! Неужели ты хочешь похитить девочку? — яростно спросил сэр Джон.

— Ни в коем случае, сэр. Но мы живем в такое время, когда ежечасно тот, кто был вверху, оказывается внизу, и наоборот, так что, надеюсь, я все-таки женюсь на ней. Во всяком случае, я уверен, — пьяница Деспард никогда ее не получит, ибо раньше я убью его, если даже меня за это повесят. Сэр, сэр, не бросите же вы вашу жемчужину в эту навозную кучу! Лучше раздавить ее сразу каблуком. Посмотрите на нее и скажите, что вы не в силах это сделать! — и он указал на трогательную фигурку Сайсели, которая стояла около них, сжав руки, прерывисто дыша, с выражением муки на лице.

Старый рыцарь взглянул на нее искоса уголком глаза и почувствовал жалость, так как в глубине души был порядочным человеком; хотя он обращался с дочерью грубо, как это было в обычае той эпохи, но любил ее больше всего на свете.

— Как ты смеешь говорить мне о долге по отношению к моей плоти и крови? — пробурчал он. Затем, немного подумав, добавил: — Выслушай же меня, Кристофер Харфлит. Завтра на рассвете я еду в Лондон с Джеффри Стоуксом по одному рискованному делу.

— По какому делу, сэр?

— Если хочешь знать, — по поводу ссоры с этим испанским негодяем-аббатом, который притязает на лучшую часть моих земель и много чего нащептал этому выскочке, главному викарию Кромгуэлу. Я еду, чтобы рассказать о тех его делах, которые Кромгуэл не знает, и постараюсь доказать, что он лжец и предатель. Скажи, будет ли мой дом избавлен от твоих посещений в мое отсутствие? Дай мне слово, и я поверю тебе, так как ты все же честный джентльмен, и если ты незаконно сорвал один или два поцелуя, то это можно простить. Еще до твоего рождения люди делали то же самое. Дай мне слово, или мне придется тащить эту девчонку за собой в Лондон через все снежные заносы.

— Я даю вам его, сэр, — ответил Кристофер. — Если ей понадобится мое общество, то для этого ей придется приехать в Крангуэл Тауэрс, так как я не буду надоедать ей в ваше отсутствие.

— Хорошо. Тогда одолжение за одолжение. Я не буду отвечать на письмо лорда Деспарда, пока не вернусь обратно — не для того, чтобы доставить тебе удовольствие, а потому что я терпеть не могу писать. Это для меня труд, и я не могу тратить на него времени сегодня вечером. А теперь выпей кубок вина и уходи. Любовь — работа, вызывающая жажду.

— Охотно, сэр; но послушайте меня, послушайте. Не ездите в Лондон почти без спутников после ссоры с аббатом Мэлдоном. Разрешите мне охранять вас. Хотя мое имущество невелико, я все-таки могу взять человека или двух — даже, быть может, человек шесть — восемь, пока ваши разъехались.

— Ни за что, Кристофер. Я сам охранял свою голову все шестьдесят лет, смогу сохранить ее и сейчас. Кроме того, — добавил он, внезапно как бы охваченный предчувствием, — как ты сказал, путешествие опасно, и кто знает? Если что-нибудь случится, может быть, ты будешь тут гораздо нужнее. Кристофер, ты никогда не получишь мою дочь, она не для тебя. Однако возможно, возникнет необходимость заступиться за нее даже ценой отлучения от церкви. Уходи отсюда, девушка! Что ты стоишь здесь и глядишь на нас, как сова при солнечном свете? И запомни, что, если я еще раз поймаю тебя за подобными штучками, ты будешь проводить свои дни

в монастыре, шепча молитвы, что принесет тебе немалую пользу

— По крайней мере, я найду там покой и ласку, — ответила Сайсели с чувством, так как она знала своего отца и ее самые худшие опасения исчезли. — Только, сэр, я не знала, что вы хотите увеличить богатство блосхолмских аббатов.

— Увеличить их богатство! — заревел ее отец. — Нет, я повешу их всех. Иди в свою комнату и пришли Джефри с водкой.

Сайсели не оставалось ничего другого, как сделать реверанс сначала отцу, потом Кристоферу, которому она взглядом сказала то, чего не смели произнести губы, потом исчезла в темноте, и только слышно было, как она ударилась о какую-то мебель.

— Посвети девочке, Кристофер, — сказал сэр Джон, который смотрел в огонь, погружившись в свои мысли.

Схватив одну из двух свечей, Кристофер бросился за Сайсели, как гончая за кроликом, и вскоре они оба вышли в дверь и пошли по начинавшемуся за ней длинному коридору. На повороте они остановились, и еще раз он безмолвно обнял ее своими длинными руками.

— Вы не забудете меня, даже если нам придется расстаться? — всхлипывала Сайсели.

— Нет, голубка, — ответил он. — Мы расстаемся ненадолго, так как господь отдал нас друг другу. Ваш отец не думает того, что говорит, а сегодня он расстроен, но потом смягчится. Если же нет, мы сами подумаем о самих себе. У меня есть одна — две быстрых лошади. Смогли бы вы поехать на одной из них, если понадобится?

— Я всегда любила ездить верхом, — ответила она многозначительно.

— Хорошо. Тогда вы никогда не попадете в хлев к этой свинье, так как сперва я ее заколю. У меня есть друзья и в Шотландии и во Франции. Что вы предпочитаете?

— Говорят, что воздух во Франции мягче. Теперь уходите от меня, а то он пойдет искать нас. — И они оторвались друг от друга.

— Вашей кормилице Эмлин можно доверять, — быстро сказал он. — И она очень любит меня. Если будет нужно, дайте мне знать о себе через нее.

— Ах, — ответила она, — непременно. — И ускользнула от него, как призрак.

— Ты ждал восхода луны? — спросил сэр Джон, взглянув из-под мохнатых бровей на Кристофера, когда он вернулся.

— Нет, сэр, но коридоры в вашем старом доме удивительно длинные, и я повернул не в ту сторону, проходя по ним.

— О! — сказал сэр Джон. — У тебя изумительная способность поворачивать не в ту сторону; Впрочем, расставаться, конечно, не легко. Теперь ты понимаешь, что вы виделись в последний раз?

— Я понимаю, что вы это говорите, сэр.

— Надеюсь, что я могу и думать так. Послушай, Кристофер, — добавил он строго, но ласково. — Поверь мне, ты мне нравишься, и я бы не стал огорчать ни тебя, ни девушку, если бы мог. Но у меня нет выбора. Мне угрожают со всех сторон и священник и король, а ты потерял свое наследство. Она единственное сокровище, которое я могу дать в залог; и ради ее собственного блага и ради ее будущих детей она должна как следует выйти замуж. Этот Деспард долго не протянет, он слишком много пьет; тогда, быть может, придет твой день, если ты все еще будешь равнодушен к его наследству. Случится это года через два, а то и меньше, она скоро проводит его в другой мир. А теперь не будем больше говорить об этом, но если что-нибудь случится со мной, будь ей другом. Вот и водка — выпей и уходи. Пусть тебе кажется, что я суров с тобой, я все же надеюсь, ты осушишь в Шефтоне еще не один кубок.

Было семь часов утра следующего дня, когда сэр Джон, позавтракав, опоясывался мечом, так как Джефри уже пошел за лошадьми; дверь в большой зал отворилась, и вошла его дочь со свечой в руках, закутанная в меховой плащ, поверх которого ниспадали ее длинные волосы. Взглянув на нее, сэр Джон заметил в ее широко открытых глазах ужас.

— Что с тобой, девочка? — спросил он. — Ты умрешь от простуды на сквозняке.

— О отец! — воскликнула она, целуя его. — Я пришла проститься с вами и... и просить вас не ехать.

— Не ехать? Но почему?

— Потому что, отец, я видела плохой сон.

— Я не боюсь снов, все эти глупости от плохого пищеварения.

— Может быть, отец, но вы должны остаться дома и послать кого-нибудь другого по этому делу. Например, сэра Кристофера.

— Зачем мне бояться твоего сна, правдив ли он или ложен? Если он правдив, то ничего не поделаешь, он должен исполниться, если ложен, с какой стати придавать ему значение? Сайсели, я простой человек и не обращаю внимания на такие фантазии. Но у меня есть враги, и вполне возможно, что мой час настал. Если так, то полагайся на свой здравый смысл, дочка, остерегайся Мэлдона; будь осторожна, спрячь драгоценности твоей матери. — И он повернулся, чтобы уйти.

Она схватила его за руку.

— Отец, что я должна делать, если с вами что-нибудь случится? — пылко спросила она.

Он остановился и смерил ее взором от головы до пят.

— Я вижу, что ты веришь в свой сон, — сказал он. — И хотя это и не остановит Фотрела, я начинаю верить в него тоже. Если это случится, у тебя будет возлюбленный, которому я отказал. Он и мне по сердцу и будет крепко бороться за тебя. Если я умру, моя игра кончена. Тогда начинай свою с начала, милая Сайсели, и начни ее скорее, прежде чем аббат станет тебя преследовать. Хоть я был и груб, не поминай меня лихом, и пусть будет с тобой божие и мое благословение. А вот и Джеффри зовет; если лошади будут стоять, они простудятся. Ну, прощай. Не бойся за меня, у меня надета под плащом кольчуга. Ложись опять в постель и согрейся. — И он поцеловал ее в лоб, отстранил от себя и ушел.

Так Сайсели и рассталась с отцом навсегда.

Весь этот день сэр Джон и его слуга Джеффри скакали вперед по снегу. Но иногда они были вынуждены идти пешком по глубоким сугробам. Они ехали лесной тропой, и хотели добраться до одной фермы в прогалине среди лесов за два часа до заката, переночевать в ней и на рассвете направиться в Фенс и Кембридж. Это, однако, оказалось невозможным. Дорога была уж очень

плоха. И получилось так, что немногим ранее пяти часов, когда темнота сомкнулась над ними, принеся с собой холод и стонущий ветер, и неожиданный снегопад, они были вынуждены укрыться в хижине лесничего, построенной из прутьев, и дожидаться, пока луна не выйдет из-за облаков. Там они накормили лошадей захваченным с собой зерном, поели сами сухого мяса и ячменных лепешек, запас которых нес Джефри в сумке на плече. Трапеза была убогая, в полной темноте, но она помогла хоть немного утолить голод и провести время.

Наконец луч света проник через дверь в хижину.

— Луна взошла, — сказал сэр Джон. — Поедем, пока лошади не замерзли.

Ничего не ответив, Джефри взнуздal лошадей и вывел их из хижины. В это время появилась полная луна, как огромный белый глаз между двумя черными грядами облаков, и покрыла серебром весь мир. Она осветила печальную картину; сверкающая равнина снега, местами поросшая кустарником боярышника — и то тут, то там мрачные очертания подстриженных дубов; это была опушка леса, и люди приходили сюда обрубать верхушки деревьев для топлива.

На расстоянии примерно ста пятидесяти ярдов,¹ на гребне склона возвышался округлой формы холм, созданный не природой, а рукой человека. Никто точно не знает, что это за холм, но существует предание, что однажды, сотни или тысячи лет назад, здесь произошла великая битва, в которой был убит король, и его победоносная армия, чтобы увековечить его память, насыпала над его останками этот холм.

В этой легенде говорилось, что это был морской король, поэтому для него построили или принесли сюда с берега реки лодку со всеми приспособлениями для гребли и усадили его в нее; также говорили, что по ночам можно видеть, как он в доспехах верхом на лошади объезжает окрестности, будто все еще руководит битвой. Во всяком случае холм назывался Королевским курганом, и люди боялись проходить мимо него после захода солнца.

Держа стремя своего хозяина, чтобы помочь ему сесть на лошадь, Джефри Стоукс вдруг вскрикнул и ука-

¹ Яр — английская мера длины, равная 91 см.

зал на что-то. Взглянув по направлению его вытянутой руки, сэр Джон в ясном лунном свете увидел всадника, неподвижного, как статуя, на самой вершине Королевского кургана. Казалось, он был закутан в длинный плащ, но его шлем сверкал на голове, как серебро. В следующую минуту край черной тучи скрыл диск луны, и, когда туча прошла, человека на лошади уже не было.

— Что этот парень там делал? — спросил сэр Джон.

— Парень? — дрожащим голосом ответил Джефри — Я не видел никакого парня. Это был могильный призрак. Мой дедушка, вероятно, встретил его, потому что погиб в лесу неизвестно какой смертью, волки, которых было очень много в те дни, обглодали дочиста его кости; за сотни лет его встречали и многие другие и всегда как раз перед смертью. Плохой вестник — этот могильный призрак, и тот, кому он попался на глаза, поступит мудро, если повернет своих лошадей к дому; я бы тоже так сделал сегодня вечером, если бы мог поступать по-своему, хозяин.

— Какой в этом смысл, Джефри? Если он предрекает смерть, пусть придет смерть. Да я и не верю этим сказкам. Твое привидение просто лесной сторож или пастух.

— Лесной сторож или пастух не слоняются в метель в стальном шлеме на прекрасной лошади, когда нет скота для охраны и нельзя рубить деревья. Думайте, как хотите, хозяин, только упаси меня боже от таких сторожей и пастухов. Они, я полагаю, вестники ада.

— Значит, это был шпион, следивший за тем, куда мы едем, — ответил сердито сэр Джон.

— Если так, то кто послал его? Блосхолмский аббат? В таком случае я бы лучше предпочел встретить дьявола, потому что с аббатом беды-то уж, наверно, не миновать. Я думаю, что нам лучше вернуться в Шефтон.

— Если тебе страшно, ты так и сделай, Джефри, а я ради честного дела не побоюсь ни сатаны, ни аббата и поеду дальше один.

— Нет, хозяин. Много лет назад, когда мы были моложе, я сражался около вас на Флодденском поле, и сэр Эдуард, отец Кристофера Харфлита, был убит рядом с нами, а голоштаные рыжебородые шотландцы крепко на нас нажимали, однако мне ни разу не захотелось удрать, даже когда детина с топором свалил вас, и мы думали, что все погибло. Так зачем мне удирать сейчас?

Хотя, по правде сказать, я боюсь этой нечисти больше, чем всех горцев по ту сторону Твида ¹ Едем; человек умирает только раз, и не все ли равно, когда это случится, потому что мне нечего терять в этом паршивом мире.

И так, без лишних слов, они отправились дальше, все время оглядываясь по сторонам. Вскоре лес стал гуще, и дорога, по которой они ехали, вилась то между огромными стволами первобытных дубов, то по краям болот, то сквозь колючий кустарник. Иногда дорогу очень трудно было различить, так как снег засыпал ее и среди дубов было очень темно. Но Джефри родился в лесах и с детства различал по виду каждое дерево в тех местах, поэтому они благополучно ехали по правильной дороге. Но лучше было бы им никуда не ехать!

Когда они достигли перекрестка, где три других дороги пересекали их путь, Джефри Стоукс, ехавший впереди, поднял руку

— Что такое? — спросил сэр Джон.

— Следы десятка или доброй дюжины подкованных лошадей, проехавших часа через два после того, как снег выпал в последний раз. Интересно, — кто бы это мог быть?

— Должно быть, путешественники, как и мы. Едем дальше, парень, до фермы осталось не больше мили.

Но Джефри Стоукс возразил

— Хозяин, не нравится мне все это. Здесь скакали воины, а не странствующие торговцы или фермеры, и мне думается, мне думается, я узнаю их следы. Я говорю вам, нам лучше повернуть, чтобы не попасть в какую-нибудь ловушку.

— Поворачивай тогда ты, — равнодушно пробурчал сэр Джон. — Я замерз, устал и хочу покоя.

— Молите господя, чтобы вы не нашли его навсегда, — пробормотал Джефри, прищиприв лошадь.

Они поехали дальше сквозь мертвую зимнюю тишину, прерывавшуюся лишь криками голодной совы, ищущей и не находящей пищи, или шорохом лисьих шагов, когда лиса, петляя, пробиралась по снегу мимо них.

Наконец они выехали на окаймленную лесом и такую сырую поляну, что только болотные деревья могли там

¹ Твид — река в Шотландии.

расти. Направо от них была небольшая покрытая льдом заводь, с высохшим коричневым тростником, торчавшим тут и там на ее поверхности, а на противоположной стороне заводи росла группа совершенно обстриженных ив; их верхушки были срублены для столбов жителями расположенной недалеко отсюда лесной фермы. Усталая лошадь понюхала воздух и заржала, и в ответ ей совсем близко тоже послышалось ржание.

— Слава богу! Мы находимся ближе к ферме, чем я думал, — сказал сэр Джон.

Когда он произнес эти слова, из-за колючего кустарника, служившего укрытием, появилось несколько человек, мчавшихся на них галопом, и лунный свет осветил обнаженные клинки в их руках.

— Воры! — закричал сэр Джон. — А ну-ка на них, Джефри, и пробьемся к ферме.

Слуга помедлил; он видел, что врагов было много и они не были просто грабителями, но его хозяин вытащил свой меч, пришпорил лошадь, и Джефри должен был последовать его примеру. Через двадцать секунд они уже были среди них, и кто-то предложил им сдаться. Сэр Джон бросился на этого парня и, поднявшись на стремянах, ударил его. Тот мешком свалился на землю и теперь неподвижно лежал на снегу, окрасившемся алым цветом вокруг него. Один из всадников напал на Джефри, но тот повернул свою лошадь, и удар просвистел мимо, а затем Джефри острием меча отшвырнул его так, что всадник тоже упал и, чуть вздрагивая, остался лежать на снегу. Остальные, решив, что встреча была чересчур горячей, круто повернули и опять исчезли среди колючего кустарника.

— Теперь едем к ферме, — сказал Джефри.

— Не могу, — ответил сэр Джон. — Один из этих мошенников ранил мою кобылу — И он указал на кровь, бежавшую из глубокой раны в передней ноге лошади, которую она поднимала с жалобным видом.

— Возьмите мою, — сказал Джефри. — Я ускользну от них и пешком.

— Ни за что! К ивам! Мы будем защищаться там — И, прыгнув на землю, он побежал под прикрытия деревьев, а следом за ним верхом ехал Джефри. Раненая лошадь попыталась, прихрамывая, последовать за ними, но не смогла, так как у нее были разорваны сухожилия.

— Кто эти негодяи? — спросил сэр Джон.

— Оруженосцы аббата, — ответил Джефри. — Я видел лицо того, которого я заколол.

Лицо сэра Джона омрачилось.

— Тогда нам конец, друг; они не посмеют нас выпустить.

В то время как он говорил, около них просвистела стрела.

— Джефри, — продолжал он. — у меня с собой есть документы; их нельзя потерять, с ними будет потеряно наследство моей девочки. Возьми их. — И он сунул пакет ему в руки. — И этот кошелек тоже. В нем порядочно денег Беги отсюда куда угодно и на время спрячься в каком-нибудь потайном убежище. Не то они заставят

тебя молчать. А потом, я поручаю это твоей совести, вернись с подмогой и повесь этого мошенника-аббата — ради твоей хозяйки, Джефри Она и господь вознаградят тебя за это.

Слуга сунул кошелок и бумаги в какой-то глубокий карман.

— Как я могу оставить вас, когда вам грозит смерть? — пробормотал он, скрипя зубами

Не успели эти слова слететь с его губ, как он услышал, что в горле хозяина что-то заклокотало, и увидел стрелу, выпущенную откуда-то сзади и пронзившую ему горло. Опытный воин, он сразу понял, что рана была смертельна. Тогда он больше не колебался.

— Христос да успокоит вас! — сказал он. — Я вы-

полню ваше приказание или умру — И, повернув лошадь, он вонзил в нее шпоры, и та помчалась быстрее оленя.

Несколько мгновений сэр Джон наблюдал за тем, как он удалялся. Потом он выбежал из-за прикрытия, потрясая мечом над головой, — выбежал на открытое место, освещенное лунным светом, чтобы привлечь стрелы на себя. И они быстро посыпались на него, но прежде чем он упал — ибо его кольчуга была достаточно крепкой, — Джефри, припав к шее лошади, был уже в безопасности. Хотя убийцы упорно преследовали его, им не удалось его поймать.

Они искали его несколько дней, но не обнаружили его ни в Шефтоне, ни в каком-либо другом месте. Джефри хорошо знал, что все дороги оцеплены, поэтому, не смея пробраться к дому, скакал, как заяц, пока не добрался до моря; там стоял корабль, направляющийся в чужие страны, и на рассвете Джефри был уже в открытом море.

Глава III

СВАДЬБА

На следующий день после гибели сэра Джона, Сайсели Фотрел около полудня завтракала в Шефтон Холле. Она едва притронулась к грубой зимней пище, так как на душе у нее было беспокойно. Ее разлучили с любимым человеком, потому что он был накануне разорения, а ее отец отправился в путешествие, и она скорее догадывалась, чем знала, что оно было очень опасным. Молодая девушка, без друзей поблизости, в большом старом зале чувствовала себя покинутой. Сидя в этой огромной комнате, она вспоминала, до какой степени все было иным в дни ее детства, пока какая-то заразная болезнь, название и происхождение которой было ей не известно, не унесла ее мать, двух братьев и сестру — всех в одну неделю, не тронув только ее. Тогда в доме звучали веселые голоса, а теперь воцарилась тишина; и она одна, с нею только ее спаниель.¹

Кроме того, большая часть челяди уехала на повозках, нагруженных годовым запасом остриженной шерсти,

¹ С п а н и е л ь — порода длинношерстных охотничьих собак.

которую отец берег до того момента, когда цены на нее вздорожали. И по такому глубокому снегу они вернутся назад не раньше чем через неделю, а то и позже.

О! Тревога, как зимние облака, давила ее сердце, и она, хотя была молода и красива, почти жалела о том, что не умерла тогда вместе со своими братьями и не обрела, наконец, покой.

Чтобы подбодрить себя, она отпила из кубка пряного эля, поставленного около нее слугой и накрытого салфеткой, и была рада, что он согрел и немного успокоил ее. Как раз в эту минуту отворилась дверь и вошла ее кормилица, миссис Стоуэр. Она была красавицей в расцвете лет; ее мужа и ребенка унесла лихорадка, когда ей не было еще и девятнадцати, после чего ее привезли в Холл, чтобы нянчить Сайсели, ибо мать девочки была очень больна после родов. Эмлин была высокой и смуглой, свои черные сверкающие глаза она унаследовала от отца, испанца благородного происхождения; ходили слухи, что в жилах ее матери текла цыганская кровь.

Во всем мире Эмлин Стоуэр любила только двоих людей: свою воспитанницу Сайсели да одного друга детства, некого Томаса Болла, теперь брата-мирянина,¹ скотника при аббатстве. Рассказывали, что в ранней юности он ухаживал за ней и она не противилась этому, но, когда трагически погибли ее родители, она, повинаясь воле опекуна, бывшего блосхолмского настоятеля, вышла замуж против своего желания; Томас же облекся в одежды брата-мирянина, так как был йоменом² из хорошей семьи, хотя и малообразованным.

Сайсели почувствовала в поведении кормилицы нечто странное, предвещавшее беду. Та остановилась около двери, повертела задвижку, чего никогда раньше не делала, потом повернулась и, выпрямившись, встала прямо против Сайсели, как картина в раме.

— Что случилось, няня? — спросила Сайсели дрожащим голосом. — Судя по твоему виду, у тебя есть новости.

Эмлин Стоуэр прошла вперед, оперлась рукой о дубовый стол и ответила:

¹ Брат-мирянин — светское лицо, находящееся на службе в монастыре.

² Йомены — средние и зажиточные крестьяне в Англии в XIV—XVIII веках.

— Вести недобрые, если это правда. Будь готова, моя голубка!

— Скорее, Эмлин, — тяжело дыша спросила Сайсели. — Кто погиб? Кристофер?

Эмлин покачала головой, и Сайсели с облегчением вздохнула, добавив:

— Тогда кто же?

— Ах, дорогая, ты теперь сирота.

Голова девушки склонилась на грудь. Потом она подняла ее и спросила:

— Кто сказал тебе? Скажи мне всю правду, или я умру.

— Мой друг, имеющий связь с аббатством, не спрашивай его имени.

— Я его знаю, Эмлин, Томас Болл, — прошептала в ответ Сайсели.

— Мой друг, — повторила высокая смуглая женщина, — рассказал мне, что сэр Джон Фотрел, наш господин, был убит бандой вооруженных людей, и он сам убил двоих.

— Из аббатства? — спросила Сайсели так же шепотом.

— Кто знает? Я думаю, ими. Говорят, что стрела в его горле была как раз такой, какие они там делают. Джефри Стоукса преследовали, но он спасся бегством на каком-то тотчас же отплывшем корабле.

— Смерть ему за это, трусу! — воскликнула Сайсели.

— Не вини его пока. Он встретил другого моего друга и просил передать: он уехал, повинувшись последней воле своего хозяина, он слишком много видел, и для него бродить в окрестностях значило идти на верную смерть; но если он будет жив, то вернется с документами из-за моря, когда наступят лучшие времена. Он просит, чтобы вы в нем не сомневались.

— Документы? Какие документы, Эмлин?

Та пожала плечами.

— Откуда мне знать? Наверное, те, которые ваш отец повез с собой в Лондон и боялся потерять. Несгораемый ящик в его комнате открыт

Теперь бедная Сайсели вспомнила, что ее отец говорил о каких-то «документах», которые он собирался взять с собой, и начала плакать.

— Не плачь, дорогая, — сказала ее кормилица, глядя своей сильной рукой каштановые волосы Сайсели. — Так суждено богом, и с этим покончено. Теперь ты должна позаботиться о себе. Твоего отца нет, но кое-кто у тебя остался.

Сайсели подняла заплаканное лицо.

— Да, у меня есть ты, — сказала она.

— Я! — ответила Эмлин с беглой улыбкой. — Нет, какая от меня польза? Прошли те дни, когда тебе нужна была нянька. Ты мне что-то говорила о своем разговоре с отцом перед его отъездом, что-то насчет сэра Кристофера? Молчи! На разговоры нет времени, ты должна ехать в Крануэл Тауэрс.

— Зачем? — спросила Сайсели. — Он не может вернуть моего отца к жизни, и, право, показалось бы странным, что в такое время я посещаю мужчину в его собственном доме. Пошли к нему с этими вестями. Я останусь, чтобы похоронить моего отца и, — добавила она гордо — чтобы отомстить за него.

— Если так, голубка, ты останешься здесь, пока тебя тоже не похоронят в том же самом монастыре. Слушай! Я еще тебе не рассказала всех новостей. Аббат Мэлдон претендует на земли Блосхолма на основании какого-то хитрого закона. Из-за этого твой отец поссорился с аббатом в тот вечер. Вместе с землями ты попадаешь под его опеку, как когда-то я была отдана под власть этого монастыря. До захода солнца сюда со своими оруженосцами приедет аббат, чтобы забрать все, а тебя для безопасности посадить в монастырь, где твоим мужем станет святая церковь.

— Господи боже мой! Неужели это так? — сказала Сайсели, вскакивая — А большинство наших людей уехало! Я не смогу защитить дом от этого иноземного аббата, а осиротевшая наследница может продать только движимое имущество! О! Теперь я понимаю, что хотел сказать мой отец. Прикажи готовить лошадей. Я поеду к Кристоферу. Однако постой, няня. Что ему со мной делать? Это может показаться ему бесстыдным и оскорбить его.

— Думаю, что он женится на тебе. Думаю, что сегодня ночью ты будешь его женой. Если же он не захочет, я узнаю почему, — гневно добавила она

— Женой! Вечером! — воскликнула девушка, покра-

снев до корней волос. — А отец только что умер! Как это можно?

— Мы поговорим об этом с Харфлитом. Может быть, он, как и ты, захочет подождать и попросить оглашения в церкви или изложит дело перед лондонским юристом. Но я приказала приготовить лошадей и послала одну записку аббату с уведомлением, что ты приедешь узнать об участии отца, поэтому он не тронется с места до вечера; и другую в Крануэл Тауэрс, чтобы мы смогли найти там кров и пищу. А теперь живо бери твой плащ и капюшон. Драгоценности в шкатулке у меня, потому что Мэлдон добывается их больше, чем даже ваших земель, и с ними все деньги, какие я нашла. Кроме того, я велела швее уложить кое-какие платья. Аббат голоден и скоро зашевелится. У нас нет времени для разговоров.

Через три часа при красном зареве заката Кристофер Харфлит, стоявший у дверей, увидел, что к нему по снегу едут верхом две женщины. Он узнал их еще тогда, когда они были довольно далеко.

— Значит, это правда, — сказал он отцу Роджеру Нектону, старому священнику Крануэла, вызванному им из прихода, — Я думал, что этот дурак-посыльный был пьян. Что же могло случиться, святой отец?

— Думаю, что сэр Джон погиб, сын мой, потому что, наверное, ничто иное не привело бы сюда леди Сайсели без свиты, с одной только служанкой. Весь вопрос в том, — что произойдет дальше? — И он искоса взглянул на него.

— Я-то знаю что, если бы все исполнилось по моему желанию, — ответил Кристофер с веселым смехом. — Скажите, отец, если бы вышло так, что эта леди захотела бы этого, смогли бы вы нас обвенчать?

— Без сомнения, сын мой, с согласия родителей. — И снова он взглянул на него.

— А если бы не было родителей?

— Тогда с согласия опекуна, так как невеста несовершеннолетняя.

— А если бы опекун не был объявлен или признан?

— Тогда такой брак, совершенный должным порядком, как всякое церковное таинство, будет нерушим, пока не велит судьба и пока папа его не отменит. Но ты

знаешь, в этой стране папу не любят именно из-за брачного вопроса.¹ Разреши мне объяснить тебе закон, церковный и гражданский...

Но Кристофер уже бежал к воротам, и наставление старого проповедника осталось недосказанным...

Они встретились в снежной метели, Эмлин Стоуэр поехала вперед, оставив их наедине.

— Что случилось, дорогая? — спросил он. — Что случилось?

— О Кристофер! — ответила Сайсели, всхлипывая. — Мой бедный отец умер — убит, по словам Эмлин.

— Убит! Кем?

— Воинами блосхолмского аббата, сказала мне Эмлин, — там, в лесу, вчера ночью. И по словам той же Эмлин, аббат собирается приехать в Шефтон, чтобы взять меня под опеку и заточить в монастырь. И потому, хоть и странно поступать так, но, оставшись беззащитной, я убежала к вам, — мне так велела Эмлин.

— Мудрая женщина эта Эмлин, — прервал Кристофер. — Я всегда ценил ее советы. Но неужели вы приехали ко мне только потому, что так велела Эмлин?

— Не только поэтому, Кристофер. Я приехала от отчаяния: лучше быть с другом, чем одной. Куда еще я могла бы поехать? Кроме того, мой бедный отец хотя и был очень сердит на вас, велел мне — это были его последние слова, — если возникнет необходимость, просить вашей помощи и... о! Кристофер, я приехала, потому что вы клялись любить меня — я верила этому. Если бы я попала в монастырь, мать Матильда, настоятельница, хоть она добра и друг мне, может быть, и не выпустила бы меня оттуда, — ведь ее начальник — аббат, а он-то мне не друг. Он хочет отнять наши земли и знаменитые драгоценности. Эмлин захватила их с собой.

За это время они переехали ров и очутились у крыльца дома, и поэтому, не ответив, Кристофер, нежно снимая ее с седла, крепко прижал к груди, это, ему казалось, было самым лучшим ответом.

Подошел грум, чтобы увести лошадей, он притронулся в знак приветствия к шапке и с любопытством посмотрел на них, а Сайсели, опершись на плечо своего

¹ из-за брачного вопроса. — См. примечание к стр. 16. («если бы король не поссорился с папой»).

возлюбленного, прошла сквозь сводчатую дверь Крануэл Тоуэrsa и попала в зал, где полыхал яркий огонь. Перед камином, грея тонкие руки, стоял отец Нектон и оживленно беседовал с Эмлин Стоуэр. При приближении молодых людей разговор оборвался, — очевидно, речь шла о них.

— Госпожа Сайсели, — несколько возбужденно сказал добрый старик, — боюсь, что печальные обстоятельства привели вас сюда. — И он замолчал, не зная, что добавить.

— Да, действительно, — ответила она, — если все, что я слышала, правда. Говорят, что мой отец убит злодеями, но я точно не знаю за что и кем, и что аббат Блосхолма собирается взять меня под свою опеку и заточить меня в Блосхолмский женский монастырь, а я не хочу туда идти. Я убежала сюда от него, потому что у меня нет другого убежища, хотя вы можете дурно истолковать мой поступок.

— Только не я, дитя мое. Я не буду выступать против аббата, потому что по церковному уставу он выше меня, но, примите во внимание, я ему не присягал в верности, так как этот приход ему не принадлежит, и я не бенедиктинец.¹ Все же скажу вам правду. Я считаю этого человека бесчестным. Руки у него загребушие; мало того, он не англичанин, а испанец, которого кто-то подослал сюда вредить нашему королевству, высасывать его богатства, устраивать бунты и доносить обо всем происходящем на пользу врагов Англии.

— Однако у него при дворе есть друзья. Так, по крайней мере, сказал мой отец.

— Да, да, у таких людей всегда бывают друзья — деньги покупают их, хотя, может быть, для него и ему подобных черный день недалек. Да, ваш бедный отец погиб, бог знает как, хотя я давно думал, что ему несдобровать, ибо он всегда говорил правду, да и вы с вашим богатством — лакомый кусочек для Мэлдона. А теперь что нам дальше делать? Это тяжелый случай. Хотите ли вы укрыться в каком-нибудь другом монастыре?

— Нет, — ответила Сайсели, искоса взглянув на своего возлюбленного.

¹ Бенедиктинцы — монахи старейшего из католических монашеских орденов.

— Тогда что же делать?

— О! Я не знаю, — сказала она и разрыдалась. — Что мне сказать вам, когда я в таком смятении и печали? У меня был единственный друг — мой отец, хотя временами он бывал груб. Однако по-своему он любил меня, и я послушалась его последнего совета. — И, потеряв остатки мужества, она опустила на стул и, схватившись за голову, стала раскачиваться из стороны в сторону.

— Это неправда, — смело сказала Эмлин. — Разве я, вскормившая тебя, не друг тебе и разве отец Нектон не друг, и сэр Кристофер не друг? Уж если все вы потеряли разум, то я его сохранила, и вот мой совет! Там, на расстоянии не далее двух выстрелов из лука, есть церковь, а перед собой я вижу священника и пару, которая сойдет за жениха и невесту. И мы можем найти свидетелей и кубок вина, чтобы выпить за ваше здоровье, а после этого пусть блосхолмский аббат пускается во все тяжкие. Что скажете вы, сэр Кристофер?

— Вы знаете, что я думаю, няня Эмлин; но что скажет Сайсели? О! Сайсели, что скажете вы? — И он наклонился над ней.

Она поднялась, все еще всхлипывая, обхватила его шею руками и положила голову ему на плечо.

— Я думаю, что это воля божья, — прошептала она, — и зачем сопротивляться ей мне — его рабе и вашей, Крис?

— А теперь что скажете вы, святой отец? — спросила Эмлин, указывая на молодых людей.

— Что еще можно сказать? — ответил старый священник, отворачиваясь. — Если вы потрудитесь прийти в церковь минут через десять, то найдете там свечу на алтаре, священника на амвоне и дьячка с открытой книгой. Большого мы не можем сделать за такое короткое время.

Затем он замолк, словно ожидая ответа, но, не услышав возражений, прошел через зал и вышел в дверь.

Эмлин взяла Сайсели под руку, повела ее в отведенную им комнату и там, как могла лучше, подготовила ее к свадебному торжеству. Не было красивого платья, чтобы ее нарядить, да, по правде говоря, и времени, чтобы наряжаться.

Но она причесала ее красивые каштановые волосы и

открыв шкатулку с восточными драгоценностями — великой гордостью Фотрелов, самыми редкостными и древними в округе — украсила ее ими. Она надела на ее высокий лоб обруч с ниспадающими с него сверкающими бриллиантами, привезенными, как рассказывала легенда, предком ее матери — Карфаксом — из Святой земли,¹ где когда-то они были личной собственностью языческой королевы, а на шею ожерелье из больших жемчужин. Для ее груди и пальцев нашлись броши и кольца, а для талии — драгоценный пояс с золотой пряжкой; а в ее уши она вдела две лучшие драгоценности: две большие розовые жемчужины, похожие на цветущий боярышник, когда он начинает вянуть. Наконец она накинула ей на голову вуаль из диковинно сплетенных кружев и с гордостью отступила назад, чтобы взглянуть на нее.

Теперь Сайсели, все время молчавшая и не сопротивлявшаяся, в первый раз заговорила:

— Как они попали сюда, няня?

— Твоя мать надела их, когда венчалась, и ее мать тоже, так мне говорили. И однажды я уже надевала их на тебя, когда тебя крестили, голубка!

— Может быть; но как ты привезла их сюда?

— Под платьем на груди. Не зная, когда мы снова вернемся домой, я привезла их, думая, что когда-нибудь ты выйдешь замуж и тогда они тебе пригодятся. А теперь, как это ни странно, наступил час свадьбы.

— Эмлин, Эмлин, я уверена, что ты заранее задумала все это, и один бог знает, чем это кончится.

— Потому и бывает начало, дорогая, чтобы в предначертанное время наступил конец.

— О, но каким будет этот конец? Может быть, ты надела на меня саван. По правде говоря, я чувствую себя так, будто рядом со мной смерть.

— Она всегда рядом, — беззаботно ответила Эмлин. — Но пока она не трогает, — какое это имеет значение? Слушай, моя голубка, во мне течет испанская и цыганская кровь, а я верю предчувствиям и скажу тебе кое-что для твоего успокоения. Как бы часто ни протягивала к тебе смерть свою руку, она не тронет тебя долгие, долгие годы, пока ты со временем не станешь почти та-

¹Святая земля. — Имеется в виду Палестина.

кой же худой, как и она! О! У тебя будут горести, как и у всех нас, может, хуже, чем у большинства, но ты дитя Счастья, ты выжила, когда все остальные погибли, и ты победишь и поддержишь других, как кит поддерживает морских уток. Поэтому дай, как и я, шелчок смерти, — и она сделала соответствующий жест, — и будь счастлива, пока можешь, а когда будешь несчастна, жди, пока наступят счастливые дни. А теперь иди за мной и, хотя твой отец убит, улыбайся, как должно улыбаться в подобный час, потому что какой мужчина захочет печальную невесту?

Они спустились в зал по широкой дубовой лестнице, где ожидал их Кристофер. Смущенно взглянув на него, Сайсели увидела, что под плащом у него была надета кольчуга и меч был привешен сбоку к поясу; с ним было несколько вооруженных людей. С минуту он не отрываясь, в смятении смотрел на ее сверкающую красоту, потом произнес:

— Не бойся напоминания о войне в час любви — и он дотронулся до своих блестящих доспехов. — Сайсели, наша свадьба столь же странная, как и счастливая, и кто-нибудь может попытаться помешать ей. Теперь пойдем, моя дорогая леди. — И, низко поклонившись, он взял ее за руку и повел из дома; за ними следовала Эмлин, а вокруг, спереди и сзади, — слуги с факелами.

Был сильный мороз, и снег хрустел под ногами. На западе, на сумрачном небе все еще горели последние красные отблески заката, а над ними, из-за выпуклого края земли, поднималась огромная луна. В саду, среди кустов и на тополях, окаймлявших ров, черные дрозды и дрозды-рябинники пели свою зимнюю вечернюю песню, в то время как вокруг серой башни соседней церкви все еще вились галки.

Эта картина, которую в ту минуту Сайсели, казалось, и не заметила, навсегда запечатлелась в ее памяти: холодные снега, чернильные деревья, тяжелое небо, сверкающий лик луны, дымный свет факелов, подхваченный и отраженный ее драгоценностями и кольчугой жениха, крики зимних птиц, лай собаки вдалеке, чужое крыльцо церкви, приближавшееся с каждым шагом, продолговатые могильные камни, скрывавшие кости сотен людей; в свое время эти люди детьми проходили мимо них, потом женихами и невестами, и, наконец, тут проносили

окоченевшие белые тела тех, кто был раньше мужчинами и женщинами.

Теперь Сайсели и Кристофер оказались в крыле старого храма, где их, словно мечом, ударило холодом. При дымном свете факелов было видно, что, несмотря на короткий промежуток времени, вести об этой удивительной свадьбе распространились в округе, так как повсюду стояли группами, по крайней мере, десятка два людей, а некоторые из них сидели на дубовых скамьях около алтаря.

Все они повернулись и с любопытством смотрели, как жених и невеста прошли к алтарю, где стоял священник в облачении, а так как зрение у священника было неважное, то за ним стоял старый дьячок, высоко державший конюшенный фонарь, чтобы тот мог читать по книге.

Они дошли до резной перегородки и по знаку священника, встали на колени. Отчетливым голосом он начал службу: вскоре, по вторичному знаку, молодая пара поднялась, подошла к перилам алтаря и снова встала на колени.

Лунный свет, льющийся через западное окно, освещал их обоих, придавая им сходство с холодными белыми мраморными статуями, коленопреклоненными на могильной плите рядом с ними.

В течение всего обряда Сайсели, как зачарованная, смотрела на эти статуи, и ей казалось, что они и Харфлиты, крестоносцы давно прошедших дней, лежавшие совсем рядом, ласково и задумчиво следили за ней. Она дала нужные ответы; кольцо, хотя и слишком узкое, было надето ей на палец (в течение всей последующей жизни это кольцо временами причиняло ей боль, но она ни за что не хотела снять его), а потом кто-то поцеловал ее. Сначала она подумала, что это, должно быть, ее отец, и затем, вспомнив, чуть не заплакала, но услышала, как голос Кристофера называет ее женой, и поняла, что она была обвенчана.

Пока старый дьячок все еще держал фонарь над отцом Роджером, тот записал что-то в маленькой книге с пергаментным переплетом, спросив год ее рождения и полное имя; это показалось ей странным, — ведь он был на ее крестинах. Затем ее муж, пользуясь алтарем вместо стола, расписался в книге не очень-то быстро, так как он был плохой грамотей, и она тоже расписалась в по-

следний раз своей девичьей фамилией; расписался и священник, и по его приказанию расписалась также и Эмлин Стоуэр, умевшая хорошо писать. Потом, как бы спохватившись, отец Роджер вызвал некоторых прихожан, и они тоже, хотя довольно неохотно, подписались как свидетели. Пока они это делали, он объяснил им, что ввиду особых обстоятельств лучше, чтобы были свидетельские показания, и что он собирается послать экземпляры этой записи разным сановникам и даже самому святому отцу в Рим.

Узнав это, они, казалось, пожалели, что связались с таким делом, и один за другим исчезли в темноте церковного крыла и из памяти Сайсели.

Наконец все было кончено. Отец Нектон дул на маленькую книжку, пока не высохли чернила, потом спрятал ее под платьем. Старый дьячок, положив в карман полученное от Кристофера щедрое вознаграждение, осветил молодым путь через крыло церкви к выходу, затем запер за ними дубовую дверь, погасил свой фонарь и потащился по снегу к трактиру, чтобы там поболтать об этой свадьбе и выпить горячего пива.

В сопровождении факелоносцев, Сайсели и Кристофер молча шли рука об руку к Тауэрсу, куда Эмлин, поцеловав невесту, ушла раньше. Добавив к своим бесчисленным летописям еще одну, быть может самую странную из всех церемонию, древняя церковь, оставшаяся позади, погрузилась в такое же безмолвие, как покойники в своих могилах.

Придя в Тауэрс, новобрачные вместе с Эмлин и отцом Роджером уселись за превосходнейший ужин, какой только мог быть приготовлен в столь короткий срок. Это был очень странный свадебный пир. Несмотря на малое число сотрапезников, сердечности хватало, так как старый священник произнес заздравную речь, пересыпанную латинскими словами, которых они не поняли, и все домашние, собравшиеся послушать его, выпили за них по кубку вина. Потом прекрасную невесту, которая то краснела, то бледнела, увели в лучшую комнату, наспех приготовленную для нее. Но Эмлин слегка задержалась, так как ей надо было кое-что сказать новобрачному.

— Сэр Кристофер, — сказала она, — вы очень быстро обвенчались с самой прелестнейшей леди, какую когда-либо освещало солнце или луна, и вы можете считать

себя счастливым. Однако такие большие радости редко достаются без горестей, и я думаю, горести эти близки. Найдутся люди, которые позавидуют вашему счастью, сэр Кристофер

— Но ведь им не изменить случившегося, Эмлин, — ответил он с беспокойством. — Узел, завязанный сегодня вечером, не может быть развязан.

— Никогда, — вставил отец Роджер. — Хотя, может быть, обстоятельства и внезапность этого союза необычны, но таинство совершено перед лицом всего мира с полного согласия обеих сторон и святой церкви. Мало того, еще до рассвета запись об этом я пошлю в регистратуру епископа и еще кое-куда, чтобы в последующие дни его не смогли оспаривать, и дам копии вам и кормилице вашей леди, ее ближайшему другу.

— Этот союз не может быть разорван ни на земле, ни на небе, — торжественно ответила Эмлин, — однако возможно, что его разрубит меч. Сэр Кристофер, я думаю, что правильнее всего как можно скорее уехать отсюда

— Только, конечно, не сегодня вечером, няня! — воскликнул он.

— Нет, не сегодня вечером, — ответила она с еле заметной улыбкой. — Ваша жена пережила утомительный день, и у нее не хватило бы сил. Кроме того, нужно сделать приготовления, а сейчас это невозможно. Но завтра, если для вас будут открыты дороги, я думаю, мы должны отправиться в Лондон, где она сможет попросить защиты закона, потребовать свое наследство и попросить расследовать смерть отца.

— Это хороший совет, — сказал священник, и Кристофер, не отличавшийся разговорчивостью, кивнул головой.

— Как бы то ни было, — продолжала Эмлин, — у вас в доме есть шесть человек, а вокруг него имеются и другие. Отправьте посланца и соберите их всех здесь на рассвете, прикажите им захватить с собой провизию и какое у них есть оружие и луки. Поставьте также часового и после того, как отец и посланные уйдут, прикажите поднять подъемный мост.

— Чего вы боитесь? — спросил Кристофер, очнувшись от задумчивости.

— Я боюсь блосхолмского аббата и его наемных головорезов; для них закон не писан, — об этом теперь

знает душа погибшего сэра Джона; или же они используют законы, чтобы скрыть свои гнусные дела. Аббат уж постарается не допустить, чтобы такое сокровище проскользнуло у него между пальцев, а времена настали беспокойные.

— Увы! Увы! Это правда, — сказал отец Роджер, — этот аббат безжалостный человек, который ни с чем не считается, потому что он очень богат и у него много друзей как здесь, так и за морями. Однако он безусловно не посмеет...

— Это мы узнаем, — прервала Эмлин. — Тем временем, сэр Кристофер, встряхнитесь и отдайте приказание.

Кристофер созвал своих людей, поговорил с ними, после чего они очень помрачнели, но, будучи верными слугами и любя его, обещали выполнить все, как он велел.

Немного позже, сделав копию брачного свидетельства и подписав его, отец Роджер ушел вместе с посланцем. Подъемный мост подняли над рвом, двери заперли, и в башне у ворот поставили часового; тогда Кристофер, забыв обо всем, даже об опасности, угрожавшей им, пошел к той, что ждала его.

Глава IV

КЛЯТВА АББАТА

На следующее утро, вскоре после того как рассвело, Эмлин вызвала Кристофера и дала ему письмо.

— Когда оно пришло? — спросил он, подозрительно поворачивая его.

— Посыльный принес его из Блосхолмского аббатства, — ответила она.

— Жена, Сайсели, — позвал он через дверь, — будь добра, поди сюда.

Она пришла очень скоро в длинном меховом плаще, необычайно хорошенькая, и, обняв свою кормилицу, спросила, что случилось.

— Вот, моя дорогая, — ответил он, протягивая ей бумагу. — Я никогда особенно не любил науки, а сегодня утром я, кажется, ненавижу ее; ты же больше училась, прочти ее.

— Мне не нравится эта большая печать, Крис; она не предвешает ничего хорошего, — слегка побледнев, с беспокойством ответила Сайсели.

— Послание, находящееся внутри, не мушмула,¹ делающаяся мягче от хранения, — сказала Эмлин. — Дайте его мне. Меня обучили в монастыре, я смогу прочесть их каракули.

Сайсели, не возражая, вручила Эмлин письмо; та взяла его своими сильными пальцами, сломала печать, вытащила шелк, развернула и прочитала. Послание гласило:

«Сэру Кристоферу Харфлиту, госпоже Сайсели Фотрел, Эмлин Стоуэр, служанке, и всем другим, кого это может касаться.

Я, Клемент Мэлдон, аббат Блосхолма, услышав о смерти сэра Джона Фотрела, рыцаря, от жестоких рук лесных воров и бродяг, в соответствии с исключительным правом, установленным законом и обычаем, вчера вечером принял на себя обязанности опекуна над вашей личностью и собственностью, Сайсели, единственным оставшимся в живых его потомком. Мои посланцы вернулись с сообщением, что вы бежали из вашего дома в Шефтон Холле. Далее они сообщили, что, по слухам, вы отправились с вашей кормилицей, Эмлин Стоуэр, в Крануэл Тауэрс, в дом сэра Кристофера Харфлита. Если это так, то, ради вашего доброго имени, необходимо, чтобы вы немедленно покинули его, так как о вас и о вышеупомянутом сэре Кристофере Харфлите уже ходят сплетни. Поэтому я намереваюсь, если позволит господь, отправиться сегодня в Крануэл Тауэрс и, если вы окажетесь там, то в качестве вашего законного опекуна и духовного отца приказать вам, несовершеннолетнему подростку, отправиться со мной в монастырь Блосхолма. Там я решил, во исполнение моей воли, оставить вас до тех пор, пока не найдется подходящий для вас муж, если только бог не обратит ваше сердце к себе и вы не останетесь в его стенах как одна из Христовых невест

Клемент, аббат».

¹ М у ш м у л а — плод кустарникового растения из семейства розовых. Употребляется в пищу в сыром и соленом виде, используется для приготовления пастилы и вина.

Прочитав письмо, все трое поняли, что на них надвигается беда, и несколько мгновений стояли неподвижно, глядя друг на друга, затем Сайсели заговорила

— Принеси мне бумагу и чернила, няня Я отвечу аббату

Все было принесено, и Сайсели написала круглым девическим почерком:

«Милорд аббат,

В ответ на Ваше письмо, я ставлю Вас в известность о том, что мой благородный отец (причину жестокой смерти которого необходимо расследовать и отомстить за нее) приказал мне, прощаясь, искать убежища, как Вы и предположили, в этом доме, из опасения, что меня постигнет такая же судьба от рук его убийц. Здесь, вчера, я обвенчалась перед лицом бога и людей в церкви Крануэла, как вы можете узнать из прилагаемой бумаги. Вам теперь незачем искать мне мужа, так как мой дорогой супруг сэр Кристофер Харфлит и я соединены до тех пор, пока смерть не разлучит нас. Заявляю также, что я не признавала и не признаю за Вами права теперь, или когда-либо раньше, опекать мою особу или унаследованные мною земли и богатства, коими я обладаю.

*Ваша покорная слуга
Сайсели Харфлит».*

Это письмо Сайсели переписала начисто, запечатала, и затем оно было отдано посланцу аббата, который положил его в сумку и ускакал так быстро, как только возможно было по глубокому снегу

Они следили из окна за его отъездом.

— Теперь, — сказал Кристофер, обернувшись к жене, — я думаю, дорогая, что чем быстрее мы тоже уедем, тем лучше. Этот аббат здорово проголодался, и я сомневаюсь, чтобы письмо удовлетворило его аппетиты.

— Я тоже так думаю, — сказала Эмлин — Вы оба приготовьтесь и поешьте. Я пойду и прикажу оседлать лошадей

Часом позже все было готово. Три лошади стояли у двери, а с ними охрана из четырех всадников. За такое короткое время Кристофер мог собрать немногих арендаторов и слуг — и в ответ на его призыв их собралось в Тауэрсе двенадцать человек; из них четверо имели

оружие и коней. Хотя Сайсели пыталась казаться бодрой и счастливой, она вздрогнула, увидев их через открытую дверь. Снег шел не переставая.

— Странный медовый месяц предстоит нам, моя голубка, — тревожно сказал Кристофер

— Это все неважно, пока мы едем вместе, — весело ответила она, но ее слова прозвучали неискренне, — хотя, — добавила она, и что-то словно сдавило ей горло, — хотя я бы хотела остаться здесь, пока не будет найдено и похоронено тело моего отца. Меня все время преследует мысль, что он лежит где-то в снегу, точно зарезанный бык.

— А я хочу похоронить его убийц! — воскликнул Кристофер — Клянусь именем господи, я не оставляю этого дела, пока все не будет кончено. Не думай, дорогая, что я забыл о твоем горе, потому что я мало говорю о нем, но свадьба и похороны плохо вяжутся друг с другом. Поэтому будем радоваться, пока можно, ведь горести прошлого не избавляют нас от горестей будущего. Пойдем сядем на лошадей — и прочь отсюда, в Лондон, поищем там друзей и справедливости

Потом, сказав несколько слов своим домашним, он посадил Сайсели на лошадь, и они поехали сквозь мягко падающий снег, думая, что в последний раз видят Тауэрс и расстаются с ним на долгие дни. Но этому не суждено было осуществиться. Когда они проезжали по большой блосхольмской дороге, намереваясь оставить аббатство слева, и были уже в трех милях от Крануэла, внезапно какой-то высокий человек, одетый в серую шубу из овчины, с монашеским капюшоном на голове и толстым посохом в руках, выскочил из-за забора и остановился перед ними.

— Кто ты? — спросил Кристофер, кладя руку на меч.

— Вы бы меня отлично узнали, если бы капюшон был откинут, — ответил он хрипло, — но если вы хотите знать мое имя, меня зовут Томас Болл, пастух, вон из того аббатства.

— Твой голос мне знаком, — сказал Кристофер, смеясь. — А теперь какое у тебя дело, брат Болл?

— Хочу найти стадо годовалых бычков, убежавших на опушку леса; они питаются, как и все мы, тем, что ухитряются найти, а погода наступает такая плохая, что они, того гляди, умрут с голоду. Вот какое у меня дело,

сэр Кристофер Но я вижу с вами моего старого друга, — и он кивнул в сторону Эмлин, которая следила за ним, не слезая с лошади, — так, с вашего разрешения, я спрошу ее, не хочет ли она исповедаться, так как отправляется, по-моему, в опасное путешествие.

Кристофер хотел показать жестом, что спешит, так как ему совсем не хотелось болтать с пастухом. Но Эмлин, следившая за ним, позвала:

— Поди сюда, Томас. Я сама отвечу тебе. У меня всегда найдутся грешки, чтоб наполнить кошелек священника, да и благословение получить неплохо, чтобы согреться.

Он зашагал вперед и, взяв ее лошадь под уздцы, отвел немного в сторону, где их не могли слышать, и тотчас же начал с всадницей оживленную беседу. Через одну — две минуты Сайсели, тихим шагом ехавшая вперед, оглянулась и увидела, как Томас Болл проскочил через забор по другую сторону дороги и исчез в падающем снегу, а Эмлин пришпорила лошадь, чтобы догнать их.

— Стойте, — сказала она Кристоферу, — у меня есть новости. Аббат со всеми своими оруженосцами и слугами, а их сорок человек или даже больше, ждет нас там, под прикрытием Блосхолмской рощи, намереваясь силой захватить леди Сайсели. Какой-то шпион донес ему о нашем отъезде!

— Я никого не вижу, — сказал Кристофер, вглядываясь в расположенную в низине рощу, так как они находились примерно в четверти мили от нее и на самом подъеме дороги. — Но это не так трудно проверить. — И он позвал двух лучших ездоков, приказал им ехать вперед и доложить, если кто-нибудь скрывается за лесом.

Всадники уехали, а они остались на месте и, сильно встревоженные, молча ждали.

Минут через десять, еще до того, как разглядели что-либо сквозь густо падавший снег, они услышали стук копыт множества скачущих лошадей. Затем появились два всадника, которые, приблизившись, закричали:

— Аббат и все его люди преследуют нас. Назад, в Крануэл, пока вас не захватили!

Кристофер помедлил одно мгновение, но, поняв, что с четырьмя мужчинами и двумя требующими охраны женщинами невозможно прорваться сквозь такой боль-

шой отряд, и, уже совсем ясно слыша приближающийся стук копыт, быстро дал приказание.

Они развернулись и как раз вовремя, потому что в ту же минуту, не более чем в двухстах ярдах от них, появились первые всадники аббата, мчавшиеся по склону холма. Началась погоня; к счастью, лошади у них были хорошие и свежие, и все-таки, прежде чем они увидели Крануэл Тауэрс, преследователи уже были только в девяноста ярдах от них. Но здесь, на равнине, их лошади, почуяв стойло, должным образом ответили на хлыст и шпоры и вырвались немного вперед. Оставшиеся дома увидели их и побежали к подъемному мосту. Когда они были в пятидесяти ярдах от рва, лошадь Сайсели споткнулась, поскользнулась и упала, сбросив ее в снег, затем поднялась и поскакала одна. Кристофер остановился около Сайсели и, когда она встала испуганная, но невредимая, протянул свою длинную руку и, посадив на седло перед собой, помчался вперед, в то время как сзади них кричали ему: «Сдавайся!»

Под двойной тяжестью его лошадь бежала медленнее. Все же они достигли моста, прежде чем их догнали, и прогрохотали по нему.

— Поднять! — крикнул Кристофер, и все, кто там был, даже женщины, взялись руками за рычаги.

Мост начал подниматься, но тут пять или шесть воинов аббата, оставив лошадей, прыгнули на него и, ухватившись руками за его край, когда он был всего в шести футах¹ от земли, продолжали висеть на нем, поэтому его не могли сдвинуть, и он остановился, не поднимаясь вверх и не опускаясь вниз.

— Отпустите, вы, негодяи! — закричал Кристофер; но в ответ на это один из них с помощью своих товарищей вскарабкался на край моста и встал там, повиснув на цепях.

Тогда Кристофер выхватил у одного из слуг лук со стрелой в тетиве и снова закричал:

— Слушай, твоя жизнь в опасности!

В ответ человек прокричал что-то о приказах лорда аббата.

Кристофер посмотрел и увидел, что остальные сошли с лошадей и бежали к мосту. Он прекрасно понимал, что,

¹ Фут — английская мера длины, равная 30,5 см.

если они достигнут моста, игра проиграна. Поэтому он больше не колебался, а, нацелившись, быстро натянул и отпустил тетиву. На этом расстоянии он не мог промахнуться. Стрела ударила человека туда, где его шлем соединялся с кольчугой, и, пройдя через горло, поразила его насмерть. Остальные, испугавшись, что их ждет такая же судьба, выпустили мост из рук, и освобожденный от тяжести, он немедленно поднялся и опустился со стороны дома, где был прочно закреплен.

Впоследствии стало известно — об этом можно сказать и сейчас, — что этот человек был капитаном охраны аббата. Больше того, это он пронзил стрелой горло сэра Джона Фотрела и убил его каких-нибудь сорок часов назад. Так и случилось, что он умер подобной же смертью, а значит, один из убийц доброго рыцаря получил справедливое возмездие.

Теперь люди бежали назад, боясь, что за этой стрелой последуют другие, а Кристофер молча наблюдал за их бегством. Сайсели, стоявшая рядом с ним, закрыв лицо руками, чтобы не видеть зрелища смерти, вдруг опустила их и, повернувшись к своему мужу, сказала, указывая на труп, лежавший на снегу в луже крови:

— Как знать, сколько еще последует за ним? Думаю, что это лишь первый тур долгой игры, супруг мой.

— Нет, дорогая, — ответил он, — второй, первый был сыгран два дня назад у Королевского кургана, там в лесу, а кровь всегда призывает кровь.

— Ах, — ответила она, — кровь призывает кровь. — Затем, подумав о том, что она осиротела, о том, каким будет ее медовый месяц, она повернулась и плача пошла в свою комнату.

Пока Кристофер все еще стоял в нерешительности, подавленный совершенным убийством, не зная, что ему делать дальше, он увидел, как три человека отделились от группы воинов и поехали по направлению к Тауэрсу; один из них держал над головой белую ткань, как посланный для переговоров.

Тогда Кристофер поднялся на маленькую орудийную башню около ворот, а следом за ним пошла Эмлин; спрятавшись за зубчатой кирпичной стеной, она могла все видеть и слышать, но оставаться незамеченной. Достигнув дальнего конца рва, тот, кто держал белое полотно, откинул капюшон своего длинного плаща, и они

увидели, что это был сам блосхолмский аббат, — его темные глаза сверкали, а оливкового цвета лицо побелело от ярости

— По какому праву вы охотитесь за мной на моих же землях и так бесцеремонно стучитесь в мои двери, милорд аббат? — спросил Кристофер, облачаясь на парапет ворот

— По какому праву вы убиваете моего слугу, Кристофер Харфлит? — спросил аббат, указывая на труп, лежавший на снегу. — Разве вы не знаете, что проливший кровь заплатит своей кровью, что по нашим древним хартиям я имею право восстанавливать справедливость? И, клянусь святым именем господним, я это сделаю! — добавил он сдавленным голосом.

— Вот как, — задумчиво повторил Кристофер, — заплатит своей кровью. Может быть, потому и умер этот парень. Скажите мне, аббат, не был ли он среди тех, которые недавно проезжали при лунном свете около Королевского кургана и встретили там случайно сэра Джона Фотрела?

Удар был сделан наугад, однако казалось, он попал в цель, по крайней мере челюсть аббата отвисла и слова, которые он собирался произнести, так и замерли на его губах.

— Я не понимаю значения ваших слов, — спустя немного более спокойным голосом сказал он, — не знаю, как погиб мой покойный друг и сосед, сэр Джон, да упокойт господь его душу! Однако о нем, вернее о том, что он оставил, мы должны сейчас поговорить. Вы, говорят, похитили его дочь, несовершеннолетнюю девушку и, я боюсь, прикрываясь фальшивым браком, довели ее до позора — преступление более отвратительное, чем это убийство.

— Нет, лишь посредством законного брака я доставил ей ничтожную честь стать законной женой Кристофера Харфлита. Если есть сила в обрядах святой церкви, тогда рука самого господа так крепко связала нас, как только мужчина может быть связан с женщиной, и смерть единственный священник, могущий развязать этот узел.

— Смерть! — повторил аббат медленно, с любопытством глядя вверх на него. Некоторое время он молчал, потом продолжал:

— Пусть будет так; суд божий совершается постоянно, и у него есть много пронизательных и быстрых посланцев, таких, как этот, — и он указал на стрелу в шее убитого воина. — Однако я мирный человек, и хотя вы убили моего слугу, я хотел бы решить наше дело по-любовно, если это возможно. Послушайте теперь, сэр Кристофер, вот мое предложение. Уступите мне Сайсели Фотрел...

— Сайсели Харфлит, — перебил Кристофер.

— Сайсели Фотрел, и я клянусь вам, над ней не будет совершено никакого насилия, и она не будет выдана замуж до тех пор, пока король или главный викарий, или какой-либо суд, назначенный королем, вынесет решение по этому делу и не объявит ваш смехотворный брак потерявшим законную силу.

— Что! — прервал Кристофер насмешливо. — Неужели аббат Блосхолма объявляет, что светская власть нашего королевства обладает правом развода? ¹ Раньше, когда дело шло о королеве Екатерине, я слышал, как он, а также и другие, утверждали иное.

Аббат закусил губу, но продолжал, не обращая внимания.

— Я также не подам против вас никакой жалобы по поводу убийства моего слуги, за что при иных обстоятельствах вас бы следовало повесить. Я напишу об этом как о несчастном случае, а потом выдам вознаграждение его семье. Теперь вы слышали мое предложение, — отвечайте.

— А что, если я откажусь от великодушного предложения выдать ту, что для меня дороже тысячи жизней?

— Тогда, в силу моих прав и власти, я возьму ее силой, Кристофер Харфлит, и, если случится несчастье, вы ответите за это головой.

Тут Кристофер не смог сдержать своей ярости.

— Вы осмеливаетесь угрожать мне, верному англичанину, вы, лжесвященник и иностранец-предатель, — за-

¹ ...светская власть нашего королевства обладает правом развода. — В те времена запись актов гражданского состояния, то есть регистрация рождений, браков, разводов и смертей, находилась в руках духовенства. После разрыва с папой Генрих VIII присвоил право записи актов гражданского состояния себе, но католики долгое время отказывались признать за светскими властями это право.

кричал он, — находящийся, как все знают, на жалованье у Испании¹ и под покровом монашеской одежды строящий козни против страны, на землях которой вы разжирели, как конская пиявка? Почему Джон Фотрел был убит два дня тому назад в лесу? Вы не хотите отвечать? Тогда я отвечу. Потому что он ехал ко двору, чтобы показать правду о вас и вашем предательстве, и за это вы убили его. Почему вы заявляете права на мою жену как на вашу подопечную? Потому что вы хотите присвоить ее земли и богатство, чтобы оплачивать свои интриги и излишества. Вы думаете, что при дворе вы купили себе друзей и что ради денег те, в чьих руках власть, закроют глаза на ваши преступления? Может быть, и так, но это временно. Подождите, подождите! Не все глаза там слепы, не все уши глухи. И ваша голова будет поднята выше, чем вы думаете, — так высоко, что попадет на верхушку Блосхолмской башни для предупреждения всем тем, кто попытается продать Англию ее врагам. Джон Фотрел лежит мертвый, в горле у него стрела вашего головореза, но Джеффри Стоукс с бумагами уехал. А теперь совершайте последнюю подлость, Клемент Мэлдон. Вам нужна моя жена — попробуйте взять ее.

Аббат слушал, слушал внимательно, впитывая каждое зловещее слово. Его смуглое лицо побелело от страха, потом потемнело от гнева. Вены на его лбу вздулись, даже на таком расстоянии Кристофер мог это видеть. Он был так зол, что его лицо смешно исказилось, и Кристофер, заметив это, разразился искренним смехом.

Аббат, не привыкший к насмешкам, прошептал что-то двум людям, которые были с ним, после чего они вдруг одновременно подняли принесенные с собой самострелы и дернули спусковые крючки. Одна стрела, описав широкую дугу, ударилась о стену дома сзади и крепко вонзилась в сплетения украшений из гвоздей. Но другая, нацеленная лучше, ударила Кристофера повыше сердца, он пошатнулся, но стрела, пущенная снизу, ударившись о кольчугу, надетую на нем, проскользнула над его ле-

¹. . . находящийся... на жалованье у Испании. — Испания была главным оплотом католицизма, важнейшей опорой папы римского. Екатерина Арагонская была испанкой, родной теткой испанского короля Карла V. Развод Генриха VIII с ней обострил англо-испанские отношения, и испанское правительство плело заговоры и интриги против Генриха VIII.

вым плечом. Люди, увидев, что он не был ранен, развернули лошадей и поскакали прочь, а Кристофер, положив другую стрелу на тетиву лука, оттянул ее к уху, целясь в аббата.

— Отпускай и покончи с ним, — пробормотала Эмлин из своего убежища за парাপетом. Но Кристофер с минуту подумал, потом закричал:

— Подождите немного, сэр аббат, мне надо сказать вам еще кое-что.

Аббат тоже поворачивал коня и не обратил на его слова никакого внимания.

— Подождите! — прогремел Кристофер. — Или я убью вашу прекрасную кобылу. — А так как аббат все еще тянул за удила, он выпустил стрелу. Цель была достигнута точно. Стрела прошла как раз сквозь изгиб шеи, разорвав связки между костями так, что бедное животное, выпрямившись, встало на дыбы и рухнуло наземь, сбросив своего седока в снег.

— Теперь, Клемент Мэлдон, — закричал Кристофер, — будете ли вы слушать или останетесь в снегу вместе с вашей лошастью и слугой и не услышите ничего больше до дня страшного суда? Если вы еще не догадались, то знайте, что я с юности упражнялся в стрельбе из лука. Если вы сомневаетесь, подымите руку, и я пропущу стрелу у вас между пальцев.

Аббат, сбитый с ног, но не пострадавший, медленно поднялся и стоял теперь между трупами лошади и человека.

— Говорите, — сказал он глухим голосом.

— Милорд аббат, — продолжал Кристофер, — минуту назад вы пытались убить меня, и, если бы моя кольчуга была ненадежной, вам удалось бы это. Сейчас ваша жизнь в моих руках, ибо вы видели, что я не промахнусь. Ваши слуги идут вам на помощь, прикажите им остановиться или... — и он поднял лук.

Аббат повиновался, и люди, поняв его знак, остановились там, где были, на таком расстоянии, что не могли ничего слышать.

— У вас на груди распятие, — продолжал Кристофер. — Возьмите его в правую руку и дайте клятву

Аббат опять повиновался.

— Клянитесь так, — говорил Кристофер, повторяя слова спрятавшейся за парাপетом Эмлин. — Я, Клемент

Мэлдон, аббат Блосхолма, перед ликом всемогущего бога на небесах, в присутствии Кристофера Харфлита и других на земле, — и резким кивком головы он указал на окна дома, где собрались и слушали все, кто в нем был, — даю клятву на распятии. Клянусь, что оставляю все притязания на опекунство над душой и телом Сайсели Харфлит, урожденной Сайсели Фотрел, законной жены Кристофера Харфлита, и все притязания на земли и богатства, которыми она владеет или которыми владел ее отец Джон Фотрел, рыцарь, или ее мать, покойная госпожа Фотрел. Клянусь, что не буду поднимать никакого дела ни в каком суде, ни в церковном, ни в светском, при этом или другом царствовании против вышеупомянутой Сайсели Харфлит или против вышеупомянутого Кристофера Харфлита, ее мужа, также не буду искать случая нанести оскорбление ни их душе, ни их телу или телам и душам тех, кто им верен, и с этой минуты они могут жить и умереть, не опасаясь ни меня, ни тех, кто мне подчинен. Поцелуйте распятие и принесите клятву, Клемент Мэлдон.

Аббат выслушал; его сердце никогда не отличалось мягкостью, а гнев был так велик, что он, казалось, раздулся, как обозленная жаба.

— Кто дал вам право диктовать мне клятвы? — спросил он наконец. — Я не буду клясться. — И он бросил распятие на снег.

— Тогда я буду стрелять, — ответил Кристофер — Ну, поднимите крест.

Но Мэлдон молча стоял со сложенными на груди руками Кристофер нацелился и выстрелил, мало нашлось бы в Англии таких стрелков, как он, — его стрела проткнула меховую шапку Мэлдона и сбила ее, не задев бритого лба аббата.

— Следующая попадет на два дюйма ниже, — сказал он, вставляя в тетиву новую стрелу. — Я не буду больше тратить зря хорошие стрелы.

Тогда, чтобы спасти свою жизнь, которой он весьма дорожил, Мэлдон очень медленно наклонился и, подняв распятие со снега, поднес его к своим губам, поцеловал и пробормотал:

— Клянусь. — Но клятва, данная им, сильно отличалась от повторенной Кристофером, потому что, как преследуемая лиса, он умел ответить хитростью на хитрость.

— Теперь, когда я — рукоположенный аббат¹ — сделал по-вашему считая, что должен был уступить для того, чтобы, оставшись в живых, исполнять свой долг на земле, волен я отправиться по своим делам, Кристофер Харфлит? — спросил он с горькой иронией.

— Почему же нет? — спросил Кристофер — Только, будьте любезны, с этого времени не вмешивайтесь в мои дела. Завтра мы с моей супругой собираемся ехать в Лондон, и нам не хотелось бы встретиться с вами на дороге.

Подняв свою шапку и вытащив из нее стрелу, аббат повернулся, пошел назад к своим людям, и вскоре они, поднявшись на горку, ускакали к Блосхолму.

— Теперь все хорошо кончилось; он дал мне клятву, которую едва ли осмелится нарушить, — сказал вскоре Кристофер — А что скажешь ты, няня?

— Я скажу, что вы даже больший простак, чем я считала, — сердито ответила Эмлин, поднимаясь с места и потягиваясь, так как у нее свело все члены — Клятва? Тьфу! Он уже освобожден от нее, так как она была дана под угрозой смерти. Разве вы не слышали, как я вам шепотом советовала пронзить стрелой его сердце вместо того, чтобы откалывать мальчишеские шутки с его шапкой?

— Я не хотел убивать аббата, няня.

— Глупец! Какая разница между ним и его слугами? А он еще скажет, что вы покушались на его жизнь, но промахнулись, и покажет шапку и стрелу в качестве вещественных доказательств. Но мои слова теперь уже не помогут, и скоро вы услышите об этом прямо от него самого. Идите, приготовьте свой дом к обороне и не осмеливайтесь ступить ногой за его порог. Там вас ждет смерть.

Эмлин была права. Через три часа безоружный монах пришел, несмотря на метель, в Крануэл Тауэрс и бросил через ров письмо, привязанное к камню. Потом он прибил бумагу к одному из дубовых столбов наружных ворот и без единого слова ушел так же, как и при-

¹ Рукоположенный аббат — При посвящении в духовное звание совершался обряд рукоположения, во время которого представитель высшего духовенства возлагал руки на голову посвящаемого.

шел. В присутствии Кристофера и Сайсели Эмлин распечатала и прочитала второе письмо так же, как она прочитала первое.

Оно было коротким и гласило:

«Запомните, сэр Кристофер Харфлит и все остальные, к кому это может иметь отношение, что клятва, которую я, Клемент Мэлдон, аббат Блосхолма, дал вам сегодня, совершенно недействительна и не может иметь последствий, так как она была вырвана у меня под угрозой немедленной смерти. Запомните дальше, что доклад о совершенном вами убийстве направлен его величеству королю, шерифу¹ и другим представителям власти этого графства² и что в силу моих прав и власти, церковной и гражданской, я буду продолжать дело о возвращении ко мне моей подопечной, по имени Сайсели Фотрел, со всеми землями и другой собственностью, бывшей в руках ее отца, покойного сэра Джона Фотрела. От ее имени я уже вступил во владение имуществом и воспользуюсь всеми средствами, какие понадобятся, чтобы схватить вас, Кристофер Харфлит, и передать в руки закона. Кроме того, посредством уведомления, посланного при сем, предупреждаю всех, кто примыкает к вам и содействует в совершаемых вами преступлениях, что и телам их и душам грозит гибель.

Клемент Мэлдон, аббат Блосхолма.

Глава V

ЧТО ПРОИЗОШЛО В КРАНУЭЛЕ

Прошла неделя. В течение первых трех дней в Крануэл Тауэрсе ничего или почти ничего не произошло: нападения никто не предпринимал. Однако Кристофер с помощью дюжины домашних слуг и мелких арендаторов обнаружил, что они окружены со всех сторон. Раза два кое-кто пытался выехать на недалекое расстояние, но

¹ Шериф — должностное лицо, осуществлявшее в графстве административные и судебные функции.

² Графство — область, единица административного деления в Англии.

тотчас вынужден был вернуться обратно, так как из близлежащих рощиц, из деревенских коттеджей и даже из дверей церкви появлялись превосходящие по численности группы людей. Они нигде не подъезжали к ним близко, и поэтому жертв не было. Отчасти это было даже плохо: не хватало радостного возбуждения настоящей борьбы, оставался только страх перед постоянной опасностью.

В других отношениях дела тоже шли плохо. Так, прежде всего, у них кончилось пиво, а затем израсходовали и весь запас остальных возбуждающих напитков, и им приходилось пить одну воду. Затем кончилось топливо, потому что почти все заготовленное находилось на ферме на расстоянии четверти мили от замка, на второй день осады эту ферму подожгли, и она сгорела со всем, что в ней было, а скот и лошади были уведены неизвестно куда.

Дошло до того, что они могли поддерживать огонь только в кухне, и то не очень жаркий, лишь для приготовления пищи, сжигая двери надворных строений и половицы чердака. Да и пищи было немного: только запас солонины, свинины в уксусе, копченой грудинки да немного овсянки и муки, из которых спекли лепешки и хлеб.

На четвертый день кончилось и это, и им пришлось довольствоваться вяленным мясом, несколькими яблоками, вместо овощей, и горячей водой, которую они пили, чтобы согреться. Наконец топить стало нечем; они вынуждены были есть сырое мясо и болели от этого. Мало того, наступила оттепель, и дом заледенел; поэтому днем у них зуб на зуб не попадал, а по ночам, из-за постоянного недоедания, им едва хватало силы протянуть до утра под всеми одеялами, какие были.

Ах, какими длинными казались эти ночи, без единого огонька в камине, без такого пустяка, как зажженная свеча! В четыре часа темнело, и темнота была беспросветна, так как луна поднималась невысоко, а туман не рассеивался до тех пор, пока около семи часов следующего утра не становилось светло. Боясь атаки, они все время прислушивались в темноте, так что не имели возможности спокойно выспаться.

Некоторое время все мужественно переносили эти лишения, даже арендаторы, хотя до них дошли слухи, что

их фермы опустошены, а жены и дети выгнаны и нашли приют, где кому удалось.

Сайсели и Эмлин не роптали. Действительно, новобрачная не хмуясь переживала свой страшный медовый месяц. Она с мужем медленно прогуливалась вдоль рва или от окна к окну в пустых комнатах, пока, наконец, усталость не осиливала их, и они, передав дозор другим, не падали в изнеможении на какую-нибудь кровать, чтобы поспать хоть немного. Только одна Эмлин, казалось, никогда не спала. Но, в конце концов, их сотоварищи стали выражать недовольство.

Однажды утром на рассвете, после очень тяжелой ночи, они дождались Кристофера и сказали ему, что были готовы бороться за него и его супругу, но так как нет никакой надежды на помощь, они больше не могут мерзнуть и ждать голодной смерти, — короче говоря, они должны или покинуть этот дом или сдаться. Он терпеливо выслушал их, понимая, что они правы, и затем посоветовался с Сайсели и Эмлином.

— Наше положение безвыходно, дорогая жена. Что теперь делать, раз для нас нет надежды на подкрепление? Ибо никто ведь не знает, в каком мы состоянии! Сдаться или попытаться бежать под покровом тьмы?

— Только не сдаваться, — ответила Сайсели, заглушив рыдания. — Если мы сдадимся, они, конечно, нас разлучат, и безжалостный аббат отправит тебя на тот свет, а меня в монастырь.

— Это может случиться в любом случае, — пробормотал Кристофер, отворачиваясь. — А что скажешь ты, няня?

— Я думаю, надо бороться, — храбро ответила Эмлин. — Здесь нам, конечно, нельзя оставаться; откровенно говоря, сэр Кристофер, кое-кому здесь я не доверяю. Но что поделаешь? У них желудки пусты, руки заledenели, их жены и дети неизвестно где, и, вдобавок ко всему, над ними нависло тяжкое проклятье церкви. И всего этого не было бы, если бы они вас предали. Давайте возьмем оставшихся лошадей и ускользнем в ночной тишине, если сможем; если же не сможем, то умрем, как умирали люди и получше нас.

Так они решили испытать судьбу, полагая, что хуже, чем сейчас, быть не может, и провели весь остаток дня, готовясь, кто как умел. Семь лошадей все еще находи-

лись в конюшне, и, хотя они застоялись без движения, их накормили сеном и напоили

На них они предполагали ехать, но сначала хотели откровенно объясниться с верными им людьми.

Поэтому около трех часов дня Кристофер созвал всех людей под воротами и с грустью поведал им все. Он объяснил им, что здесь больше нельзя оставаться, а сдаться означало бы обречь новобрачную на вдовство.

Они должны бежать, взяв с собой столько спутников, сколько у них лошадей, если, разумеется, кто-нибудь рискнет отправиться в такое путешествие. Если нет, то он и обе женщины поедут одни.

Тогда четверо самых верных людей, долгие годы служивших Кристоферу и его отцу, вышли вперед, говоря, что, как бы опасно это ни оказалось, они разделят его судьбу до конца. Он коротко поблагодарил их; тогда один из оставшихся спросил, что же им теперь делать, раз он собирается покинуть их, доведя до такого положения.

— Один бог знает, что я предпочел бы умереть, — ответил Кристофер от всей души — Но, друзья мои, подумайте, в каком мы положении. Если я останусь здесь, — что будет с моей женой? Увы! Дело дошло до того, что вам приходится выбирать: или уйти с нами и рассеяться по лесу, где вас, я думаю, не будут преследовать, потому что этот аббат с вами не враждует; или вы останетесь здесь, а завтра на рассвете сдадитесь. В том и другом случае вы можете сказать, что я заставил вас остаться и что вы не пролили ничьей крови; об этом я дам вам бумагу

Так они мрачно беседовали все вместе и, наконец, решили, что, когда сэр Кристофер и его супруга уедут, они тоже разойдутся и спрячутся как можно лучше. Но среди них был один мелкий фермер, по имени Джонатан Дикси, рассуждавший иначе. Этот Джонатан был арендатором Кристофера, но его втянули в дело защиты Крануэл Тауэrsa почти что против его воли, по настоянию самого крупного из арендаторов Кристофера, с дочерью которого он был обручен. Это был ловкий молодой человек, и даже во время осады он, применив способ, который нет необходимости описывать, ухитрился переправить послание блосхолмскому аббату, где говорил, что, будь это в его власти, он был бы рад оказаться в любом

другом месте. Поэтому он был уверен, что его ферма останется нетронутой, какова бы ни была судьба всех остальных.

Теперь он решил выпутаться из этой печальной истории как можно скорее, ибо Джонатан принадлежал к числу людей, предпочитающих всегда находиться на стороне победителя.

Поэтому хотя он и сказал. «Так! Так!» — громче своих товарищей, как только стало темно, пока другие готовили лошадей и сменяли караул, он перебросил через ров позади конюшни лестницу и убежал, карабкаясь по ее ступенькам, под прикрытием находившегося на лугу коровника.

Полчаса спустя, постаравшись натолкнуться на людей аббата и попасть в плен, он стоял перед ним в коттедже, служившем штабом. Сначала Джонатан ничего не хотел говорить, но, когда они в конце концов пригрозили вытащить его на улицу и повесить, он, по его словам, для спасения жизни развязал язык и все рассказал.

— Так, так, — сказал аббат, когда тот кончил. — Господь благоволит к нам. Эти птички в наших сетях, и, значит, день святого Илария я буду справлять у себя в Блосхолме. За твою услугу, мастер Дикси, ты станешь моим управляющим в Крануэл Тауэрсе, когда он будет принадлежать мне.

Но можно сразу сказать, что все кончилось совсем не так, и он не только не получил места управляющего в Крануэле, но, когда вся правда стала известна, невеста Джонатана не пожелала иметь с ним ничего общего, а люди тех мест разграбили его ферму и выгнали его из графства, и о нем с тех пор не было ни слуху, ни духу.

Тем временем все было приготовлено к отъезду, и Кристофер, оставшись в Тауэрсе наедине с Сайсели, попрощался с ней в темноте, так как им нечем было осветить комнату.

— Это отчаянная попытка, — сказал он ей, — и я не могу сказать, чем она кончится и увижу ли я когда-ни будь снова твое милое личико. И все же, дорогая, мы провели вместе несколько счастливых часов, и если я погибну, а ты останешься жить, я уверен, что ты всегда будешь меня помнить, пока, как нас учили, мы не встретимся снова там, где никакой враг не сможет мучить нас

и где нет холода, голода и темноты. Сайсели, если так суждено и у тебя будет ребенок, научи его любить отца, хоть он никогда его не видел.

Тут она обвила его руками и плакала, плакала, плакала.

— Если ты умрешь, — рыдала она, — то, наверное, умру и я. Хоть я еще молода, но этот мир для меня полон скорби, а теперь, когда мой отец умер, без тебя, супруг мой, он превратится в ад.

— Нет, нет, — ответил он, — живи, пока хватит сил, потому что, — кто знает? Часто самое худшее приводит к лучшему. Ведь и у нас были свои радости. Поклянись, что будешь жить, голубка!

— Хорошо, если ты тоже в этом поклянешься, потому что, может быть, умру я, а ты останешься жить. Мечи в темноте не выбирают цели. Давай обещаем друг другу, что мы оба будем жить, вместе или врозь, пока господь не призовет нас.

Так, в ледяном мраке, дали они эту клятву, скрепив ее поцелуями. Время, наконец, наступило, и они, рука об руку, ошупью пошли во двор, немного успокоившись оттого, что ночь была очень благоприятной для выполнения их плана. Снег растаял, и сильный ветер, очень бурный, но не холодный, дул с юго-запада, раскачивая высокие вязы, которые скрипели и стонали, как живые существа. Кристофер и Сайсели были уверены, что при таком ветре, как этот, их никто не услышит и не увидит под мрачным и беззвездным небом, а дождь, ливший между порывами ветра, смывает следы их коней.

Они молча оседлали лошадей и с четырьмя людьми — к этому времени все остальные ушли — переехали через подъемный мост, опущенный, чтобы они могли бежать. На расстоянии примерно трехсот ярдов их путь проходил через старый известковый карьер, вырытый много поколений назад; по обе стороны тропинки густо проросли деревья.

Когда они приближались к карьеру, в ночной тишине внезапно впереди заржала лошадь, и одно из их животных ответило ржанием.

— Стойте, — пролепетала Сайсели, слух которой обострился от страха. — Я слышу, как движутся люди.

Они натянули поводья и прислушались. Да, между порывами ветра слышался едва уловимый звук, как буд-

то бряцали оружием. Они вперили взор в темноту, но ничего не смогли разглядеть.

Опять заржала лошадь, и ей ответило ржание. Один из слуг выругал про себя животное и грубо ударил его плашмя мечом, и тогда отдохнувшая лошадь понеслась, закусив удила. В следующую минуту в известковом карьере перед ними поднялся невообразимый шум — шум окриков, удары меча, а потом тяжелый стон, словно сорвавшийся с губ умирающего человека.

-- Засада! — воскликнул Кристофер

-- Можем мы объехать ее? — спросила Сайсели, и в ее голосе прозвучал ужас.

-- Нет, — ответил он, — ручей разлился; мы увязнем. Чу! они атакуют нас. Обратно в Тауэрс, другого выхода нет.

Так они повернули и помчались, преследуемые криками и стуком копыт множества скачущих лошадей. Через две минуты они были уже там, — женщины, Кристофер и трое мужчин проскакали через мост.

-- Поднять мост! — закричал Кристофер, и они спрыгнули с лошадей и, спотыкаясь, побежали к рычагам, слишком поздно, так как всадники аббата уже вступили на него.

Тогда началась битва. Лошади врагов шарахались назад от дрожавшего моста, поэтому ездоки спешились и ринулись вперед, но были встречены Кристофером и его тремя союзниками: в этом узком месте они могли задержать сотню.

Жестокие удары наносились в темноте наугад; двое из людей аббата упали, после чего низкий голос скомандовал:

-- Вернитесь и подождите рассвета.

Когда они ушли, таща с собой раненых, а Кристофер и его слуги снова попытались поднять мост, они увидели, что он не двигается.

-- Какой-то предатель испортил цепи, — сказал Кристофер тихим от отчаяния голосом. — Сайсели и Эмлин, идите в дом. Я и каждый, кто захочет, останемся здесь, чтобы покончить с этим делом. Когда меня убьют, сдайтесь. Я думаю, что впоследствии король рассудит нас по справедливости, если вы сможете до него добраться.

-- Я не пойду, — застонала Сайсели. — Я умру с тобой.

— Нет, ты пойдешь, — сказал он, топая ногой, и, когда он произносил эти слова, стрела просвистела между ними. — Эмлин, тащи ее туда, пока ее не убили. Скорее, говорю я, скорее, или проклятье господа и мое обрушится на вас. Разожми руки, жена; как я могу сражаться, если ты висишь у меня на шее? Что! Неужели я должен ударить тебя? Ну что ж, вот и вот!

Она разжала руки и со стоном упала на грудь Эмлин, которая полунесла, полувела ее через двор, где скакали на свободе испуганные лошади.

— Куда мы идем? — всхлипнула Сайсели.

— В центральную башню, — ответила Эмлин, — там, кажется, безопаснее.

К этой башне, которая дала название всему замку,¹ они шли ощупью. В отличие от остальной части дома, построенного главным образом из дерева, башня была каменной, ибо являлась частью старой постройки времен норманнов. Спотыкаясь, они медленно поднимались по ступенькам, пока, наконец, не достигли крыши, так как инстинктивно искали места, откуда могли что-нибудь видеть, если бы появились звезды. Здесь, на этом возвышении, они укрылись и ждали конца, каким бы он ни был, — ждали молча.

Сколько времени прошло, они не знали, пока, наконец, из-под крыши кухни, позади дома, не вырвалось пламя, которое подхватил ветер и понес на стены основного здания, так что вскоре оно тоже запылало. Дом подождли; кто, — неизвестно, хотя, говорили, что предатель Джонатан Дикси вернулся и сделал это, то ли за плату, то ли для того, чтобы в этой ужасной катастрофе было забыто его собственное преступление.

— Дом горит, — сказала Эмлин спокойно. — Теперь, если ты хочешь спасти свою жизнь, иди за мной. Под этой башней есть погреб, где нас не тронет пламя.

Но Сайсели даже не двинулась, потому что при свете яростного, все разгорающегося пламени она могла видеть то, что происходило внизу, и как раз случилось так, что ветер относил дым в другую сторону. Там, за мостом, собралась стража аббата, а в воротах стоял Кристофер и трое его людей с обнаженными мечами, во

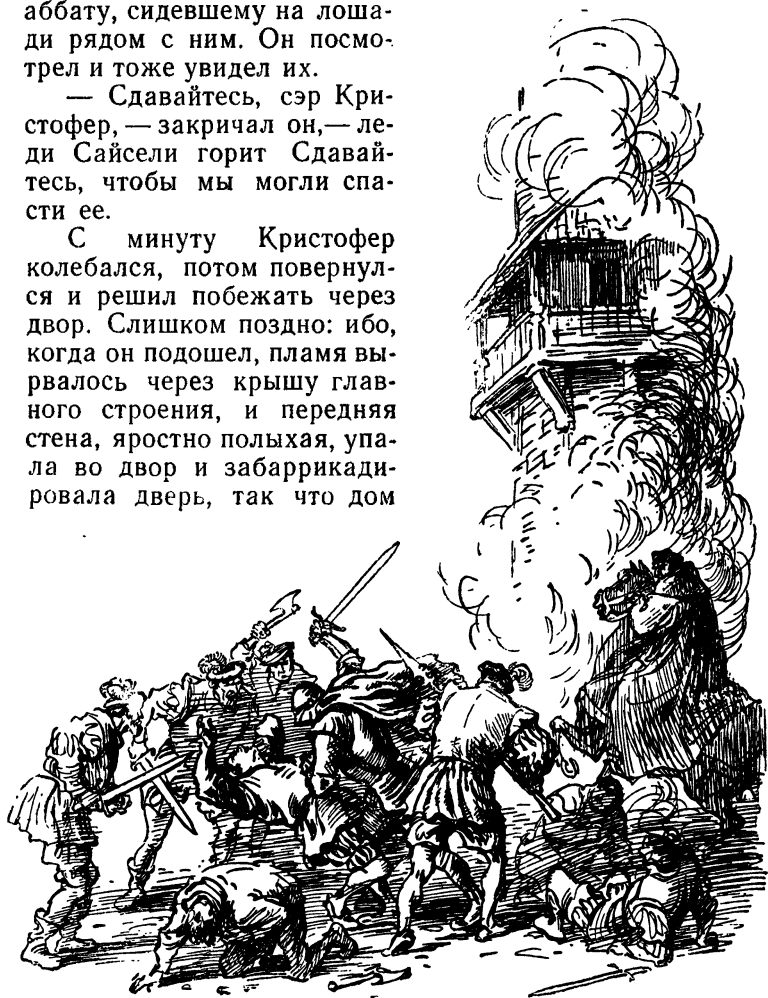
¹ Крануэл Тауэрс значит «Башни Крануэла».

дворе же, как ошалелые, метались и ржали от страха лошади.

Один из солдат взглянул наверх и увидел, что две женщины стоят на вершине башни, затем крикнул что-то аббату, сидевшему на лошади рядом с ним. Он посмотрел и тоже увидел их.

— Сдавайтесь, сэр Кристофер, — закричал он, — леди Сайсели горит. Сдавайтесь, чтобы мы могли спасти ее.

С минуту Кристофер колебался, потом повернулся и решил побежать через двор. Слишком поздно: ибо, когда он подошел, пламя вырвалось через крышу главного строения, и передняя стена, яростно полыхая, упала во двор и забаррикадировала дверь, так что дом

превратился в пылающий очаг, куда нельзя было войти и где никто не мог бы выжить.

Тогда, казалось, им овладело безумие. С минуту он пристально смотрел вверх на фигуры двух женщин, стоящих высоко над клубящимся дымом и все охватывавшим пламенем. Потом, вместе со своими тремя людьми, он с ревом бросился в гущу солдат, следовавших за ним во двор, словно пытаясь проложить дорогу к аббату, скрывавшемуся сзади. Это было ужасное зрелище, потому что он и те, кто был с ним, сражались яростно и убили многих врагов. Вскоре из четверых в живых остался только Кристофер. Мечи и копья ударялись о его доспехи, но он не падал, а падали те, кто с ним сражался. Огромный детина с топором очутился позади него и со всей силы ударил по его шлему. Меч выпал из рук Харфлита; он медленно повернулся, посмотрел вверх, потом, вытянув руки, тяжело рухнул на землю.

Аббат прыгнул с лошади и побежал к нему, встав около него на колени.

— Погиб! — воскликнул он и начал отходную его отлетевшей душе, — так, по крайней мере, показалось всем.

— Погиб, — повторила Эмлин, — и какой доблестной смертью!

— Погиб, — простонала Сайсели таким страшным голосом, что все внизу услышали ее. — Погиб, погиб! — И без чувств упала на грудь Эмлин.

В эту минуту оставшаяся часть крыши провалилась, скрыв башню столбами пламени и пеленой дыма. Оставаться здесь означало неминуемую гибель. Подняв сильными руками свою хозяйку, как она обычно делала когда Сайсели была маленькой, Эмлин нашла верхнюю ступеньку лестницы, и, когда ветер на минуту рассеял дым, все бывшие внизу увидели, что обе женщины исчезли, и решили, что они погибли в огне.

— Теперь вы можете вступить на Шефтонские земли, аббат! — воскликнул голос во тьме ворот, ибо в этой суматохе нельзя было различить, кто говорит. — Но если бы мне посулили все земли Англии, я не хотел бы отвечать за эту невинную кровь!

Лицо аббата мертвенно побледнело и, хотя было достаточно жарко, его зубы застучали.

— Кровь падет на голову этого похитителя женщин, — с усилием воскликнул он, глядя вниз на Кристо-

фера, лежавшего у его ног — Поднимите его, чтобы над ним, погибшим при совершении убийства, мог свершиться суд. Неужели никто не может войти в дом? Кто спасет леди Сайсели, получит полный карман золота!

— Неужели кто-нибудь может остаться в живых, войдя в ад? — ответил тот же голос из мрака и дыма — Ищите ее чистую душу в раю, если вам удастся попасть туда, аббат

Страх был на лицах тех, кто поднял Кристофера и других убитых и раненых и понес их прочь, предоставив Крануэл Тауэрсу догорать дотла, ибо воздух там так раскалился, что никто не мог вынести этого жара.

Прошло два часа Аббат сидел в маленькой комнате Крануэлского коттеджа, где он жил во время осады Тауэрса. Было около полуночи; однако, несмотря на усталость, он не мог отдыхать, конечно, если бы ночь не была такой темной и ненастной, он провел бы время в пути, возвращаясь в Блосхолм. На душе у него было беспокойно. Правда, все шло хорошо. Сэр Джон Фотрел был мертв — убитый «преступниками», сэр Кристофер был мертв — разве его тело не лежало там, в коровнике? Сайсели, дочь одного из них и жена другого, тоже была мертва, сгорев в пожаре Тауэрса, и потому драгоценности и огромные земли, которых он домогался, безусловно попадут к нему в руки без всяких дальнейших хлопот. Ибо Кромвелл был подкуплен, а кто другой посмел бы попытаться вырвать их у могущественного блосхолмского аббата, который имеет на них известные права?

И все же он чувствовал себя очень беспокойно, потому что, как говорил тот голос (чей это был голос, он не знал, но голос казался знакомым) «Кровь этих людей падет на твою голову» — и тут он вспомнил текст святого писания, им же процитированный Кристоферу: «Кровь пролитая взывает о крови». Кроме того, хотя он и заплатил генеральному викарию, чтобы тот поддерживал его, монахи не были в большом почете при английском дворе, и если эта история дойдет до него — а это могло случиться, так как даже бессильные мертвецы находят друзей, — то не исключена возможность, что ему зададут вопросы, на которые будет трудно ответить. Перед небом он мог оправдаться во всем, что сделал, но перед королем Генрихом, если правда дойдет до

его королевских ушей (король ведь присвоил себе права самого папы), — это будет не так-то легко.

В комнате было холодно после зноя, который они испытали на пожаре. В жилах аббата текла южная, горячая кровь; он стал зябнуть, его охватило уныние и тоска, он начал задумываться, — насколько же в глазах бога цель оправдывает средства? Он открыл дверь дома и, держась за нее, чтобы сильный зимний ветер не сорвал ее со слабых петель, громко позвал брата Мартина, одного из своих капелланов. Вскоре пришел Мартин, появившись из коровника с фонарем в руках — высокий, тонкий человек с тревожным и грустным взглядом, длинным носом и умным лицом. Поклонившись, он спросил, что угодно его начальнику.

— Мне угодно, брат, — ответил аббат, — чтобы ты закрыл дверь от ветра, потому что этот проклятый климат убивает меня. Да, если сможешь, затопи камин, но дрова слишком сырые, они не горят, а дымят. Видишь, я был прав, если так будет продолжаться, к утру мы превратимся в окорока. Ну хватит, не надо, растопим завтра утром, сегодня вечером мы видели достаточно огня, садись, выпей кубок вина, — нет, я забыл, ты пьешь только воду, тогда съешь кусок хлеба с мясом.

— Спасибо, милорд аббат, — ответил Мартин, — но я не могу притрагиваться к мясному сегодня пятница.

— Пятница или нет, мы ведь уже притрагивались к мясу — к плоти людей — там, в Тауэрсе, сегодня вечером, — ответил аббат с принужденным смехом — Однако делай, что велит тебе совесть, брат, и ешь хлеб. Скоро полночь и можно будет заесть мясом.

Тощий монах поклонился и, взяв ломоть хлеба, начал жевать его, потому что и вправду чуть ли не умирал от голода.

— Ты молился у трупа этого кровожадного мятежника, причинившего нам столько вреда и потерь? — спросил вскоре аббат.

Секрестарь кивнул и проглотив корку, сказал:

— Да, я молился над ним и над другими. Во всяком случае он был храбр, и, должно быть, ему тяжело было видеть, как его молодую жену сожгли, словно ведьму. Кроме того, я обдумал это дело и не понимаю, в чем заключался его грех, — ведь он только храбро сражался, когда на него напали. Брак его без сомнения вполне за-

конный, а должен ли он был испросить вашего разрешения на него,— это вопрос, о котором судебные инстанции христианского мира могли бы спорить.

Аббат нахмурился; он не любил столь откровенного и беспристрастного тона, когда вопрос так близко касался его.

— Недавно вы удостоили меня чести, выбрав меня одним из своих исповедников, хотя я думаю, что вы мне всего не говорите, милорд аббат; потому я и поверяю вам свои мысли,— продолжал, как бы извиняясь, брат Мартин

— Тогда продолжай. Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что мне не нравится это дело,— медленно отвечал он, в промежутках, когда переставал жевать хлеб — Вы поссорились с сэром Джоном Фотрелом из-за земель, принадлежащих аббатству, как вы говорите. Бог знает, кто прав, я не разбираюсь в законах, но ведь он отрицал это,— я сам слышал его слова там, в вашей комнате, в Блосхолме. Он отрицал это и обвинил вас в предательстве, достаточном для того, чтобы отправить на виселицу весь Блосхолм, о чем опять-таки правду знает один бог. Вы в гневе угрожали ему, но он и его слуга были вооружены и поэтому победили, а на следующий день они оба поехали в Лондон с какими-то документами. Да, в ту ночь сэр Джон Фотрел был убит в лесу, хотя его слуге Стоуксу удалось бежать с документами. Так кто же убил его?

Аббат взглянул на него, затем, казалось, принял внезапное решение.

— Наши люди, оруженосцы, собранные мной для защиты нашего монастыря и церкви. Я приказал схватить его живым, но старый английский бык не сдавался и боролся так яростно, что все кончилось иначе, к моему сожалению

Монах положил хлеб — казалось, он больше не мог есть.

— Ужасное злодеяние, — сказал он. — За него вам придется когда-нибудь ответить перед богом и людьми

— За него нам всем придется отвечать, — поправил аббат, — вплоть до самого последнего монаха и солдата, и тебе не меньше, чем всем нам, брат, потому что разве ты не присутствовал при нашей ссоре?

— Да будет так, аббат. Я невинен и готов отвечать.

Но это не все Леди Сайсели, услышав об этом убийстве — нет, нечего вам гневаться, иначе этого не называть — и узнав, что вы претендуете на опеку над ней, бежала к своему жениху, сэру Кристоферу Харфлиту и в тот же день была обвенчана с ним приходским священником этой церкви

— Это был незаконный брак. Не было сделано должного оглашения Мало того, — как могла моя подопечная обручиться без моего разрешения?

— Ей не принесли извещения о назначении опеки, если даже она установлена, по крайней мере так она заявила, — спокойно и упрямо ответил Мартин. — Я думаю, что во всей Европе не найдется суда, который не признал бы этого открыто совершенного брака, когда станет известно, что они оба некоторое время жили как муж и жена и мужем и женой были признаны окружающими, — даже сам папа этого не сделает

— Ты заявил, что не законовед, а законы толкуешь, — вставил саркастически Мэлдон. — Ну, какое это имеет значение, если брак разрушен смертью? Муж и жена, даже если их брак действителен, оба умерли все кончено.

— Нет, ибо теперь их жалоба — в небесном суде, а там придется отвечать каждому из нас; и небо может побудить к действию свои орудия на земле. Нет, не нравится, не нравится мне это; и я скорблю о них, таких любящих, храбрых и молодых. Их кровью и кровью многих других запятнаны наши руки — из-за чего? Из-за полоски плоскогорья и болота, которые король или кто-нибудь другой могут завтра же у нас отнять.

Аббат, казалось, съежился под тяжестью этих печальных и серьезных слов, и некоторое время они молчали. Потом он собрался с мужеством и сказал

— Я рад, что ты помнишь, что их кровью запятнаны не только мои, но и твои руки, может быть, теперь ты будешь их прятать.

Он встал и пошел к двери, потом к окну — убедиться, что снаружи никого нет, затем, вернувшись, вскричал яростно.

— Дурак! Неужели ты думаешь, что все это совершено было ради нового поместья? Правда, эти земли принадлежат нам по праву и нам нужен доход, который можно с них получать, но за этим кроется нечто боль-

шее. Всей церкви в нашем королевстве угрожает проклятый сын велиала,¹ сидящий на троне. Но что это с тобой, сын?

— Я — англичанин и не люблю слушать, когда английского короля называют сыном велиала. Я знаю, грехи его велики и черны, как, впрочем, и грехи других людей, но все же, — сын велиала! Одних этих слов достаточно, чтобы вас повесить, если бы король их услышал!

— Хорошо, пусть он будет ангелом благородства, если тебе это больше нравится. Во всяком случае нам грозит беда. Вопреки законам божеским и человеческим наша благословенная королева, Екатерина Испанская, отвергнута в угоду какой-то девке, занявшей ее место.² Даже теперь у меня есть сведения из Кимболтона,³ что она умирает там от медленно действующего яда, так говорят, и я этому верю. У меня есть и другие вести. Фишер⁴ и Мор⁵ умерщвлены, а в следующем месяце в парламенте будет поставлен вопрос об уничтожении малых монастырей и присвоении их богатств,⁶ а затем наступит и наша очередь. Но мы не будем покорно терпеть все это. Прежде чем окончится этот год, вся Англия будет

¹ Велиал — то же, что и сатана, олицетворение зла.

² Екатерина Испанская отвергнута в угоду какой-то девке, занявшей ее место. — После развода Генрих VIII женился на бывшей фрейлине своей первой жены — Анне Болейн.

³ Кимболтон — замок в Англии, куда была сослана после развода (в 1533 г.) Екатерина Арагонская и где она умерла в 1536 году. Католики утверждали, что она была отравлена.

⁴ Фишер Джон (1459—1535) — английский католический епископ, выступавший против развода Генриха VIII и против реформации церкви. Король заточил его в тюрьму, а папа демонстративно произвел его в кардиналы. В ответ Генрих VIII казнил Фишера.

⁵ Мор Томас (1478—1535) — выдающийся английский ученый и политический деятель, один из основоположников утопического социализма. В 1529—1532 годах был первым министром (лордом-канцлером) Генриха VIII. Будучи противником реформации, вышел в отставку. За отказ принести присягу англиканской церкви был обезглавлен.

⁶ в парламенте будет поставлен вопрос об уничтожении малых монастырей и присвоении их богатств. — В 1536 году по решению парламента было закрыто 376 малых монастырей, а в 1539 году — все остальные. Большую часть захваченных земель и ценностей король продал придворным и спекулянтам.

в огне, и я, Клемент Мэлдон, я — я зажгу его. Теперь ты знаешь правду, Мартин. Предашь ли ты меня, как сделал бы этот мертвый рыцарь?

— Нет, милорд аббат ваши тайны в безопасности. Я ведь ваш капеллан, а своенравный и мстительный король и вправду причинил много вреда богу и его слугам. И все же я говорю, что мне это не нравится, и я не знаю, чем все это окончится. Мы, англичане, — люди упорные, и вам — испанцам — нас не понять и не сломить, а Генрих силен и хитер, да и народ стоит за него.

— Я знал, что могу тебе доверять, Мартин, и недаром так открыто говорил с тобой, — продолжал Мэлдон более мягким тоном. — Хорошо, ты узнаешь все. Великий император Германии и Испании на нашей стороне, как и должно быть, если принять во внимание его кровь и веру. Он отомстит за несправедливости, причиненные церкви и его тетке-королеве. Я знаю его, являюсь здесь его посланцем, и то, что я делаю, сделано по его приказанию. Но мне нужно больше денег, чем он может дать мне, вот почему я поднял дело о Шефтонских землях. У леди Сайсели есть огромной ценности украшения, хотя боюсь, они погибли в огне сегодня вечером.

— Грязные деньги — корень всех зол, — пробормотал брат Мартин.

— Да, но также источник всякого блага. Деньги, деньги. Мне нужно много денег, чтобы покупать людей и оружие, чтобы защищать небесную твердыню — церковь. Никаких жизней не жаль во славу и утверждение бессмертной церкви. Пусть погибают! Мой друг, ты боишься, гибель этих людей тяготит твою совесть, — увы, мне тоже тяжело. Я любил эту девушку, которую ребенком держал на руках, и я любил даже ее грубого отца, я любил его за честное сердце, хотя он всегда не доверял мне — испанцу — и имел на то основания. Любил я и Харфлита, лежащего там; он был храбрец, но не из тех, кто бы стал служить нашему делу. Они погибли, и за их пролитую кровь мы должны просить отпущения.

— Если сможем его получить.

— О, сможем, сможем. Оно уже лежит у меня в сумке под знакомой тебе печатью. Не бойся и за нашу брениую оболочку. В Англии подымается такой ветер, что все случившееся сегодня — перед ним только легкое дуновение. Какое значение имеют несколько выпущенных

стрел, пожар, погибшие жизни, когда дело идет о столкновении между светской и духовной властью, когда решается вопрос, кто из них будет обладать скипетром в великой Британии? Мартин, у меня есть для тебя поручение, и оно может привести тебя к епископству, прежде чем все будет окончено, и если таковы твои мысли и цели, и ты преодолеешь свои сомнения и колебания, у тебя хватит ума, чтобы управлять. Корабль «Большой Ярмут», отплывший несколько дней назад в Испанию, прибит обратно к берегу и завтра утром должен снова поднять якорь. У меня есть письма для испанского двора; ты повезешь их, а также передашь кому следует мои устные объяснения, которые не могут быть доверены бумаге. за них нам грозила бы виселица. Корабль направляется в Севилью, но ты последуешь за императором, где бы он ни был. Ты поедешь, не правда ли? — И он взглянул на него искоса.

— Я повинуюсь приказанию, — ответил Мартин, — хотя я мало знаю испанцев и испанский язык.

— В каждом городе есть бенедиктинский монастырь, а в каждом монастыре — переводчик, и ты будешь официально направлен к ним, образующим великое братство. Значит решено. Иди и подготовься как можно лучше. Мне надо писать письма. Стой! Чем скорее похоронят этого Харфлита, тем лучше Прикажи этому здоровому парню, Боллу, найти церковного сторожа и помочь вырыть могилу, потому что на рассвете мы его похороним. Теперь иди, иди; я сказал тебе, что должен писать. Возвращайся через час, и я вручу тебе деньги на поездку, а также сообщу все, что ты должен будешь передать устно.

Брат Мартин поклонился и вышел

— Опасный человек, — пробормотал аббат, когда за ним закрылась дверь, — слишком честный для нашей игры и слишком уж англичанин Патриотизм так и пробивается сквозь его рясу. У монаха не должно быть ни родины, ни родни. Но в Испании его кое-чему научат, и я уж постараюсь, чтобы его задержали там на достаточный долгий срок. Теперь пора приняться за письма — И он сел за грубо сколоченный стол и начал писать.

Полчаса спустя дверь отворилась, и вошел Мартин.

— Что еще? — спросил раздраженно аббат — Я сказал «Возвращайся через час».

— Да, вы это сказали, но у меня хорошие новости, и я думал, что вам было бы интересно их услышать.

— Тогда выкладывай. В наши дни это редкость. Нашли драгоценности? Нет, это невозможно. Дом все еще горит, — и он взглянул через окно. — Какие новости?

— Лучше, чем драгоценности, — Кристофер Харфлит жив. Когда я молился над ним, он повернул голову и пробормотал что-то. Думаю, что его только оглушили. Вы искусны в медицине, пойдите и посмотрите на него.

Через минуту аббат склонился над бесчувственным телом Кристофера, лежавшим на грязном полу коровника. При свете фонарей он пощупал искусными пальцами его раненую голову, с которой сняли разбитый шлем, а после этого послушал его сердце и пульс.

— Череп рассечен, но не разбит, — сказал он. — Я думаю, что он может пролежать без сознания много дней, но если за ним ухаживать и кормить его, то этот молодой и сильный человек будет жить. Если же его оставить одного в этом холоде, он умрет к утру; и, может быть лучше, если он умрет — И он взглянул на Мартина.

— Это было бы настоящим убийством, — ответил секретарь. — Пойдемте отнесем его к огню и вольем молока ему в горло. Мы еще можем его спасти. Поднимайте его за ноги, а я возьму за голову.

Аббат сделал это не особенно охотно, как показалось Мартину, — скорее как человек, у которого нет выбора.

Полчаса спустя, когда раны Кристофера были смазаны мазью и ему в горло было влито молоко которое он проглотил, хотя и был без чувств, аббат, глядя на него, сказал Мартину:

— Ты отдал приказания насчет похорон Харфлита, не так ли?

Монах кивнул.

— А ты сказал кому-нибудь, что в настоящее время ему могила не нужна?

— Никому, кроме вас.

Аббат некоторое время раздумывал, потирая бритый подбородок.

— Я думаю, что похороны должны состояться, — сказал он вскоре. — Не пугайся, я не собираюсь хоронить его живым. Но в коровнике лежит еще один мертвец — Эндрью Вудс, мой слуга, шотландский солдат, убитый

Харфлитом У него здесь нет друзей, и никто не потребует его тела, а они примерно одного роста и объема Завернутый в одеяло труп никто не распознает, а люди будут думать, что Эндрию похоронили вместе с остальными Пусть он хотя бы после смерти поднимется выше своего звания и займет могилу рыцаря

— С какой целью вы хотите сыграть такую безбожную шутку, тем более, что через день все разъяснится? — спросил Мартин, пристально глядя на него. — Ведь все увидят, что сэр Кристофер жив.

— С весьма благой целью, мой друг Пусть лучше все считают сэра Кристофера Харфлита мертвым, ибо, если узнают, что он жив, его могущественный родственник, живущий на юге, может навлечь на нас много неприятностей.

— Вы думаете? Если так, то, клянусь богом, я не стану в этом участвовать!

— Я сказал — считать мертвым Куда девалась сегодня твоя сообразительность? — раздраженно ответил аббат — Сэр Кристофер поедет с тобой в Испанию под именем больного брата Луиса, он, как и я, родом оттуда и хотел, как мы все знаем, вернуться домой, но слишком тяжело болен, чтобы осуществить это Ты будешь ухаживать за Харфлитом, и на корабле он или умрет или выздоровеет, в зависимости от божьей воли Если он выздоровеет, то наше братство окажет ему в Севилье гостеприимство, несмотря на его преступления, а к тому времени, когда он опять вернется в Англию, что будет не скоро, люди забудут эту нашу схватку, переживая надвигающиеся более грандиозные события. Никто ему не повредит, поскольку леди, на которой он якобы женился, без сомнения умерла Кстати, пусть он узнает об этом от тебя, если вновь обретет сознание.

— Странная игра, — пробормотал Мартин

— Странная или нет, это моя игра, и я ее должен сыграть. Поэтому не задавай вопросов, а подчиняйся и дай клятву молчать, — холодно и жестко ответил аббат — Крытые носилки, принесенные сюда для раненых, находятся в соседней комнате. Закутаем этого человека в одеяла и в монашескую рясу и положим его на них. Потом пусть братья, умеющие не задавать вопросов, отнесут его в Блосхолм, как одного из мертвецов, а перед рассветом, если он все еще будет жив, на корабль «Боль-

шой Ярмут» Корабль будет стоять у причала в полумиле от ворот аббатства Торопись и помоги мне. Я догоню тебя с письмами и прослежу, чтобы тебе выдали все нужные вещи из нашей кладовой. Я еще должен поговорить с капитаном прежде чем он поднимет якорь. Не трать больше времени на разговоры, а подчиняйся и храни все в тайне.

— Я подчиняюсь и сохраню все в тайне, как велит мне долг, — ответил брат Мартин, смиренно поклонившись. — Но чем кончится все это дело, знают только бог и его ангелы. Повторяю — мне оно не нравится.

— Очень опасный человек, — пробормотал аббат, глядя вслед Мартину — Ему тоже следует побыть в Испании. И подольше Я позабочусь об этом!

Глава VI

ПРОКЛЯТЬЕ ЭМЛИН

На следующее утро после сожжения Тауэрс, как раз перед самым рассветом, труп небрежно завернутый в саван, был перенесен из деревни на Крануэлское кладбище, где была вырыта неглубокая могила — его последний приют.

— Кого мы так спешно хороним? — спросил высоченный Томас Болл, один в темноте вырывший могилу, так как велено было сделать это срочно, а перепуганный суматохой могильщик убежал.

— Злодея этого, сэра Кристофера Харфлита, нанесшего нам такие потери, — сказал старый монах, ему приказали совершить обряд погребения, так как священник, отец Нектон, тоже уехал, боясь мести аббата за свое участие в бракосочетании Сайсели — Печальная история, очень печальная история. Ночью они венчались и ночью же погребены: она — в пламени, он — в земле. Поистине, о господи, неисповедимы пути твои, и горе тому, кто подымает руку против твоих помазанников!

— Верно, что неисповедимы, — ответил Болл. Стоя в могиле, он взял труп за голову и положил его между своими широко расставленными ногами. — Настолько неисповедимы, что простой человек задумывается, — как будет неисповедимый конец всего этого и почему

этот благородный молодой рыцарь стал исповедным образом намного легче, чем был. Наверное, из-за всех постигших его бед и голодухи в сожженном Тауэрсе. Почему не положить его в склеп вместе с предками? Это бы избавило меня от работы в обществе привидений, часто посещающих это место. Что вы говорите, отец? Потому что плита замурована, а вход заложен кирпичами и не найти каменщика? Тогда почему бы не подождать, пока он не найдется? Да, исповедно, поистине исповедно! Но как я осмеливаюсь задавать вопросы? Если милорд аббат приказывает, монах повинует, ибо у настоятеля нашего пути тоже исповедны.

— Теперь все в порядке — лежит прямо на спине, ногами на восток, по крайней мере, я так думаю, потому что в темноте я не мог как следует разобраться, и вся исповедная история исповедно заканчивается. Дайте-ка мне вашу руку, чтобы выбраться из ямы, отец, и читайте скорее молитвы над грешным телом этого безбожного парня, осмелившегося жениться на любимой девушке и освободить от уз плоти души нескольких святых монахов или, вернее, нанятых ими головорезов (монахи-то ведь не дерутся), за то, что они хотели разлучить тех, кого сочетал бог — то есть, я хочу сказать, дьявол, и присоединить их доходы к поместьям матери церкви.

Затем старый священник, дрожавший от холода и мало что разбиравший в путаной речи Болла, начал бормотать заупокойные молитвы, пропуская все, что не помнил наизусть. Так еще одно зерно было посажено на поле смерти и бессмертия, хотя, когда и где оно прорастет и что оно принесет, монах не знал и не стремился узнать: ему хотелось только поскорее убежать обратно от всех этих страхов и схваток назад, в свою привычную келью.

Все было кончено. Монах и носильщики ушли, прорываясь сквозь резкий сырой ветер и предоставив Томасу Боллу зарывать могилу, что он усердно делал до тех пор, пока они не скрылись из вида или, вернее, пока их уже не было слышно.

Когда они ушли, он спустился в яму как бы для того, чтобы утоптать рыхлую почву, и там, защищенный от ветра, уселся на ноги трупа и, раздумывая, стал отдыхать.

— Сэр Кристофер мертв, — пробормотал он сам себе. Когда я был мальчишкой, я знал его деда, а мой дед говорил мне, что знал его деда, а что его дед знал прадеда его деда — и так было триста лет сряду, а теперь я сижу на оцепеневших пальцах последнего из них, зарубленного подобно бешеному быку, в своем собственном дворе испанским священником и его наемниками, чтобы захватить богатства его жены. О! да, это неисповедимо, воистину неисповедимо; и леди Сайсели мертва, сожженная, как обыкновенная ведьма. И Эмлин мертва — Эмлин, которую я столько раз обнимал на этом самом кладбище до того, как они силой заставили ее выйти замуж за старого жирного управляющего, а из меня сделали монаха.

Но мне она дала свой первый поцелуй, и — святые угодники! — как она проклинала старого Стауэра, возвращаясь по той вон тропинке! Я стоял там, за деревом, и слышал ее. Она сказала, что будет плясать на его могиле и плясала, я видел, как она это делала при лунном свете на следующую же ночь после того, как его похоронили; одетая в белое, она танцевала на его могиле. Да, Эмлин всегда выполняла свои обещания. Это у нее в крови. Мать ее была цыганской ведьмой, иначе она никогда не вышла бы замуж за испанца, — ведь все мужчины ее племени влюблены были в ее прекрасные глаза. Эмлин тоже ведьма или была ведьмой; ведь говорят, что она умерла, но мне как-то не верится — не из тех она, кто так просто умирает. Все же она, пожалуй, умерла, и для спасения моей души это к лучшему. О несчастный человек! О чем ты думаешь? Отыди от меня, сатана, если найдешь, куда отойти. Могила для тебя не место, сатана, но я хотел бы, чтобы ты сейчас находилась со мной, Эмлин. Ты, должно быть, была ведьма, потому что после тебя мне никогда не нравилась никакая другая женщина, а это противоестественно, — ведь на безрыбье и рак — рыба. Ясно — ведьма, и самая вредная, но, моя любимая, ведьма ты или нет, я хотел бы, чтобы ты была жива, и ради тебя я сломаю шею этому аббату, даже если погублю свою душу. О Эмлин, моя любимая, моя любимая! Помнишь, как мы целовались в рощице у реки? Разве может какая-нибудь женщина любить так, как ты?

И он продолжал стонать, раскачиваясь взад и вперед на ногах трупа, пока, наконец, алый яркий луч вос-

ходящего солнца не забрался в темную яму, осветив прежде всего полусгнивший череп, не замеченный Боллом в разрыхленной земле. Болл поднялся и выкинул его оттуда со словами, которые неуместны на устах монаха, но ведь и мысли, которым он только что предавался, тоже не должны были возникать в его голове. Затем он принялся за дело, задуманное им в те мгновения, когда он отвлекался от своих любовных мечтаний — в некотором роде темное дело.

Вытащив нож из ножен, он разрезал грубые швы савана и онемевшими руками стащил его с головы труп.

Солнце скрылось за тучей, и, чтобы не терять времени, он начал ощупывать лицо трупа.

— У сэра Кристофера нос не был перебит, — бормотал он про себя, — если только это не произошло в последней схватке; но тогда кости не могли бы еще срастись, а тут кость крепкая. Нет, нет, у него был очень красивый нос.

Солнечный луч появился снова, и Томас, взглядевшись в мертвое лицо, разразился вдруг хриплым смехом.

— Именем всех святых! Вот еще один фокус нашего испанца. Это пьяница Эндрью — шотландец, превратившийся в мертвого английского рыцаря. Кристофер убил его, а теперь он стал Кристофером. Но где же сам Кристофер?

Он немного подумал, потом, выскочив из могилы, начал торопливо ее зарывать.

— Ты Кристофер, — сказал он, — хорошо, оставайся Кристофером, пока я не смогу доказать, что ты Эндрью. Прощай, сэр Эндрью-Кристофер, я пойду искать тех, кто получше тебя. Если ты мертв, то мертвые, может быть, живы. После этого и Эмлин, возможно, не померла. О, нынче дьявол разыгрывает веселые шутки вокруг Крануэл Тауэrsa, и Томас Болл хочет принять в них участие.

Он был прав. Дьявол разыгрывал веселую шутку. По крайней мере, так думал не один только Томас. Например, те же мысли приходили в голову заблуждавшегося, но честного фанатика Мартина, когда он смотрел на все еще бесчувственное тело сэра Кристофера, названного братом Луисом и благополучно доставленного на борт «Большого Ярмута», теперь, мертвый или живой — Мар-

тин и сам не знал этого, — Кристофер лежал в маленькой каюте, предназначенной для них двоих.

Глядя на него и качая своей лысой головой, Мартин чуть ли не ощущал в этой тесной каюте запах серы, который, как он хорошо знал, был любимым запахом дьявола.

Сам капитан, косоглазый, угрюмый моряк, хорошо известный в Данвиче, где его прозвали Загребушим Ханжой за пылкое стремление приобретать, где только можно, деньги и искусно прятать их, казалось, ощущал нечистое влияние его величества сатаны. Плавание до сих пор было неудачно: отъезд задержался на шесть недель, то есть до самого плохого времени года, — пришлось ожидать каких-то таинственных писем и груза, который его хозяева велели ему везти в Севилью. Затем он вышел из реки с попутным ветром только для того, чтобы его вернула назад ужасающая буря, чуть не потопившая корабль.

Кроме того, шестеро его лучших людей сбежали, боясь путешествия в Испанию в такое время года, и он был вынужден взять наудачу других. Среди них был чернобородый широкоплечий парень, одетый в кожаную куртку; на каблуках у него были шпоры, притом окровавленные, — видимо, он не успел их снять. Этот столь яростно гнавший своего коня всадник добрался до корабля на лодке, когда якорь был уже поднят и, бросив лодку на произвол судьбы, предложил хорошие деньги за проезд в Испанию или в любой другой иностранный порт и немедленно расплатился наличными. Загребуший взял деньги, хотя и с сомнением в душе, и выдал квитанцию на имя Чарльза Смита, не задавая вопросов, так как за это золото ему не надо было отчитываться перед хозяевами. Впоследствии этот человек, сняв шпоры и солдатскую куртку, принялся работать вместе с командой, — кое-кто из матросов, казалось, знал его, а во время случившейся потом бури он показал себя человеком сильным и полезным, хотя и не опытным моряком.

Все же этот Чарльз Смит и его окровавленные шпоры вызывали у капитана недоверие, и, если бы у него хватало рабочих рук и он не взял с негодая солидные деньги, он бы с удовольствием высадил его на берег, когда они опять вошли в реку, особенно теперь, когда он услышал,

что в Блосхолме было совершено убийство, что сэр Джон Фотрел лежит убитый в лесу. Может быть, этот Чарльз Смит и убил его. Ну что ж, даже если так, это ведь не его дело, а он не мог пренебречь рабочими руками.

Теперь же, когда, наконец, погода установилась, в самый момент подъема якоря является вдруг блосхолмский настоятель, чье распоряжение и заставило его задержаться, с каким-то худолицым монахом и другим пассажиром, — по словам аббата, то был больной из его братии, — завернутым в одеяла и, по всей видимости, бездыханным.

Почему, — удивлялся проницательный Загребуший Ханжа, — больной монах носит кольчугу? Ведь он нашупал ее сквозь одеяло, когда помогал поднять больного по лестнице, хотя, правда, сапоги на ногах у этого человека были монашеские. И почему голова монаха была обвязана окровавленным полотном? — как он заметил, когда покрывало на минуту соскользнуло.

Но когда он осмелился спросить аббата, что означает это таинственное обстоятельство, его милость, как раз отсчитывавший плату за проезд, дал ему весьма резкий ответ.

— Вам ведь приказано во всем мне подчиняться, капитан, и подчинение вряд ли совместимо с вмешательством в мои дела. Еще слово — и я сообщу о вас некоторым лицам в Испании, умеющим обращаться с интриганами. Если вы хотите снова увидеть Данвич, то придержите язык.

— Прошу прощения, милорд аббат, — сказал Загребуший, — но на корабле творятся такие дела, что мне становится страшно. Не может плаванье быть удачным, если дважды поднимают якорь в одном и том же порту.

— Вы не улучшите положения, капитан, вынюхивая мои дела и дела церкви. Или вы хотите, чтобы я наложил на вас ее проклятье?

— Нет, ваша милость, наоборот, я хочу, чтобы вы сняли проклятие, — ответил Загребуший Ханжа, который был крайне суеверен. — Сделайте это, и я повезу дюжину больных священников в Испанию, даже если им нравится посить кольчугу для умерщвления плоти.

Аббат улыбнулся и затем подняв руку, произнес какие-то слова по-латыни, и так как Загребуший их не понял, то счел весьма благотворными. Как раз когда они

слетали с губ настоятеля, «Большой Ярмут» начал двигаться, так как моряки поднимали якорь.

— Я не стану сопровождать вас в этом плавании, а потому прощайте, — сказал аббат — Святые будут с вами, как и мои молитвы. Поскольку вы не пойдете через Гибралтарский пролив, где, я слышал, скрывается много язычников-пиратов, при хорошей погоде ваше путешествие окончится вполне благополучно. Еще раз прощайте. Я поручаю вашему попечению брата Мартина и нашего больного друга и потребую отчета о них, когда мы встретимся снова

«Надеюсь, это случится не здесь, по сю сторону ада не нравится мне этот испанский аббат и его пассажиры, мертвые или живые», — думал про себя Загребуший, когда он с поклоном провожал его из каюты.

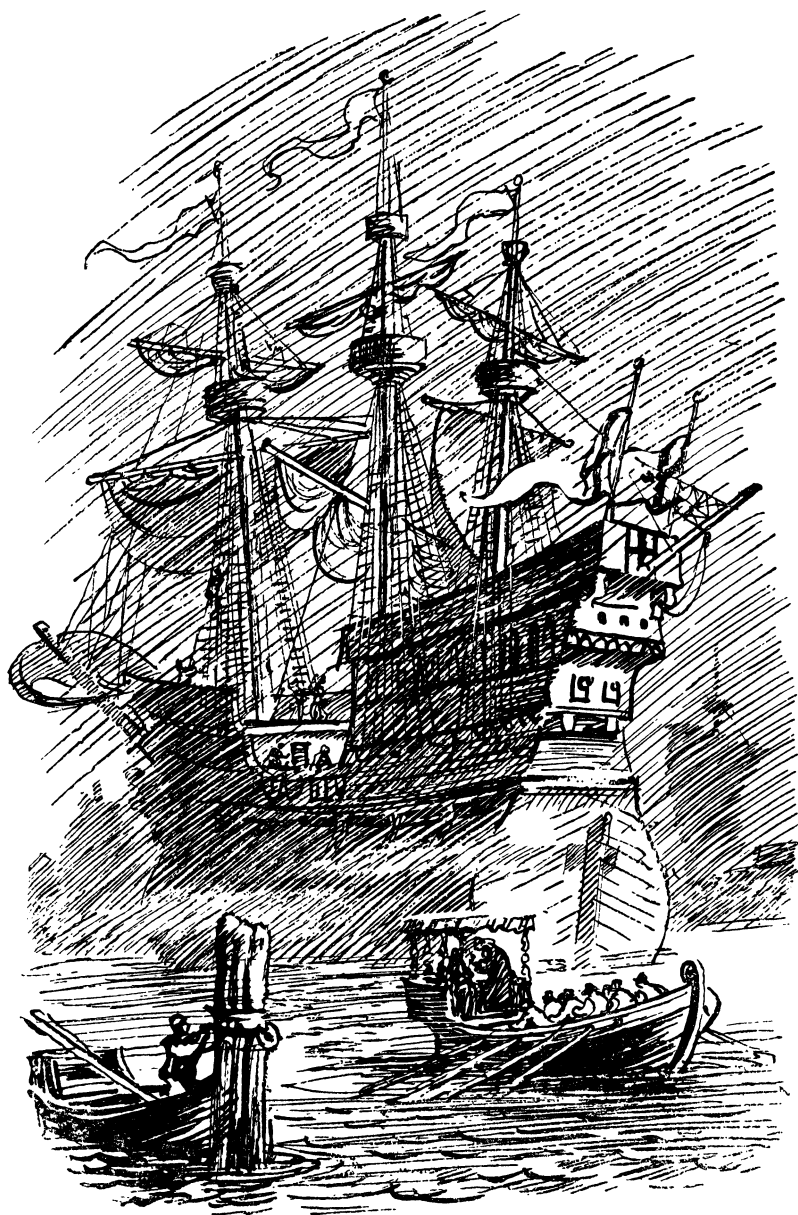
Минутой позже аббат, торопливо и озабоченно сказав Мартину несколько слов, начал спускаться по трапу в лодку, где на веслах сидели его люди, медленно ведя ее в уровень с кораблем. Спускаясь, он оглянулся и в липком утреннем тумане, почти таком же плотном, как шерсть, увидел лицо человека, которому было приказано держать лестницу, и узнал в нем Джеффри Стоукса, спасшегося бегством во время убийства сэра Джона, — спасшегося бегством с проклятыми бумагами, стоившими жизни его хозяину Да, это Джеффри Стоукс, никто иной. Аббат намеревался что-то сказать, но, прежде чем одно слово слетело с его губ, произошел несчастный случай.

Аббату показалось, что будто весь корабль яростно ударил его сзади, так яростно, что он полетел головой вперед, упал в лодку между гребцами и лежал там, будучи не в силах пошевелиться и вздохнуть.

— Что случилось? — спросил капитан, услышав шум.

— Аббат поскользнулся или трап соскользнул, уж не знаю, что там произошло, — ответил Джеффри сердито, уставившись на носок своего морского сапога — Во всяком случае он теперь в лодке, в полной безопасности. — Повернувшись, он прошел к носовой части судна и исчез в тумане, бормоча себе под нос:

— Очень хороший удар, хотя немного высоковато. Но я хотел бы, чтобы он соскользнул с лестницы, предназначенной для другой цели. Этот мерзкий убийца хорошо бы выглядел с веревкой на шее. Не решился я на большее, хотя и это помогло заткнуть его лживую глотку,

прежде чем он меня выдал. О, мой бедный хозяин, мой бедный старый хозяин!

Тяжко страдая от ушибов и ссадин, чувствуя себя очень плохо, через час с небольшим аббат Мэлдон вернулся к развалинам Крануэл Тауэрса. Могло показаться странным, что он направился туда, но, сказать правду, его смятенное сердце не давало ему покоя. Все планы настоятеля до сих пор осуществлялись великолепно. Сэр Джон Фотрел был мертв — конечно, это преступление, но преступление необходимое, так как если бы рыцарь остался жив и приехал в Лондон с документами в кармане, аббату пришлось бы поплатиться своей собственной жизнью и жизнью многих других, ибо кто знает, какие истины могут быть вырваны у жертвы, пытаемой на дыбе? Мэлдон всегда боялся дыбы; этот кошмар преследовал его по ночам, хотя честолобивое коварство его натуры и дело, которому он служил душой и сердцем, постоянно подвергали аббата опасности изведать подобную участь.

В момент, когда он не был настороже, когда у него от вина развязался язык, он отдал себя во власть сэра Джона Фотрела, надеясь привлечь его на сторону Испании, а потом, забыв об этом, сделал его своим самым злейшим врагом. Этот враг должен был погибнуть, ибо, если бы он остался в живых, не только сам аббат мог погибнуть, но рухнули бы и все планы о восстании церкви против короны. Да, да, это было законно, и ему наверняка простят в случае, если правда обнаружится. До сегодняшнего утра он надеялся, что ее никто не узнает, но теперь выяснилось, что Джеффри Стоукс бежал на корабле «Большой Ярмут»

О, если бы только он увидел его минутой раньше; если бы только что-то — а может быть, это был сам нечестивый негодяй Джеффри? — что-то не ударило его так сильно в спину и не швырнуло в лодку, где он лежал почти без сознания, пока судно уплывало от них вниз по реке. Итак, оно ушло, и с ним Джеффри. Но в конце-то концов он был всего лишь простым слугой, и даже если ему что-нибудь известно, у него никогда не хватит ума воспользоваться своим знанием, хотя, правда, он оказался достаточно умным, чтобы бежать из Англии.

На теле сэра Джона не нашли никаких бумаг. Без сомнения, старый рыцарь успел передать их Джеффри, по-

кинувшему теперь королевство в одежде моряка О! какой злой случай привел его на борт одного и того же судна с сэром Кристофером Харфлитом!

Да, сэр Кристофер Харфлит, возможно, умер бы; если бы брат Мартин не был таким дураком, он наверняка бы умер; но факт оставался фактом, — этот монах, вообще способный, в таких делах был дураком, его совесть в данных обстоятельствах становилась помехой. Если Кристофера можно будет спасти, то Мартин спасет его, как он уже спас его в коровнике, даже если и передаст его потом в руки инквизиции.¹ Все же умереть он еще может, несмотря на уход, судно тоже может погибнуть, особенно в такое время года, о чем следует пламенно молиться. Нужно также при первой okazji отправить в Испанию кое-какие письма, благодаря которым действия брата Мартина и сэра Кристофера Харфлита, если он выживет и попадет туда, встретятся со всевозможными препятствиями.

Тем временем, размышлял Мэлдон, и в других отношениях все шло не так, как нужно бы. Он хотел объявить себя опекуном Сайсели и заточить ее в монастырь, чтобы овладеть ее огромными землями, необходимыми ему для святого дела, но он не желал ее смерти. Право, он любил эту девушку, зная ее с детства, и ее невинная кровь легла тяжелым грузом на его душу, ведь в глубине сердца он никогда не стремился к кровопролитию. Все же не он, а само небо умертвило ее, и теперь этого нельзя было исправить. А раз она мертва, ее наследство, думал он, перейдет к нему в руки без дальнейших неприятностей, ибо у него — аббата с правами епископа, занимающего место в палате лордов — были люди в Лондоне, которые за плату могли замять расследование этого темного дела.

Нет, нет, он не должен быть мягкосердечным. Потому что, в конце концов, он достиг многого, за что нужно быть благодарным. Дело их продолжается — великое дело церкви, которой угрожают и которой он посвятил свою жизнь. Генрих — еретик — падет Испанский импе-

¹ Инквизиция — судебно-полицейское учреждение католической церкви, созданное в XIII веке для борьбы с так называемыми еретиками; применяла к своим жертвам жесточайшие пытки, сжигала их на кострах. Сильнее всего инквизиция свирепствовала в Испании.

ратор — он любит аббата, своего шпиона — вторгнется и захватит Англию. И Мэлдон еще доживет до того дня, когда святая инквизиция начнет работать в Вестминстере,¹ а он сам — да, он сам — разве ему на это не намекнули? — сядет в долгожданной кардинальской красной шапке² на престол архиепископа Кентерберийского,³ а затем — о великая мечта! — затем, может быть, окажется и в Риме с тройной папской тиарой⁴ на голове!

Шел сильный дождь, когда аббат в сопровождении двух монахов и полдюжины оруженосцев подъехал к Крануэлу. Дом превратился в кучу дымящегося пепла, обуглившихся балок и обожженной глины, и среди них сквозь дождь, превращавшийся в облака пара, чуть виднелась угрюмая старая Нормандская башня, языки пламени напрасно лизали ее каменные стены.

— Зачем мы пришли сюда? — спросил один из монахов, с трепетом глядя на эту ужасную картину.

— Чтобы найти тела леди Сайсели и ее служанки и предать их земле по христианскому обряду, — ответил аббат.

— После того как их убили самым нехристианским способом, — пробормотал про себя монах, затем добавил вслух. — Вы всегда были милосердны, милорд аббат, и хотя она не послушалась вас, с благородной леди нельзя поступить иначе. А кормилица Эмлин была ведьмой и кончила тем, чего заслуживала, если, конечно, она действительно умерла.

— Что ты хочешь сказать? — резко спросил аббат.

— Я хочу сказать, что раз она была ведьмой, то огонь мог и не тронуть ее.

— Дал бы тогда господь, чтобы он не тронул и ее хозяйки. Но этого не может быть. Только дьявол мог выжить в пекле этой печи. Посмотрите, даже башня выжжена.

— Да, этого не может быть, — ответил монах, — по-

¹ Вестминстер — часть Лондона, в которой расположены парламент и другие правительственные учреждения.

² Красная шапка — головной убор кардинала.

³ Епископ Кентерберийский — сначала глава католической церкви в Англии, а после реформации — высший (после короля) сановник англиканской церкви. Его резиденцией является город Кентербери в юго-восточной Англии.

⁴ Тиара — трехглавая корона папы римского.

этому, раз мы их никогда не найдем, давайте отслужим погребальную службу над этой огромной мрачной могилой и уйдем — чем скорее, тем лучше, потому что в этом месте наверно гнездятся привидения.

— Сперва мы должны разыскать их кости, там, под этой башней; на ней мы их видели в последний раз, — ответил аббат, добавив тихо. — Помни, брат, у леди Сайсели были драгоценные украшения, составляющие часть ее наследства; если они были завернуты в кожу, пламя могло пощадить их. В Шефтоне их не удалось найти. Значит, они здесь, но нельзя поручать поиски простому народу. Вот почему я поторопился прийти сюда сам. Понимаешь?

Монах кивнул головой. Сойдя с лошадей, они отдали их слугам и начали осматривать развалины, причем аббат опирался на руку своего подчиненного; он чувствовал сильную боль от удара, который Джефри нанес ему в спину своим матросским сапогом, и от синяков, полученных при падении в лодку.

Сначала они прошли под нетронутой огнем сторожевой башней у ворот и попали во двор, где их окутал удушливый дым тлеющего хлама, так что дальше они идти не могли. Следует помнить, что стены дома обрушились не внутрь его, а во двор. Здесь они обнаружили лежащее под трупом лошади тело одного из людей, убитых Кристофером в последней схватке, и велели его вынести.

Затем, оставив мертвеца под воротами, они в сопровождении своих людей обошли вокруг развалин, придерживаясь внутренней стороны рва, пока не дошли до маленького садика для прогулок с задней стороны дома.

— Посмотрите, — испуганно сказал монах, указывая на опаленные кусты, бывшие когда-то беседкой.

Аббат посмотрел туда, но сперва ничего не мог различить из-за клубов дыма. Вскоре дуновение ветра отогнало их в сторону, и там он увидел фигуры двух женщин, стоявших рука об руку. Его люди тоже увидели их и громко закричали, что это призраки Сайсели и Эмлин. Пока они кричали, эти фигуры, по-прежнему держась за руки, стали двигаться к ним, и они увидели, что это действительно были Сайсели и Эмлин, но живые и совершенно негримасные.

С минуту царило глубокое молчание; потом аббат спросил

— Откуда вы появились, мисс Сайсели?

— Из огня, — ответила она тихим невозмутимым голосом.

— Из огня! Как вы выжили в этом огне?

— Бог послал своего ангела, чтобы спасти нас, — ответила она так же тихо.

— Чудо, — пробормотал монах, — настоящее чудо!

— Или, может быть, колдовство Эмлин Стоуэр, — воскликнул один из стоявших позади, и Мэлдон вздрогнул при этих словах.

— Отведите меня к моему мужу, милорд аббат, чтобы его сердце не разбилось при мысли, что я мертва, — сказала Сайсели.

И опять наступила такая глубокая тишина, что можно было услышать стук каждой капли падающего дождя. Дважды аббат безуспешно пытался заговорить, но все же, наконец, произнес:

— Человек, которого ты называешь своим мужем, но который был не мужем твоим, а похитителем, погиб прошлой ночью в схватке, Сайсели Фотрел.

Она стояла с минуту неподвижно, как бы обдумывая его слова, потом сказала тем же неестественным голосом:

— Вы лжете, милорд аббат. Вы всегда были лжецом, как отец ваш дьявол. Хотя я видела, как Кристофер упал, он на самом деле жив — да, я знаю это и еще многое другое, — и она закрыла рукой глаза, словно для того, чтобы не видеть лица своего врага.

Теперь аббат задрожал от ужаса, — ведь он-то знал, что лжет, хотя никто из присутствовавших тогда и не подозревал об этом. Ему казалось, что его внезапно призвали на страшный суд, где все тайное должно стать явным.

— Злой дух вселился в тебя, — сказал он хрипло.

Она опустила руку, указывая на него:

— Нет, нет; я знала только одного злого духа, и вот он стоит передо мной.

— Сайсели, — продолжал он, — перестань богохульствовать! Увы! Я должен сказать тебе правду. Сэр Кристофер Харфлит мертв, и его похоронили на этом кладбище.

— Что! Благородного рыцаря зарыли так быстро,

даже не положив в гроб? Значит, вы похоронили его живым, и настанет день, когда он, живой, выступит против вас. Слушайте все мои слова. Кристофер Харфлит появится живой и невредимый и даст показания против этого дьявола в монашеской одежде, а потом, а потом. — тут она дико захохотала, затем вдруг упала и осталась лежать неподвижно.

Тогда красивая и смуглая от своей испанской или, может быть, цыганской крови, Эмлин, все время стоявшая молча, сложив руки на высокой груди, наклонилась и посмотрела на нее. Потом выпрямилась, и ее лицо казалось лицом прекрасного демона

— Она умерла! — воскликнула она. — Моя голубка умерла. Она, вскормленная моей грудью, знатнейшая леди всей нашей округи, владетельница Блосхолма, Крануэла и Шефтона, в чьих жилах текла кровь славных рыцарей и даже древних королей, умерла, убитая жалким иноземным монахом, умертвившим всего десять дней назад ее отца, там, у Королевского кургана — там, у заводи. О! стрела в его горле! Стрела в его горле! Я прокляла руки, выпустившие ее, и сегодня эти руки, посиневшие руки мертвеца, — уже в могиле. И так же я проклиная тебя, Мальдонадо, злодей-настоятель, рукоположенный самим сатаной, тебя и всю твою шайку палачей! — И она разразилась потоком испанских ругательств, которые аббат отлично понимал.

Но вот Эмлин остановилась и посмотрела назад, на тлеющие развалины.

— Этот дом сожгли! — воскликнула она. — Так запомни слова Эмлин. точно так же будет гореть твой дом, и твои монахи разбегутся, визжа, как крысы, из горящего стога. Ты присвоил чужую землю, — она будет отнята у тебя, и отняты будут твои собственные земли, все до последнего акра. Не останется даже клочка, чтобы зарыть тебя, потому что, монах, тебя и не придется хоронить. птицы обчистят твои кости, а на небо тебе суждено попасть только в их зобах. Убийца, если Кристофер Харфлит умер, он все же оживет, как поклялась его супруга, потому что его потомство восстанет против тебя. О! я забыла, как может это случиться, как может это случиться, раз и она умерла вместе с ним, а их брачное покрывало превратилось в саван, сотканный черными монахами? И все же так будет, так будет! Каким образом,

я не знаю, но потомство Кристофера Харфлита восстанет, оно будет хозяином там, где хозяйничали блосхолмские аббаты, и от отца к сыну станет передаваться повесть о последнем из них — испанце, устраивавшем заговоры против английского короля и погубившем себя самого.

Ярость Эмлин, как штормовой ветер, меняла направление. Забыв аббата, она повернулась к монаху, стоявшему рядом с ним, и прокляла его. Потом она прокляла наемных оруженосцев, находившихся тут же и отсутствовавших, — многих из них поименно, и, наконец — самое страшное преступление — она прокляла папу и короля Испании и призвала бога на небесах и Генриха Английского на земле отомстить за несправедливости, причиненные леди Сайсели, за убийство сэра Джона Фотрела и за убийство сэра Кристофера Харфлита, отомстить каждому из них в отдельности и всем вместе.

Таковыми яростными и страшными были ее неистовые речи, что все, кто их слышал, стояли оторопев. Аббат и монахи прижались друг к другу, солдаты крестились и бормотали молитвы, а один из них, подбежав к Эмлин, упал на колени и стал уверять ее, что он не принимал никакого участия в этом деле, потому что вернулся только накануне вечером из поездки и только утром был вызван сюда.

Эмлин, которая на мгновение смолкла, чтобы передохнуть, выслушав его, сказала

— Тогда я снимаю проклятие с тебя и твоих близких, Джон Эти. Теперь подними мою леди и отнеси ее в церковь, там она будет лежать, как подобает ее званию, хотя и без своих украшений, великолепных, бесценных украшений, из-за которых за ней охотились, как за кроликом. Ей придется лежать без своих драгоценностей, без жемчугов и диадемы, без колец, пояса и ожерелья из сверкающих жемчужин, стоившего гораздо больше, чем все эти жалкие земли; ожерелья, которое некогда носила жена султана. Они погибли, хотя, может быть, этот аббат нашел их. Сэр Джон Фотрел для сохранности повез их в Лондон, а добрый сэр Джон мертв, бродяги в лесу напали на него, и стрела, пущенная сзади, пронзила ему горло. Те, кто убил его, захватили эти драгоценности, и мертвая невеста должна лежать без них, украшенная лишь своей собственной красотой, данной ей

богом. Подними ее, Джон Эти, а вы, монахи, начинайте погребальное пение, мы пойдем в церковь. Невеста, лишь на днях стоявшая перед алтарем, теперь будет лежать перед ним, как последняя жертва богу от Клемента Мальдонадо. Сначала отец, потом муж, а теперь жена — милая, молодая жена!

Так бушевала она, и все, как громом пораженные, стояли перед ней, а Джон Эти поднимал Сайсели. И вдруг Сайсели, которую все считали умершей, открыла глаза, высвободилась из его рук и встала на ноги.

— Смотрите, — вскрикнула Эмлин, — разве я вам не говорила, что потомство Харфлита должно жить, чтобы отомстить всему вашему племени? Вот уже встала та, кто сохранит его семя. Где же мы теперь найдем убежище, пока вся Англия не узнает эту историю? Крануэл разрушен, хотя он поднимется снова, а Шефтон присвоен врагом. Где же нам укрыться?

— Оттащите прочь эту женщину, — сказал аббат хриплым голосом, — ее колдовство отравляет воздух. Посадите леди Сайсели на лошадь и отвезите ее в Блосхолмскую женскую обитель, где о ней позаботятся.

Люди, хотя и очень неуверенно, двинулись вперед, чтобы исполнить его приказание. Но Эмлин, услышав то, что он сказал, подбежала к аббату и прошептала ему что-то на ухо на чужом языке, он отшатнулся от нее и перекрестился.

— Я передумал, — сказал он слугам. — Миссис Эмлин напомнила мне, что вскормила леди своей грудью, заменяя ей мать. Пока они должны остаться вместе. Отведите их обеих в монастырь, где они будут жить, и за будьте слова этой женщины, потому что она сошла с ума от страха и горя и сама не понимала того, что говорила. Пусть бог и его святые простят ей, как прощаю я.

Глава VII

ПРЕДЛОЖЕНИЕ АББАТА

В Блосхолмской женской обители — длинном сером доме, расположенном под тенью холма и огороженном высокой стеной, — все было спокойно. За стеной при доме был также большой, довольно запущенный сад и

часовня — все еще красивая, хотя и начавшая разрушаться.

Когда-то Блосхолмский женский монастырь, построенный ранее аббатства, был богатым и знаменитым. Во времена Эдуарда I его основательница, некая леди Матильда из рода Плантагенетов,¹ удалившаяся от света после того, как ее муж был убит в крестовом походе, не имея детей, принесла в дар ему все свои земли. Другие знатные леди, сопровождавшие ее туда или искавшие там приюта в последующие времена, поступали таким же образом, поэтому монастырь стал могущественным и богатым, так что в момент наивысшего процветания в его стенах перебирали четки более двадцати монахинь.

Потом на противоположном холме выросло гордое аббатство, получившее королевскую грамоту, утвержденную папой, по которой Блосхолмский монастырь был присоединен к Блосхолмскому аббатству, и блосхолмский аббат стал духовным руководителем всех его монахинь. С этого времени богатство монастыря пошло на убыль, так как под тем или иным предлогом аббаты растаскивали по кусочкам его земли, чтобы расширять свои собственные владения.

Ко дню, когда начинается наша повесть, весь доход женской обители снизился до 130 фунтов в год на тогдашние деньги, и даже с этой суммы аббат взимал церковную десятину. Теперь в этом большом доме, когда-то густо населенном, жило всего шесть монахинь, одна из которых фактически была служанкой, а старый монах из аббатства служил мессу в красивой часовне, где лежали останки всех умерших до этого инокинь. В некоторые праздники служил сам аббат, исповедовал монахинь, отпуская им грехи, и давал свое святое благословение. В эти дни он просматривал счета обители и, если в ней имелись наличные деньги, брал часть из них для своих нужд, почему настоятельница и не очень радовалась его появлению.

Именно в этот древний и мирный дом, на утро после великого пожара, были препровождены обезумевшая Сайсели и ее служанка Эмлин. Сайсели и раньше уже

¹ Плантагенеты — династия английских королей, представители которой правили Англией с 1154 по 1399 год.

хорошо его знала, так как в течение трех лет, еще ребенком, она каждый день ходила сюда учиться у матери Матильды; каждая настоятельница принимала это имя в честь его основательницы и в соответствии с ее завещанием

Это были счастливые годы, потому что старые монахини любили ее, когда она была юной и невинной, и она тоже любила каждую из них. Теперь волею судьбы ее привезли обратно в ту же тихую комнату, где она играла и училась, — ее, молодую жену и молодую вдову

Но обо всем этом бедная Сайсели узнала лишь спустя три недели, когда, наконец, ее блуждающий ум прояснился и глаза опять увидели мир. В ту минуту при ней никого не было; лежа, оглянулась она вокруг себя. Место было ей знакомо. Она узнала глубокие окна, выцветшие гобелены, изображающие Авраама, ножом мясника разрезающего горло Исааку, и Иону, выскочившего из глотки гигантского карпа с выпученными глазами (модель для своего «кита» бесхитростный художник нашел в кастрюле) и очутившегося прямо у ворот своего замка, где его ждала семья. Да, она помнила эти забавные картины, помнила, как часто размышляла, сможет ли тяжело раненный Исаак выжить, сможет ли простершая руки жена Ионы выдержать внезапное потрясение, увидев мужа, выскочившего из чрева «кита».

Там был и великолепный камин из обтесанного камня, а над ним, в искусном обрамлении из золоченого дуба, сверкало много щитов с гербами, но без шлемов, потому что они принадлежали разным высокородным настоятельницам

Да, конечно, это была большая комната для гостей Блосхолмского монастыря, а так как теперь у монахинь бывало мало гостей, а комнат для их размещения было много, эта комната была отдана ей, наследнице сэра Джона Фотрела, в качестве классной. И там она лежала, думая, что опять стала ребенком, счастливым, беззаботным ребенком, или что, может быть, это ей снится, пока, наконец, не открылась дверь и не появилась мать Матильда, а следом за ней Эмлин с подносом, на котором стояла дымящаяся серебряная миска. Да, это была мать Матильда в черном монашеском платье и в белом платке, с серебряным распятием на груди, символом ее

должности и золотым кольцом с большим изумрудом, на котором было вырезано изображение святой Екатерины во время пытки на колесе. Это старинное кольцо с самого основания носила каждая настоятельница Блосхолма. Да и без того нельзя было не узнать мать Матильду; кто хоть раз ее видел, не мог забыть ласкового старческого благородного лица с красивыми губами, орлиным носом и живыми добрыми серыми глазами.

Сайсели попыталась подняться, чтоб поклониться, по обычаю детских лет, но тотчас поняла, что не в силах сделать это и, увы, опять тяжело упала на подушку. После этого Эмлин, с грохотом поставив поднос на стол, подбежала к Сайсели и, обвив ее руками, начала по своему обыкновению бранить ее, хотя и очень мягким голосом; а мать Матильда, опустившись на колени у кровати, возблагодарила Иисуса и всех его благословенных святых, хотя сначала Сайсели не поняла, за что она, собственно, благодарит его.

— Разве я больна, преподобная мать? — спросила она.

— Теперь уж нет, дочь моя, но ты была очень больна, — ответила настоятельница приятным тихим голосом. — Теперь мы думаем, что бог вылечил тебя.

— Сколько времени я здесь? — спросила она.

Настоятельница начала вспоминать, пересчитывая свои четки, отбрасывая по зерну на день — ибо в таких местах времени не замечают, — но задолго до того, как она кончила, Эмлин быстро ответила:

— Вчера вечером исполнилось три недели, как сгорел Крануэл Тауэрс.

Тогда Сайсели вспомнила и с горестным стоном отвернулась к стене, а настоятельница стала упрекать Эмлин, говоря, что она убила ее.

— Не думаю, — ответила няня тихим голосом. — Думаю, у нее есть то, что не даст ей умереть. — И этих слов настоятельница тогда не поняла.

Эмлин была права. Сайсели не умерла. Напротив, она стала здоровее телом, и ей стало лучше, хотя прошло много времени, прежде чем к ней вернулся рассудок. И действительно, она, как привидение, скользила по дому в своем черном траурном платье, ибо теперь она больше не сомневалась, что Кристофер умер и что она,

всего неделю побыв женой, теперь овдовела так же, как и осиротела.

В этом бескрайнем отчаянии к ней вернулся покой; свет пролился на мрак ее души, как луна в полночь над истомленным морем. Она больше не была одна, убитый Кристофер оставил ей свой образ. Если она выживет, она родит ему ребенка, и поэтому она, конечно, должна жить. Однажды вечером, на коленях во время молитвы, она шепотом сообщила о своей тайне настоятельнице Матильде, отчего старая монахиня зарделась, как девочка, однако, помолившись про себя, положила тонкую руку ей на голову в знак благословения.

— Лорд аббат заявляет, что твой брак не был законным, дочь моя, хотя почему, я не понимаю, раз мужем стал тот, кого выбрало твое сердце и ты была обвенчана с ним рукоположенным в духовный сан священником перед алтарем господа и в присутствии прихожан.

— Мне все равно, что он говорит, — упрямо ответила Сайсели. — Если я не законная жена, то, значит, никогда ни одна женщина не была законной.

— Дорогая дочь, — ответила мать Матильда, — не нам, неученым женщинам, оспаривать мудрость святого аббата, без сомнения вдохновенного свыше.

— Если он вдохновлен, то уж никак не свыше, мать. Разве бог и его святые повелели бы ему убить моего отца и моего мужа, чтобы захватить мое наследство или чтобы держать меня здесь в заключении — правда, не очень тяжком? Такое вдохновение свыше не приходит.

— Тише, тише! — сказала настоятельница, боязливо оглядываясь вокруг — Горе лишило тебя рассудка. Кроме того, у тебя нет доказательств. В этом мире столько для нас непонятных вещей. Раз он аббат, то не может поступать неправильно, хотя нам его поступки и могут казаться несправедливыми. Но давай больше не будем говорить об этом, я ведь узнала обо всем лишь от злоязычной твоей Эмлин, не побоявшейся, как мне сказали, проклясть его самым страшным проклятием. Я же собиралась сказать тебе, что каким бы ни был закон, я считаю твой брак истинным и законным, а его последствия, если они будут, чистыми и неопороченными, и каждую ночь буду молиться, чтобы на будущего твоего отпрыска сошло самое щедрое небесное благословение.

— Благодарю вас, дорогая матушка, — ответила Сайсели, вставая и уходя.

Когда она ушла, настоятельница тоже встала и в беспокойстве начала расхаживать взад и вперед по трапезной, где происходил этот разговор. Ее терзали сомнения: если все это не клевета (но не могло же оно все быть клеветой), — значит, аббат, которому она, англичанка, в глубине души всегда не доверяла, — этот смуглый ловкий испанский монах был не святой, а гнусный негодяй? Но как же мог рукоположенный аббат оказаться негодяем? Должно быть какое-то объяснение, только она почему-то не в состоянии его найти.

Вскоре новость распространилась по монастырю, и если сестры любили Сайсели и до этого, то теперь они полюбили ее вдвойне. Сомнениям относительно законности ее брака они, как и настоятельница, не придавали никакого значения, потому что разве он не был совершен в церкви? Но то, что в их монастыре должен был родиться ребенок — ах! это было радостным событием, событием, не случавшимся здесь уже две сотни лет, когда, — увы! (так говорили легенды и записи) — произошел ужасный скандал, о котором говорят только шепотом. Ибо — да будет это всем известно — их обитель (что бы там ни бывало в других) — одна из тех, о которых ничего худого сказать нельзя.

Одетые в черные платья, эти старые монахини все еще оставались такими же женщинами, как и их матери, выносившие их, и новость о ребенке взбудоражила их до глубины души. Между собой, в часы отдыха, они почти ни о чем другом не говорили, и даже их молитвы в большинстве своем были посвящены тому же самому. А бедная, слабоумная старая сестра Бриджет, на которую до сих пор смотрели сверху вниз, потому что она была единственная из семьи не благородного происхождения, теперь стала очень популярной. Потому что сестра Бриджет в молодости была замужем и родила двух детей; после того, как она овдовела, они оба умерли от оспы, и ее лицо осталось изрытым той же болезнью; оттого ли, что у нее не было надежды на другого мужа, как утверждали ее соседи, или потому, что ее сердце было разбито, как говорила она, но она приняла пострижение.

Теперь она назначила себя главным помощником Сайсели и, хотя эта леди была совершенно здорова и крепка, преследовала ее своими советами и ядовитыми микстурами собственного изготовления, пока Эмлин, налетев на старуху Бриджет, как буря, не выставила ее из комнаты и не выбросила все лекарства через окно.

В том, что сестры так заинтересовались столь незначительным вопросом, в самом деле не было ничего удивительного, надо представить себе, что если они и до этого вели жизнь отшельниц, то, с тех пор как среди них появилась леди Сайсели, эта жизнь стала еще в десять раз более замкнутой. Вскоре они узнали, что она и ее служанка, Эмлин Стоуэр, фактически находились здесь в заключении, а это означало, что и они, ее хозяйева, тоже были заключенными. Никому не разрешалось входить в монастырь, кроме молчаливого монаха, исповедовавшего их и служившего мессу, и по приказанию аббата, сестрам не разрешали выходить за пределы монастыря по какому бы то ни было поводу.

Так как единственным для них средством общения с теми, кто жил за стенами обители, был угрюмый глухой садовник, назначенный на эту должность, чтобы шпионить за ними, до них доходило извне очень немного новостей. Они были почти что умершими для мира, который, хотя они этого и не знали, как раз тогда был занят вопросами, близко касающимися всех церковных учреждений, в том числе и их монастыря.

Наконец однажды, когда Сайсели и Эмлин сидели в саду под цветущим деревом боярышника, ибо теперь наступила теплая июньская погода, к ним вдруг торопливо подошла сестра Бриджет с известием, что блосхолмский аббат желает их видеть. От этого Сайсели почувствовала себя худо, а Эмлин выругала Бриджет, спрашивая, не покинули ли ее остатки ума, если она считает это имя настолько приятным для ее хозяйки, что выкрикнула его ей прямо в уши.

Бедная старушка, не отличавшаяся умом и страшно боявшаяся Эмлин, после того как та выбросила в окно ее лекарства, начала всхлипывать, уверяя, что не хотела сделать ничего плохого. Но Сайсели, очнувшись, успокоила ее и отослала обратно — передать Гарду настоятелю, что сейчас она к нему явится.

— Ты боишься его, госпожа? — спросила Эмлин, когда они собрались идти.

— Побаиваюсь, няня. Он вел себя как человек, которого надо бояться, — не правда ли? Мой отец и мой муж попали в его сети, и разве он пощадит последнюю рыбу в своем пруде — очень тесном пруде? — И она взглянула на высокие стены вокруг нее. — Я боюсь, чтобы он нас с тобой не разлучил, и удивляюсь, как он этого еще не сделал.

— Дело в том, что мой отец был испанцем, и от него я знаю вещи, которые могут погубить аббата вместе с его друзьями — папой и императором. Кроме того, он верит, что у меня дурной глаз, и боится моего проклятия. Все же когда-нибудь он может попытаться умертвить меня, — кто знает? Но тогда я унесу с собой тайну драгоценностей, потому что это лишь моя тайна; даже не твоя, — ведь, если бы ты ее знала, они бы вытянули ее из тебя. Он захочет сделать тебя монахиней, но ты отвергни это, только без резкости. Скажи, что ты думаешь об этом после рождения ребенка. До тех пор он ничего не сможет сделать, а если последние новости матери Матильды верны, к тому времени, может быть, в Англии не будет больше монахинь.

В старый приемный зал, которым пользовались только когда приезжали гости или в других торжественных случаях, они вошли через боковую дверь совсем тихо и потому сразу же близко от себя увидели сидящего в кресле аббата, перед ним стояла настоятельница и отдавала отчет в своих расходах.

— Можете вы без него обходиться или нет, — услышали они его резкий голос, — но я должен получать ваш полугодовой доход. Времена сейчас плохие; нам, слугам бога, угрожает король-прелюбодей и его гордые министры, поклявшиеся ободрать нас до нитки и довести до голодной смерти. Я только что из Лондона и, хотя нашему врагу, Анне Болейн,¹ отрубили ее капризную голову, говорю вам, — опасность велика. Нужны деньги, чтобы поднять восстание, ибо без них вооружаться нель-

¹ Анне Болейн отрубили голову — В 1536 году вторая жена Генриха VIII, Анна Болейн, была казнена по обвинению в измене королю. На следующий день после казни Генрих VIII женился на ее фрейлине — Джен Сеймур.

зя, а из Испании поступают гроши. Я договорился продать земли Фотрелов за ту цену, какую дадут, но до сих пор не могу предъявить на них документы. Или эта упрямая девчонка должна дать расписку в передаче мне прав или постричься, иначе, пока она жива, какой-нибудь юрист или родственник сможет опротестовать продажу. Но готова ли она дать первые обеты? Если нет, я буду считать, что в этом большая доля вашей вины.

— Нет, — ответила настоятельница, — на это есть причины. Вы уезжали и не слышали, — она поколебалась и, нервно оглянувшись, увидела Сайсели и Эмлин, стоящих позади нее. — Что ты здесь делаешь, дочь моя? — спросила она с такой строгостью, какой еще никогда не проявляла

— Право, не знаю, матушка, — ответила Сайсели. — Сестра Бриджет сказала нам, что лорд аббат желал нас видеть.

— Я же велела ей сказать, чтобы вы ждали его в моей комнате, — сказала настоятельница раздраженным голосом

— Ну, — прервал аббат, — похоже, что ваша посланная просто дура; если это та изрытая оспой ведьма, то у нее не осталось мозгов уже много лет назад. Опеканная Сайсели, здравствуй. После горестей, постигших тебя, о которых, с твоего разрешения, мы не будем говорить, потому что бесполезно тревожить подобные воспоминания, я надеялся, что ты сменишь свою мирскую одежду на лучшую, и очень жалею, что это не так. Но, перед тем как ты вошла, святая мать говорила о каком-то препятствии, стоящем между тобой и господом. Что это? Может, мой совет поможет тебе? Надеюсь, не эта женщина сбивает тебя с толку, — и он хмуро взглянул в сторону Эмлин, которая тотчас же спокойно ответила

— Нет, милорд аббат, я не стою между ней и господом с его святыней; я защищаю ее от человека и его несправедливости. Все же, если желаете, могу сказать вам об этом препятствии — оно послано самим богом

Тут старая настоятельница, покраснев до корней седых волос, наклонилась вперед и прошептала на ухо аббату слова, от которых он вскочил, как будто его ужалила оса.

— Порази его чума! Не может быть, — сказал он. — Что ж, если так, придется проглотить и эту пилюлю. Жаль, впрочем, что так случилось, — добавил он с усмешкой на смуглом лице. — Много лет прошло с тех пор, как в этих стенах родился внебрачный ребенок, а теперь дело обстоит так, что это может расшатать их и наделать вам бед.

— Я знаю, что такое потомство опасно, — прервала Эмлин, глядя Мэлдону прямо в глаза — Мой отец говорил мне об одном молодом монахе в Испании, — я забыла его имя, — из-за которого некие дамы по такому же поводу были подвергнуты пытке. Но кто смеет говорить о незаконности ребенка госпожи Сайсели Харфлит, вдовы сэра Кристофера Харфлита, убитого блосхолмским аббатом?

— Молчи, женщина! Где нет законного брака, там не может быть законного ребенка...

— Который смог бы получить законно унаследованное имущество. Скажите, милорд аббат, разве сэр Кристофер тоже сделал вас своим наследником?

Тогда, не дав ему ответить, Сайсели, молчавшая все это время, вдруг заговорила:

— Осыпайте меня какими вам угодно оскорблениями. Милорд аббат, вы отняли у меня отца, мужа, сердце вырвали мне из груди, отнимите у меня также и мое богатство, если сможете. Мне это все равно. Но не клеветайте на моего ребенка, если он у меня родится, и не смейте затрагивать его права. Не думайте, что вы сможете сломить мать так же, как сломили девушку: перед вами окажется разъяренная волчица.

Он смотрел на нее, да и все смотрели на нее, потому что в глазах Сайсели было что-то, заставившее их отвести взгляд. Клемент Мэлдон, знавший жизнь и понимавший, как волчицы могут бороться за своих волчат, прочел в них предостережение, заставившее его изменить тон.

— Ну, ну, дочь моя, — сказал он, — какой смысл говорить попусту о ребенке, которого нет и, может, никогда не будет? Когда он родится, я его окрещу, и мы поговорим

— Когда он родится, вы не коснетесь его и пальцем. Я бы предпочла, чтобы он лучше сошел в могилу некрещеным, чем отмеченным вашим кровавым крестом.

Он махнул рукой.

— Есть другой вопрос или скорее два, о которых я должен поговорить с тобой, дочь моя. Когда ты дашь свои первые обеты?

— Мы поговорим об этом после того, как родится мой ребенок. Это дитя греха, вы говорите, а я, неисправимая, безнравственная женщина, не готова для того, чтобы дать святой обет, и вы не можете меня к нему принудить, — ответила она с горькой насмешкой.

Опять он махнул рукой, потому что волчица показала зубы.

— Вторым вопросом, — продолжал он, — заключается в том, что мне нужна ваша подпись под документом. Это всего лишь формальный документ, и, я боюсь, вы не сможете его прочесть, как и я, по правде сказать. — И с какой-то лицемерной улыбкой он вытащил неразборчивый документ и развернул его перед ней на столе.

— Что? — засмеялась она, отшвыривая пергамент в сторону — Вы забыли, что вчера я стала совершеннолетней и поэтому не нахожусь больше под вашей опекой, если даже когда-либо и была? Вам следовало продать мое наследство поскорее, потому что теперь ваши права стоят не больше, чем прошлогодние гнилые яблоки, а я ничего не подпишу. Будьте свидетелями, мать Матильда и ты, Эмлин Стоуэр, что я ничего не подписала и ничего не подпишу Клемент Мэлдон, аббат Блосхолма, я свободная совершеннолетняя женщина, даже если, как вы утверждаете, распутница. Какое вы имеете право заковывать в цепи распутницу, не являющуюся монахиней? Отоприте ворота и дайте мне уйти.

Теперь он почувствовал всю остроту ее волчьих клыков.

— Куда бы ты пошла? — спросил он.

— Прямо к королю, чтобы изложить перед ним мое дело, как собирался сделать мой отец в прошедшее рождество.

Речь эта была смелой, но безрассудной. Волчица не сдержалась и зарычала — зарычала на охотника с окровавленным мечом.

— Кажется, твой отец не добрался до короля со своим лживым доносом, не доберешься, пожалуй, и ты, Сайсели Фотрел. Времена сейчас жестокие, пахнет восстанием, в лесах и на дорогах бродит много отчаянных

людей. Нет, нет, ради своей безопасности оставайся здесь, пока. .

— Пока вы не умертвите меня. О! Это у вас на уме. Знайте, я просила у бога помощи, милорд аббат. И какой бы тяжкой ни была моя судьба, какой бы близкой ни представлялась мне смерть, я не боюсь вас — и я и мой ребенок, — ибо господь уже приготовил камень, который упадет на вашу голову. Этот камень похож на топор.

Тут старая настоятельница воздела руки к небу и открыла от ужаса рот, но аббат вскочил со своего места в ярости — или, может быть, в страхе?

— Ты назвала себя распутницей, — воскликнул он, — но я назову тебя еще и ведьмой, и если ты заслуживала снисхождения, то теперь должна погибнуть в огне как ведьма. Мать Матильда, я приказываю вам, во имя данных вами обетов, хорошенько стеречь эту ведьму и докладывать мне о ее колдовстве. Не годится, чтобы подобная тварь ходила повсюду и причиняла зло невинным. Ведьма и распутница, уходи к себе!

Сайсели выслушала, потом без единого слова рассмеялась презрительным смехом и, повернувшись, вышла из комнаты, а следом за ней пошла настоятельница.

Но Эмлин не двинулась с места. Она осталась, и на ее смуглом красивом лице играла улыбка.

— Не повезло вам, хоть вы и бросали кости, налитые свинцом, — сказала она смело.

Аббат набросился на нее с ругательствами.

— Женщина, — сказал он, — если она ведьма, ты — демон-искуситель, и ты наверняка сгоришь, даже если она избежит этого. Именно ты научила ее вызывать дьявола.

— Тогда вам лучше оставить меня в живых, милорд аббат, чтобы я могла научить ее, как обуздать его. Нет, не угрожайте мне: ведь на дыбе я, чего доброго, заговорю, а птицы небесные разнесут повсюду то, что я расскажу.

Его лицо побледнело; потом он вдруг спросил:

— Где драгоценности? Мне они нужны. Отдай мне драгоценности, и ты будешь свободна и, возможно, твоя проклятая хозяйка тоже.

— Я сказала вам, — ответила она. — Сэр Джон взял их с собой в Лондон, и если они не были найдены на его

теле, — значит, он или выбросил их или Джефри Стоукс увез их туда, куда он уехал. Обшарьте болото, обыщите лес, найдите Джефри и спросите его.

— Ты лжешь, женщина! Когда ты и твоя хозяйка бежали из Шефтона, слуга видел у тебя в руках шка-тулку с драгоценностями

— Правильно, милорд аббат, но их уже там не было; там были только любовные письма моей хозяйки, а их она не хотела оставлять.

— Тогда где шкатулка и где эти письма?

— Нам не хватало топлива во время осады, и мы сожгли и то и другое. Когда у женщины есть муж, ей не нужны его письма. Уж вы, Мальдонадо, — многозначительно добавила она, — вы-то должны знать, что не всегда разумно хранить старые письма. Хотела бы я знать, что бы вы дали за кое-какие письма, которые я видела и которые не сожжены!

— Проклятое отродье сатаны, — прошипел аббат, — как смеешь ты издеваться надо мною? Когда Сайсели венчалась с Кристофером, она надела те самые жемчужины. Я слышал об этом от тех, кто видел ее с ожерельем на груди, с бесценными жемчужинами в ушах, похожими на розовые бутоны.

— Ого! Ого! — сказала Эмлин. — Значит, вы признаете, что она была обвенчана, а сами только что обозвали ее, чистую душу, распутницей! Ладно, милорд аббат, не будем больше кривить душой: да, на ней были драгоценности. Джефри ничего с собой не увез, кроме вашего смертного приговора.

— Тогда где же они? — спросил он, ударив кулаком по столу.

— Где? О, там, где вы их никогда не найдете, — взвились в небо, когда бушевал пожар. Боясь, чтобы нас не ограбили, я спрятала их за секретной панелью в ее комнате, в надежде вернуться за ними позже. Идите выгребайте золу; вы, может быть, найдете один или два треснутых бриллианта, но не жемчужины: они в огне испаряются. Вот вам, наконец, правда, и много она принесет вам пользы.

Аббат застонал. Как большинство испанцев, он легко возбуждался и ничего не мог с этим поделать, вся горечь, скопившаяся у него в сердце, прорвалась наружу.

Эмлин потешалась над ним

— Видите, как мудрым и могущественным мира сего случается самих себя перехитрить. Клемент Мальдонадо, я знаю вас около двадцати лет. Когда меня называли блосхолмской красавицей и старый аббат, ваш предшественник, взял меня под опеку церкви, вы находили для меня более нежные слова, чем те, которыми обзываете сегодня, хотя я-то всегда ненавидела вас, — ведь вы затравили моего отца. Да, я следила за вашим возвышением и увижу ваше падение, и я знаю ваше сердце и все его желания. Деньги — вот чего вы домогаетесь и что хотите получить, — иначе вам не добиться своей цели. Вам нужны были драгоценности, а не Шефтонские земли, которые теперь невысоко ценятся, а скоро совсем потеряют цену. Да, на одну из этих розовых жемчужин, если их продать евреям, можно закупить три прихода — и людей и дома. Ради этих драгоценностей вы послали на смерть одних, причинили горе другим, а свою собственную душу навеки погубили, хотя, если бы вы были благоразумны и посоветовались со мной, все эти драгоценности или по меньшей мере некоторые из них перешли бы к вам. Сэр Джон был не дурак. Он охотно растался бы с одной или двумя жемчужинами, цены которых не знал, чтобы прекратить непримиримую вражду с церковью и отстоять права свои и своей дочери. А теперь, ослепленный безумием, вы сожгли их — сожгли драгоценности, которыми можно было бы заплатить выкуп за короля или, вернее, с помощью которых его можно было бы свергнуть. О! Если бы вы только об этом догадывались, вы бы отрубили руку, поднесшую факел к стенам Крануэл Тауэrsa, потому что теперь вам не хватит золота, и все ваши грандиозные планы провалятся и погребут вас под собою, как вы хотели похоронить нас в Крануэле.

Аббат, терпеливо слушавший эту длинную и горькую речь, снова застонал.

— Ты умная женщина, — сказал он — Мы понимаем друг друга, потому что мы одной крови. Ты знаешь, в чем дело; какой совет ты бы мне дала?

— Тот, которого вы не примете, будучи заранее обречены за свои грехи. Все же вот он — мой искренний совет. Освободите леди Сайсели, верните ей земли, сознайтесь в ваших злодеяниях. Уезжайте из королевства,

прежде чем Кромгуэл отвернется от вас, а Генриху станет все известно, уезжайте, взяв с собой все золото, какое вы сможете собрать, подкупите императора Карла, чтобы он дал вам епархию¹ в Гренаде или еще где-нибудь, — но не близ Севильи, по причинам, вам известным. Там вы будете жить в почете, и наступит день, немало времени спустя после вашей смерти, когда многое забудется, и вас, возможно, канонизируют, как святого Клементя Блосхолмского.

Аббат посмотрел на нее задумчиво.

— Если бы я искал только покоя в старости, твой совет мог бы мне пригодиться, но я играю по более высокой ставке.

— А проиграть можете свою голову, — прервала его Эмлин.

— Не совсем, женщина, потому что в любом случае эта голова выиграет игру. Если она останется у меня на плечах, то будет носить архиепископскую митру или шапку кардинала, а может быть, и еще более гордую тиару; если же она упадет с плеч, то — небесный венец мученика.

— Ваша голова? Ваша голова? — воскликнула Эмлин с презрительным смехом.

— Почему же нет? — ответил он угрюмо. — Тебе случилось узнать о некоторых ошибках моей юности, но в них я давным-давно раскаялся, и эти грехи отпущены мне полностью. — И он перекрестился. — Если бы это было не так, — кто избежал бы адских мук?

Эмлин, стоявшая все это время, уселась, облокотившись на стол и положив подбородок на сложенные руки.

— Верно, — сказала она, глядя ему в глаза, — никто из нас не избежал бы их. Но, Клемент Мэлдон, как насчет грехов, в которых вы не покаетесь и которые совершили уже в зрелом возрасте? Сэр Джон Фотрел, например, сэр Кристофер Харфлит, например, леди Сайсели, например; не говоря уже о черной измене и еще кое о чем.

— Даже если бы все эти обвинения были справедливы, что я отрицаю, это не грехи, — ведь все они вместе и каждый в отдельности совершены были мною не ради

¹ Епархия — обширная область, управляемая епископом.

себя, а ради церкви, ради того, чтобы одолеть ее врагов, воздвигнуть вновь ее разрушающиеся стены, навеки укрепить ее в этом королевстве.

— И вознести вас, Клемент Мэлдон, на самый высокий шпиль ее храма, откуда сатана покажет вам все царства земные, клятвенно обещая, что они будут ваши.

Очевидно, аббат не обиделся на эту смелую речь; действительно, искусно нарисованная Эмлин картина, казалось, понравилась ему. Он только мягко поправил ее, сказав:

— Не сатана, а господь — властитель сатаны. — С минуту он помолчал, оглядел комнату, чтобы убедиться, что двери закрыты и они одни, и продолжал: — Эмлин Стоуэр, ты умнее и мужественнее любой женщины, из тех, кого я знал. Ты знаешь жизнь и ее тайны, почему суеверные дураки и называют тебя ведьмой, а я считаю пророчицей или ясновидящей. Это все у тебя в крови, я полагаю, — ведь твоя мать была из цыганского племени, а отец — высокородный испанский дворянин, очень образованный и умный, хотя и мерзкий еретик, поэтому ему и пришлось для спасения жизни бежать из Испании.

— Чтобы умереть в Англии при весьма странных обстоятельствах. Святая инквизиция терпелива, и у нее длинные руки. Если я верно припоминаю, именно это дело о ереси моего отца впервые привело вас в Блосхолм, где, после его гибели и публичного сожжения его книги, вы многого достигли.

— Ты всегда права, Эмлин, и потому нет необходимости напоминать тебе о том, что мы с ним были давнишними врагами в Испании; вот почему меня выбрали, чтобы выследить его и почему тебе довелось узнать кое-что обо мне.

Она кивнула, и он продолжал:

— Достаточно об отце-еретике — теперь о матери-цыганке. Говорят, она сама наложила на себя руки, чтобы избежать казни.

— Нечего ходить вокруг да около, аббат, давайте, как старые друзья, говорить правду. Вы хотите сказать — она покончила с собой, чтобы не быть сожженной вами, как ведьма, ведь у нее имелись кое-какие несожженные письма, и она угрожала вам пустить их в ход, как и я.

— Зачем вспоминать все это, Эмлин? — сказал он мягко. — Она умерла, но перед смертью научила тебя всему, что знала. Конец истории немногословен. Ты влюбилась в сына старого йомена Болла или говорила, что влюбилась в него — долговязого глупого Томаса, который теперь брат-мирянин в аббатстве.

— Или говорила, что влюбилась, — повторила она. — Во всяком случае он-то влюбился в меня и, может быть, я хотела, чтобы меня защищал честный человек, в те дни еще молодой и красивый. К тому же тогда он не был глуп. Это с ним случилось после того, как он попал к вам в руки. О! довольно об этом, — продолжала она, подавляя готовый прорваться гнев. — Красивая дочь ведьмы была под опекой церкви, а вы вертели тогдашним аббатом, и он заставил меня выйти замуж за старого Питера Стоуэра и стать его третьей женой. Я прокляла его, и он умер; я и предупредила его, что он умрет, а я родила ребенка, и он тоже умер. Тогда со всем, что у меня осталось, я нашла приют у сэра Джона Фотрела, который всегда был мне другом, и стала кормилицей его дочери, единственного существа, если не считать еще одного человека, которое я люблю в этом большом и жестоким мире. Вот вся история; а теперь, что еще вы от меня хотите, Клемент Мальдонадо — злонамеренный человек?

— Эмлин, я хочу того, чего всегда хотел и в чем ты всегда мне отказывала, — твоей помощи, твоего соучастия. Я имею в виду соучастие твоего ума и знаний, которыми ты обладаешь, — ничего больше. В Крануэл Тауэрсе ты накликала на меня беду. Сними это проклятие, потому что, сказать по правде, оно тяжким грузом давит мне душу. Давай похороним прошлое, подадим друг другу руки и будем друзьями. Ты умеешь угадывать будущее. Помнишь, когда ты думала, что Сайсели умерла, ты сказала, что ее потомство все равно поднимется против меня, а теперь похоже на то, что так и будет.

— Что бы вы мне дали? — спросила Эмлин с любопытством.

— Я дам тебе богатство, я дам тебе то, что ты любишь еще больше, — власть, а также и высокое положение, если захочешь. Вся церковь прислушается к твоим словам. В этом королевстве, да и во всем мире все твои

желания будут удовлетворены. Я говорю правду; я даю в залог душу свою и честь тех, кому я служу ибо мне дано такое право. Взамен я прошу от тебя твою мудрость; предсказывай мне будущее, указывай путь, каким я должен идти

— Больше ничего?

— Еще две вещи. во-первых, ты должна найти для меня эти сожженные драгоценности, а с ними и старые несожженные письма; во-вторых, ребенок леди Сайсели не должен остаться в живых и сделать то, что ты мне предсказала. Ее жизнь я дарю тебе: одной монахиней больше или меньше — значения не имеет

— Благородное предложение; и в данном случае я уверена, что вы заплатите обещанную цену, если останетесь живы. Но что, если я откажусь?

— Тогда, — ответил аббат, ударив кулаком по столу, — тогда смерть для вас обеих — умрете, как ведьмы, потому что я не позволю вам погубить меня. Помни я здесь хозяин, а вы — пленницы. Очень немногие знают, что вы живете здесь, если не считать горсточку слабоумных женщин, боящихся даже слово вымолвить, — марионеток, которые танцуют, когда я дергаю за веревочку: и уж я прослежу, чтобы ни единая душа не приблизилась к этим стенам. Выбирай же между смертью, со всеми ее ужасами, и жизнью, со всеми ее надеждами.

На столе стояла деревянная чаша с большим букетом роз. Эмлин придвинула ее к себе и, взяв розы, бросила их на пол. Потом она подождала, пока вода успокоится, и сказала

— Трудная задача, но если у меня на самом деле есть колдовская сила, здесь я найду решение.

Он не отрываясь глядел на нее, как зачарованный, она же дунула на воду и долгое время смотрела на нее. Наконец подняла глаза и сказала:

— Смерть или жизнь; такой выбор вы предложили мне. Хорошо, Клемент Мальдонадо, от своего имени и от имени леди Сайсели и ее мужа сэра Кристофера и ребенка, который должен родиться, и во имя бога, властителя наших судеб, я выбираю — смерть.

Наступило торжественное молчание. Потом аббат поднялся и сказал.

— Хорошо! Да падет это на твою голову.

Опять наступило молчание, и так как она не отвечала, он повернулся и направился к двери; она же продолжала смотреть в чашу

— Хорошо, — повторила она, когда он положил руку на шеколду — Я сказала вам, что выбрала смерть, но я не сказала, чью смерть я выбрала. Играйте вашу игру, милорд аббат, а я буду играть свою, помня, что бог назначает ставки. И я подтверждаю гневные слова, сказанные мною в Крануэле. Ждите беды, ибо теперь я знаю, — она постигнет вас и всех, кто будет вместе с вами.

Потом, глядя ему вслед, она неожиданным резким движением опрокинула чашу на стол.

Глава VIII

ЭМЛИН ПРИЗЫВАЕТ СВОЕГО ЧЕЛОВЕКА

Одна за другой протекали для Сайсели и Эмлин недели их заключения, не принося им ни надежд, ни вестей. И действительно, хотя они не могли видеть нитей зловещей сети, в которой их держали, они чувствовали, как она стягивается все туже. В глазах матери Матильды, когда она смотрела на Сайсели, думая, что никто этого не замечает, отражались страх, жалость и любовь. Остальные монахини тоже боялись, хотя было ясно, что они сами не знали чего. Однажды вечером Эмлин, застав настоятельницу одну, засыпала ее вопросами: она спрашивала, что именно для них готовится и почему ее леди, свободную совершеннолетнюю женщину, удерживают здесь против ее воли

На лице старой монахини появилось выражение замкнутости. Она ответила, что ничего особенного не знает, а насчет заключения — что ж, она должна подчиняться приказаниям своего духовного начальства

— Тогда, — выпалила Эмлин, — знайте: вам же будет хуже. Говорю вам, что умрет моя леди или будет жить, найдутся люди, чтобы призвать вас к строгому ответу: да, найдутся люди, чтобы выслушать мольбы беспомощных. Мать Матильда, Англия уже не та, какой она была, когда вас еще девочкой похоронили в этих заплесневелых стенах. Где сказано, что бог позволяет свободную

и ни в чем не повинную женщину держать в тюрьме, как преступницу? Отвечайте.

— Я не могу, — простонала мать Матильда, ломая свои тонкие руки. — Правды добиться трудно, здесь повсюду охрана; и, что бы я ни думала, я должна делать то, что мне приказано, чтобы не погибла моя душа.

— Ваша душа! Вы, затворницы, всегда думаете о своей жалкой душонке. Что вам до других людей и до их души! Значит, вы не поможете мне?

— Я не могу, не могу, ведь я и сама в оковах, — снова ответила она.

— Пусть будет так, мать Матильда; тогда я сама помогу себе; и, когда я это сделаю, да поможет вам всем господь, — и, презрительно пожав широкими плечами, она вышла, оставив бедную старую настоятельную чуть ли не в слезах.

Угрозы Эмлин были такими же смелыми, как и ее сердце, но могла ли она исполнить хотя бы десятую их долю? Конечно, право было на их стороне, но, как известно заключенным во все времена, право это не труба иерихонская и ему не сокрушить высоких стен. Да и Сайсели не могла помочь ей. Теперь, когда погиб ее муж, она была занята только одним — мыслями о своем будущем ребенке.

До всего остального ей, казалось, не было никакого дела. У нее не было друзей, с которыми она могла бы повидаться; она понимала, что имущество у нее отнято; значит, — думала она, — эта тихая обитель — самое подходящее место для рождения ребенка.

Когда он родится и она поправится, можно будет подумать о другом. А пока она ощущала бесконечную усталость и не понимала, зачем Эмлин напрасно говорит с ней о свободе. Если бы она была свободна, — что бы она делала, куда бы пошла? Монахини были очень добры к ней; они любили ее так же, как и она их.

Так они беседовали, и Эмлин, слушая ее, не решалась сказать ей правду: что здесь можно опасаться за жизнь ребенка. Она боялась, что это известие, пожалуй, убьет и мать и дитя. Поэтому она перестала ее тревожить и решила рассчитывать только на себя.

Сначала она думала о побеге, но оставила эту мысль, потому что положение Сайсели не позволяло подверг-

нуть ее опасности. Да и куда им было идти? Тогда ей пришла в голову мысль об избавителе, но — увы! — кто может спасти их? Влиятельные люди в Лондоне, может быть, могли вмешаться в это дело как политическое, но к влиятельным людям трудно добиться даже свободного. Однако если бы она была на свободе, то нашла бы способ заставить их выслушать ее, но она была пленницей, да и не могла в такое время покинуть свою госпожу. Что же тогда оставалось делать? Придумать для освобождения какую-нибудь хитрость.

Вероятно, это можно было бы сделать за деньги — ценой украшений Сайсели; потайное место, где они находились, знала только она одна, — и ими же откупиться от преследователей? Но Эмлин не собиралась делать ни того ни другого: она считала, что это не было выходом. Очутись они за этими стенами, их все равно не оставили бы в живых: слишком уж много они знали. Однако же здесь, в монастыре, ребенка Сайсели наверняка погубят — он ведь будет наследником всего имущества. Что же может вернуть им свободу и обеспечить безопасность?

Страх, пожалуй, тот самый страх, благодаря которому израильтяне избавились от рабства. О! Если бы только она могла найти Моисея, способного навлечь египетскую чуму на этого аббата-фараона — ту самую чуму, которой она ему угрожала. Но хотя она твердо верила, что чума поразит его (она сама удивлялась тому, что так верила в это), все же не могла выполнить свое проклятие.

Оставался Томас Болл! Если бы она могла поговорить с верным Томасом Боллом, неистовым и хитрым человеком, которого все считали придурковатым!

Томас Болл заполнил все мысли Эмлин — Томас Болл, любивший ее всю жизнь, готовый погибнуть, чтобы услужить ей. Тщетно пыталась она как-нибудь снестись с ним. Старый садовник настолько глух, что не сможет или не захочет понять. Глупая Бриджет по ошибке отдала письмо, написанное ему, настоятельнице, которая, ничего не говоря, сожгла его у нее на глазах.

Монахов, приносящих в монастырь продукты, всегда принимали три сестры, поставленные для того, чтобы шпионить друг за другом и за ними, так что она не

могла даже приблизиться к этим монахам. Священник, служивший мессу, был старым ее врагом, с ним она ничего не могла сделать, а больше никому не разрешалось подходить к монастырю, — только раз или два появлялся сам аббат, который в течение нескольких часов разговаривал взаперти с настоятельницей, но с ней больше не говорил.

Почему, — думала Эмлин, — пространство меньше полумили между ней и Томасом Боллом непреодолимо? Если бы он стоял на расстоянии двадцати ярдов от нее, она могла бы заставить его уразуметь, что ей нужно; почему же этого нельзя сделать, когда он находится на расстоянии пятисот ярдов?

Эта мысль овладела ею; естественные препятствия сводили ее с ума.

Она отказывалась считаться с ними. Все ночи напролет размышляла она, лежа в постели, пока Сайсели спокойно спала рядом с ней; ее сильная душа рвалась к душе ее давнишнего возлюбленного, Томаса Болла, приказывая ему слушать, подчиниться, прийти.

Сначала ничего не произошло. Потом через некоторое время у нее появилось смутное чувство, что ей ответили; хотя она не могла ни видеть, ни слышать Томаса, она как-то ощущала его близость. Потом однажды, в полдень, выглянув из верхнего слухового окна, она увидела, как за воротами происходит свалка, и услышала сердитые голоса. Томас Болл пытался силой пробить себе путь к двери, но его выталкивали люди аббата, всегда стоявшие там на страже.

Вечером она узнала правду от монахинь, не подозревавших, что она подслушивает их разговор. Оказалось, что Томас, показавшийся им не то сумасшедшим, не то пьяным, пытался ворваться в монастырь. Когда его спросили, чего он хочет, он сказал, что сам хорошенько не знает, — но ему надо поговорить с Эмлин Стоуэр. Услышав это, она улыбнулась про себя, ибо теперь знала: он услышал ее и найдет какой-нибудь способ выполнить ее волю и прийти.

Два дня спустя Томас действительно пришел, и вот каким способом

Кончался сентябрьский вечер, наступали сумерки, а Эмлин, оставив Сайсели отдыхать на постели (теперь она зачастую ложилась ненадолго перед ужином), ушла

в сад, чтобы подышать вечерней прохладой. Там она ходила до тех пор, пока сад ей не надоел, потом вошла через боковую дверь в старую часовню и уселась, чтобы поразмыслить, около алтаря, недалеко от раскрашенной деревянной статуи святой девы в человеческий рост, стоявшей против стены. На эту статую она часто смотрела, так как ей казалось странным, что она как бы наполовину вделана в кирпичную кладку. Глазные орбиты ее были пустыми, и наблюдательной Эмлин казалось, что в них когда-то были вделаны драгоценные камни, или же это был образ не богоматери, а скорее слепой святой Люции.

Пока Эмлин размышляла, сидя в одиночестве, потому что в такое время никто не заходил в часовню и она пустовала до утра, — ей показалось, что она услышала по соседству со статуей странные звуки, словно там кто-то шевелился. Тут многие, но только не Эмлин, испугались бы и ушли, а она сидела, не двигаясь, и слушала. Не поворачивая головы, она стала наблюдать. Лучи заходящего солнца, проникавшие через западное окно, почти полностью освещали фигуру, и благодаря им она увидела — или ей показалось, — что глазные орбиты уже не пустые: в них были двигавшиеся и сверкавшие глаза.

Тут на мгновение стало страшно даже Эмлин. Потом ей пришло в голову, что, может быть, священник или одна из монахинь следили за ней из-за статуи, а это ее несколько не беспокоило. Или, может быть, произошло одно из тех чудес, о которых она так много слышала, но никогда не переживала. А зачем ей бояться чудес или соглядатаев? Она будет сидеть на том же месте и посмотрит, что случится. Но долго ждать ей не пришлось, потому что вскоре голос, хриплый мужской голос прошептал:

— Эмлин! Эмлин Стоуэр!

— Да, — ответила она тоже шепотом. — Кто говорит?

— А кто, ты думаешь? — спросил голос с усмешкой. — Может быть, черт?

— Если черт дружелюбный, то, кажется, я не стану возражать, мне в этом уединенном месте скучновато. Появись, кто бы ты ни был, человек или дьявол, — ответила Эмлин решительно. Однако же она незаметно перекрестилась под плащом: в те времена народ

верил, что черти являются людям, чтобы причинять им вред.

Статуя начала скрипеть, потом открылась, как дверь, хотя с большим трудом, словно ее петли долго не двигались, как на самом деле и оказалось. Внутри, подобно трупу в поставленном вертикально гробу, появилась фигура, крупная сильная фигура, одетая в рваную монашескую рясу, увенчанная огромной головой с огненно-рыжими волосами и нависшими бровями, под которыми сверкали безумные серые глаза. Сердце Эмлин замерло, — сатана все же не подходящее общество для смертной женщины, — но затем словно подскочило в ее груди и потом стало биться ровно, как обычно. И она спокойно сказала:

— Что ты там делаешь, Томас Болл?

— Вот это я и хотел бы знать, Эмлин. Днем и ночью в течение долгих недель ты звала меня, и потому я пришел.

— Да, я звала тебя; но как ты пришел?

— Старой дорогой монахов. Они давно забыли о ней, но мой дед говорил мне про нее, когда я был мальчишкой, и, наконец, лиса показала мне, где она проходит. Это мрачная дорога; и, когда я впервые попробовал по ней пойти, я думал, что задохнусь, но теперь воздух не такой уж плохой. Когда-то она доходила до аббатства и, может быть, и теперь доходит, но моя дверь и дверь госпожи лисы находится в рощице около стены парка, где никто не стал бы ее искать. Если ты хочешь лисенка, чтобы поиграть с ним, я могу принести его тебе. Или, может быть, ты хочешь чего-нибудь посущественнее, — добавил он, усмехаясь.

— Да, Томас, я хочу гораздо большего. Слушай, — горячо воскликнула она, — сделаешь ли ты то, что я тебе скажу?

— Там видно будет, миссис Эмлин. Ведь я всю свою жизнь исполнял твои приказания и не получал награды.

Она прошла через алтарь и уселась против него, почти совсем прикрыв дверь и разговаривая с ним сквозь щель.

— Если ты не получил награды, Томас, — сказала она мягко, — то кто виноват в этом? Кажется, не я. Я любила тебя, когда мы были молоды, — не правда ли?

Я бы отдалась тебе душой и телом, ведь так? Но кто встал между нами и погубил нашу жизнь?

— Монахи, — простонал Томас, — проклятые монахи, выдавшие тебя замуж за Стоуэра, потому что он заплатил им.

— Да, проклятые монахи. А теперь твоя молодость прошла, и любовь — любовь молодости — уже позади нас. Я была женой другого человека, Томас, а могла быть твоей. Подумай об этом, твоей любящей женой, матерью твоих детей. А тебя — тебя они покорили и превратили в слугу, в пастуха, использовали твою силу, сделали тебя носильщиком, полоумным, как они тебя называют; однако они считают, что тебе все-таки можно давать поручения, потому что ты умеешь держать язык за зубами они сделали тебя выучным мулом аббатства, не смеющим брыкаться, батраком на твоей же собственной, захваченной ими земле — тебя, чей отец был свободный йомен. Вот что они сделали с тобой, Томас; а со мной, находившейся под опекой церкви. — ну, хватит, мне не хочется говорить об этом. Скажи, как бы ты отплатил им, если бы дать тебе волю?

— Как бы я отплатил? Как бы отплатил? — задохнулся Томас, доведенный до бешенства рассказом о всех причиненных ему обидах. — Ну, если бы я осмелился, я бы перерезал каждому из них глотку и выпотрошил их, как оленей, — и он заскрипел своими белыми зубами. — Но я боюсь. Они владеют моей душой, и каждый месяц я должен исповедоваться. Ты помнишь, Эмлин, я предупредил тебя, когда ты и твоя леди собрались ехать в Лондон перед осадой. Ну, потом — я должен был покаяться в этом, — аббат сам выслушал мою исповедь. Мучительную наложил он на меня епитимью!¹ Я еще не закончил ее, а у меня уже ребра проступили сквозь кожу, спина же стала похожа на корзину из красных ивовых прутьев. Только об одном я им не рассказал, — ведь это, в конце концов, не грех, — о том, что отвернул саван и поглядел на труп.

— Ах! — сказала Эмлин, глядя на него. — Тебе нельзя доверять. Ну, я так и думала. Прощай, Томас Болл, трус. Я найду себе другого друга, настоящего мужчину,

¹ Е п и т и м ь я — церковное наказание (поклоны, пост, длительные молитвы и т. п.)

а не хнычущую загнанную монахами гончую, ставящую непонятное для него латинское благословение выше своей чести. Господи боже! Подумать только, что я когда-то любила подобного человека О! Мне стыдно! Мне стыдно! Пойду вымою руки Закрой свою ловушку и убирайся прочь по крысиной тропе, Томас Болл, и живым или мертвым никогда не осмеливайся заговаривать со мной. Не забудь также рассказать своим монахам, как я призывала тебя к себе — потому что это колдовство, ты сам знаешь, — и меня сожгут, зато спасешь свою душу Господи боже! Подумать только, что ты был когда-то Томасом Боллом. — И она сделала вид, что собирается уходить.

Он протянул свою ручищу и поймал ее за платье.

— Что ж ты прикажешь мне, Эмлин? Я не могу переносить твоего презрения. Сними его с меня или я убью себя.

— Самое лучшее, что ты можешь сделать. И дьявол будет тебе лучшим хозяином, чем чужеземный аббат Прощай навсегда

— Нет, нет; скажи, — чего ты хочешь? Пусть погибает моя душа, я сделаю все.

— Сделаешь? Правда, сделаешь? Если так, подожди минуту! — Она побежала на другой конец часовни, закрыла двери, потом, вернувшись к нему, сказала. — Теперь подойди, Томас, и, раз ты снова мужчина, поцелуй меня, как ты обычно делал более двадцати лет тому назад. Ты не будешь исповедоваться в этом, не правда ли? Ну, вот. Теперь встань на колени перед алтарем и дай клятву Нет, выслушай сначала, потому что это великая клятва.

Эмлин сказала ему, в чем он должен поклясться. Это была действительно великая и ужасная клятва. Принеся ее, он должен был стать рабом Эмлин, объединиться с ней в борьбе против монахов Блосхолма и в особенности против аббата Клемента Мэлдона, в отплату за все обиды, нанесенные им обоим, в отплату за убийство сэра Джона Фотрела и сэра Кристофера Харфлита, за то, что он обокрал и держит в тюрьме Сайсели Харфлит, дочь первого и жену второго. Связав себя клятвой, он должен был делать все, что она ему прикажет

Он должен был поклясться, что ни во время испо-

веди, если бы до этого дошло дело, ни на ложе пыток или на эшафоте он не скажет ни слова об их тайном сговоре. Он должен был просить у бога, чтобы, в случае, если он изменит этой клятве, душа его обречена была бы на вечные муки; и он должен был призвать небо в свидетели всех данных им обещаний.

— Теперь, — сказала Эмлин, произнеся все слова этой ужасной клятвы, — будешь ли ты мужчиной, поклянешься ли и тем самым отомстишь за мертвых и спасешь невинных от смерти? Или ты, знающий мою тайну, будешь по-прежнему пресмыкаться перед настоящим и, вернувшись в Блосхолмское аббатство, предашь меня?

С минуту он подумал, почесывая свою рыжую голову, ибо клятва страшила его, что, впрочем, было понятно. В его душе, где он все это взвешивал, чашки весов стояли вровень, и Эмлин не знала, какая из них перетянет. И тут она употребила всю свою женскую силу: положив руку на его плечо, она наклонилась вперед и прошептала ему на ухо:

— Ты помнишь, Томас, как в первый раз мы признались друг другу в нашей юной любви? Это было в весенний день в рощице у ручья, когда у наших ног цвели душистые нарциссы — нарциссы и дикие лилии. Помнишь, как мы поклялись друг другу всей жизнью, да, настоящей и будущей жизнью, и для нас обоих земля превратилась в рай? А потом, ты помнишь, как мимо нас прошел монах — это был Клемент Мэлдон, — и он оледенил нас взглядом своих жестоких глаз и сказал: «Что ты делаешь с дочерью ведьмы? Она тебе не пара» И тогда — о Томас, я больше не могу, — и она разрыдалась, а потом добавила:

— Не клянись ни в чем, уходи и предай меня, если хочешь. Я не буду питать к тебе злобы, даже если ты предашь меня на смерть, ибо как можно было надеяться, что ты после двадцати лет монашества останешься мужчиной? Уходи, скорее уходи, пока нас не застали вместе и твоя добрая слава ничем не опорочена. Уходи, не медли и предоставь меня и мою леди и ее еще не родившегося ребенка той участи, которую нам готовит Мэлдон. Забудь рощицу у реки! Забудь увядшие лилии!

Томас слушал; большие синие жилы выступали у него на лбу, его широкая грудь вздымалась, слова

застряли в горле. Затем они полились обильным потоком

— Я не уйду, дорогая; я поклянусь в чем хочешь, твоими глазами и твоими губами, цветами, по которым мы шли, всеми прошедшими годами жгучих страданий, горя и позора, богом, восседающим на небесном престоле, и дьяволом в адском огне. Пойдем, пойдем! — Он побежал к алтарю и схватил стоявшее там распятие. — Произнеси снова эти слова или любые другие, и я повторю их и дам клятву, и пусть огненные черви живо грызут меня во веки веков, если я нарушу хоть одно ее слово. — В темных глазах Эмлин вспыхнул огонек торжества, она наклонилась над коленопреклоненным мужчиной и в сгустившемся мраке зашептала-зашептала, а он шепотом же повторял ее слова и в подтверждение целовал распятие.

Когда все было кончено, они отошли от алтаря обратно к раскрашенной статуе.

— Значит, ты все же мужчина, — сказала она с громким смехом. — Теперь слушай, мужчина — мой мужчина, если мы переживем все это и ты тогда пожелаешь, я стану твоей женой, да, твоей женой — это будет моей платой тебе и моей гордостью, — слушай же мои приказания. Видишь, я Моисей, а там в аббатстве сидит фараон с очерствевшим сердцем, а ты ангел, ангел разрушения, держащий меч чумы египетской. Вечером в аббатстве будет пожар — такой же пожар, какой был в Крануэл Тауэрсе. Нет, нет, я знаю: церковь не сгорит и каменные строения тоже. Но дортуары, и кладовые, и стога сена, и коровьи хлева — они здорово запыхают после такой засухи, а если телеги превратятся в золу, то на чем они привезут свой урожай? Сделаешь ли ты это, мой мужчина?

— Конечно. Разве я не поклялся?

— Тогда за работу, а потом — завтра или на следующий день — возвращайся с докладом. Теперь меня часто будет привлекать одиночество и молитва, поэтому жди, пока опять не увидишь меня здесь одну, стоящую на коленях у алтаря. Стой! Оденься в саван, чтобы тебя сочли за призрак, если увидят, — они ведь считают, что в часовне появляются призраки. Не сомневайся, к тому времени я найду тебе немало работы. Ты меня понял?

Он кивнул головой.

— Все, все понял, особенно твое обещание. О! Теперь-то я не умру; я буду жить для того, чтобы потребовать его исполнения.

— Хорошо. Получай в счет будущего, — и она снова поцеловала его. — Иди

Он шатался, опьяненный радостью; потом сказал:

— Еще одно слово у меня кружится голова, я забыл тебе сказать. Сэр Кристофер жив или же был жив.

— Что ты хочешь сказать? — произнесла она свистящим шепотом — Именем Христа, торопись; я слышу снаружи голоса!

— Вместо Кристофера они похоронили другого человека. Я разрезал полотно и посмотрел Кристофера отправили за границу, тяжело раненного, на корабле — черт возьми, я забыл его название, — на том же корабле, на котором уехал Джефри Стоукс.

— Благослови тебя господь за эти вести! — воскликнула Эмлин странным, тихим голосом. — Уходи, кто-то подходит к двери!

Деревянная фигура со скрипом захлопнулась и теперь смотрела на нее так же спокойно, как смотрела уже в течение ряда поколений. С минуту Эмлин стояла неподвижно, держась рукой за сердце. Потом она быстро пошла через часовню, открыла дверь и на крыльце встретила входящую мать Матильду, другую монахиню и старуху Бриджет, шептавшихся между собой.

— О! Это вы, миссис Стоуэр, — сказала мать Матильда с явным облегчением. — Сестра Бриджет клялась, что слышала в часовне мужской голос, когда приходила на закате солнца закрывать ставни

— Неужели? — равнодушно ответила Эмлин. — Тогда ей повезло больше, чем мне: я ведь стосковалась по звукам мужского голоса в доме, где болтают одни женщины. Не возмущайтесь, матушка, я не монахиня, и господь сотворил для этого мира не одних только женщин, иначе нас с вами здесь бы не было. Но раз уж вы заговорили об этом, — значит, в часовне и вправду происходит что-то странное. Не всякий решился бы оставаться здесь в одиночестве: дважды во время молитвы я слышала странные звуки, а однажды, когда не было солнца, на меня упала какая-то холодная тень. Наверно, призрак того мертвеца, о котором столько

врали Ну, я-то никогда не боялась привидений. А теперь мне надо идти и взять ужин для моей леди, — сегодня вечером она будет ужинать в своей комнате.

Когда она ушла, настоятельница покачала головой и, как обычно, ласково сказала

— Странная женщина и резкая, но, сестры мои, мы не должны ее строго судить, ведь она из чуждого нам мира и, боюсь, пережила много горя, от которого мы защищены нашими священными обетами

— Да, — ответила сестра, — но я думаю, что она ви дела призрак, появляющийся в этой часовне, — многие утверждают, что он являлся им, и я сама видела его однажды, еще когда была послушницей Настоятельница Матильда, — я имею в виду четвертую, ту, что якшалась с монахом Эдуардом Хромым и внезапно умерла после.

— Тише, сестра, не будем злословить о покойнице, покинувшей землю около двухсот лет назад. Даже если ее беспокойный дух все еще приходит сюда, как говорят многие, я не понимаю, почему бы он стал говорить мужским голосом.

— Возможно, то был голос монаха Эдуарда, — ответила сестра. — Видно, он все еще не оставляет ее в покое, как и при жизни, если легенда говорит правду Миссис Эмлин сказала, что ей призраки нипочем, и я вполне этому верю, она ведь дочь ведьмы, и взгляд у нее какой-то странный. Вы видели у кого-нибудь такие смелые глаза, матушка? Как бы то ни было, я терпеть не могу привидений и лучше месяц проведу на хлебе и на воде, чем останусь одна в этой часовне на закате или после заката солнца. У меня мурашки бегут по спине, когда я думаю об этом; говорят, что некрещеное дитя тоже тут бродит и что-то невнятно лепечет около купели, надеясь получить святое крещение — ух! — И она содрогнулась.

— Довольно, сестра, довольно нечестивых речей! — сказала опять мать Матильда. — Будем думать о святых вещах, чтобы враг рода человеческого не мог к нам подойти.

Но в ту же ночь, около часу, враг этот очень близко подошел к Блосхолму, явившись в облике пожара. Внезапно монахини были подняты с постелей отчаянным набатом. Подбежав к окнам, они увидели огромные

языки пламени, плясавшие на крышах аббатства. Они раскрыли оконные створки и в ужасе смотрели на пожар. Сестру Бриджет даже послали разбудить глухого садовника и его жену, живших около ворот, чтобы они пошли и узнали, в чем дело, почему слышатся крики и не напало ли на Блосхолм какое-нибудь войско.

Прошло много времени, прежде чем Бриджет вернулась, путаный рассказ слабоумной, переданный со слов глухого садовника, понять было нелегко. Крики доносились по-прежнему, и пожар в аббатстве разгорался все яростнее. Монахини уже думали, что наступил их последний час, они опустились на колени у открытых окон и принялись молиться.

Как раз в эту минуту среди них появились Сайсели и Эмлин и стали смотреть на великое пожарище.

Вдруг Сайсели повернулась и, устремив большие голубые глаза на Эмлин, сказала громко, так что услышали все.

— Аббатство горит. Ой, няня, мне рассказывали, будто там, среди развалин Крануэла Тауэrsa, ты говорила, что это так будет! Ты, конечно, пророчица.

— Огонь призывает огонь, — ответила Эмлин угрюмо, а стоявшие тут же монахини подозрительно посмотрели на нее.

Пожар был ужасен; он, казалось, начался в дортуарах, даже на расстоянии были видны полуодетые монахи, спасавшиеся через окна: некоторые — с помощью связанных постельных принадлежностей, некоторые — выпрыгивая из окон, несмотря на высоту.

Вскоре крыша здания провалилась и град горящих углей посыпался на соломенные крыши хлевов и сараев на сметанные стога, на постройки гумна, так пламя перекинулось и на них, и еще до рассвета все сгорело.

Одна за другой монахини, наблюдавшие пожар из монастыря, устав от горестного зрелища и в страхе бормоча молитвы, отправились спать. Но Эмлин продолжала сидеть у открытого окна, пока край чудесного сентябрьского солнца не показался над холмами. Так сидела она, подпирая голову рукой, и ее строгое лицо было неподвижно, как у статуи. Только в темных глазах, отражавших языки пламени, казалось, мелькала жестокая радость.

— Томас — хорошее оружие, — наконец пробормотала она про себя, — славно нанес первый удар И это еще цветочки. Подожди, Клемент Мальдонадо, ты запросишь пощады у Эмлин.

Глава IX

БЛОСХОЛМСКОЕ КОЛДОВСТВО

В тот же день в полдень аббат снова явился в монастырь и послал за Сайсели и Эмлин. Они застали его одного в приемной, лицо у него было встревоженное, и он шагал взад и вперед по комнате.

— Сайсели Фотрел, — сказал он без всякого приветствия, — когда мы в последний раз виделись, ты отказалась подписать принесенный мною документ Это ничего не значит, потому что тот покупатель уехал по своему делу

— Сказав, что его не удовлетворяют доказательства ваших прав? — сказала Сайсели.

— Да! Но кто научил тебя рассуждать о правах и о тонкостях закона? Впрочем, зачем спрашивать? — И он бросил сверкающий взор в сторону Эмлин. — Ладно, бог с ним сейчас... У меня с собой документ, который ты должна подписать. Прочти его, если хочешь. Он тебе ущерба не причинит — это всего лишь предписание арендаторам земель, принадлежавших твоему отцу, уплатить мне, как лицу, осуществляющему опеку.

— Значит, они отказываются, видя, что вы все захватили, милорд аббат?

— Да, кто-то их подстрекает, и эти упрямые скоты не хотят платить без указания, подписанного твоей рукой и скрепленного печатью. На фермах, обрабатывавшихся твоим отцом, я собрал урожай, но вчера вечером при пожаре сгорело все до последнего зернышка, до последней шерстинки.

— В таком случае я прошу вас все это точно учесть, милорд, чтобы я могла получить от вас должное возмещение, когда мы начнем сводить счета. я ведь никогда не разрешала вам стричь моих овец и собирать мой хлеб.

— Тебе нравится дерзить мне, девчонка, — ответил он, кусая губы. — У меня нет времени для пере-

бранки. Подписывай, а ты будь свидетельницей, Эмлин Стоуэр.

Сайсели взяла документ, взглянула на него, потом медленно разорвала его на четыре части и бросила их на пол.

— Грабьте меня и моего еще не рожденного ребенка, если хотите и можете, но я, во всяком случае, не буду соучастницей вора, — сказала она спокойно. — Если вам нужна подпись, можете подделать ее, потому что я ничего не подпишу.

На лице аббата отразилась вся его злость.

— А ты забыла, несчастная, — спросил он, — что здесь ты в моей власти? Известно тебе, что таких непокорных грешников запирают в мрачную темницу и налагают на них покаяние — дают только хлеб и воду и хлещут прутьями? Исполнишь ты мое приказание или подвергнешь себя всему этому?

Красивое лицо Сайсели вспыхнуло, и на минуту ее голубые глаза наполнились слезами стыда и ужаса. Затем они снова прояснились; она смело взглянула на него и ответила.

— Я знаю, что убийца может быть также и мучителем. Тому, кто погубил отца, ничего не стоит подвергнуть истязаниям дочь. Но я знаю также, что существует бог, защищающий невинных, хотя иногда он не сразу протягивает им руку помощи, и к нему я обращаюсь, милорд аббат. И я знаю, что принадлежу к роду Фотрелов и Карфаксов и что ни одна женщина и ни один мужчина моей крови никогда еще не покорялись страху и страданию. Я ничего не подпишу. — И, повернувшись, она вышла из комнаты.

Аббат и Эмлин остались одни. Прежде чем она смогла заговорить, потому что у нее от ярости не поворачивался язык, он начал бранить и проклинать ее и угрожать ей и ее хозяйке ужаснейшими пытками, какие только мог вообразить испанский инквизитор. Наконец он остановился, чтобы передохнуть, и она перебила его:

— Молчите, злодей, чтобы крыша над вами не обрушилась; я уверена, что каждое ваше жестокое слово превратится в змею, которая вас ужалит. Разве то, что случилось вчера ночью, не является для вас предостережением, или вам нужны другие уроки?

— Ogo! — ответил он. — Значит, ты знаешь об этом,

не правда ли? Я так и думал, — всему виной твое колдовство.

— Как я могла не знать об этом, когда все небо полыхало? Жирным монахам Блосхолма зимой придется потуже затянуть пояса. Присвоенные земли как будто не приносят счастья, и кровь Джона Фотрела превратилась в огонь. Берегитесь, говорю я, берегитесь! Нет, я больше не хочу слушать ваших безумных речей. Только троньте хоть пальцем эту несчастную леди, если посмеете, и вы поплатитесь за все! — И она тоже повернулась и ушла.

Прежде чем уйти из монастыря, аббат переговорил с матерью Матильдой.

— Сайсели, ради спасения ее души, надо заставить вести себя как следует, — сказал он. — Сначала лаской, потом суровостью и даже, если придется, бичеванием. Также ради спасения ее души, нельзя подпускать к ней служанку Эмлин, так как, без сомнения, Эмлин — опасная ведьма.

А когда наступит время родов, аббат пришлет подходящую женщину ухаживать за нею, женщину опытную в таких делах — ради спасения жизни матери и жизни ее ребенка. Теперь, когда на них свалилось это страшное несчастье — пожар в аббатстве, нанесший им такие ужасные убытки, — не говоря даже о смерти двух слуг и о других людях, обожженных и искалеченных, — у него нет времени распространяться о подобных мелочах, но он надеется, что она его поняла.

И тут-то мягкая и кроткая мать Матильда до глубины души огорчила и удивила аббата, своего духовного начальника.

Она решительно ничего не поняла. Предложенные им меры воздействия, какими бы ни были недостатки и слабости леди Сайсели, — энергично заявила настоятельница, — не могут быть к ней применены: по ее мнению, Сайсели уже и так много выстрадала за пустяки, а теперь еще ждет ребенка; потому с нею надо обращаться как можно бережнее. Что касается ее, то в этом деле она умывает руки и скорее обратится к генеральному викарию в Лондоне, который, насколько ей известно, рассматривает такие дела, чем подчинится подобным приказам. Или, на худой конец, она выпустит леди Харфлит и ее служанку за ворота и призовет милосердных людей оказать им помощь. Тем не менее, если его милость захо-

чет прислать искусную женщину, чтобы ухаживать за Сайсели в ее положении, она не будет возражать при условии, что эта женщина пользуется доброй славой. Но, как бы то ни было, в данных обстоятельствах с ней бесполезно говорить о хлебе и воде и мрачной темнице, и бичевании. Ничего подобного не произойдет, пока она является настоятельницей. Прежде чем кто-либо на это решится, она и сестры уйдут из монастыря и призовут королевский двор решать это дело.

Теперь аббат оказался в положении сторожевого пса, который привык пугать и мучить какую-нибудь овечку, а затем вдруг, после того как она отъегнилась, столкнулся с совершенно другим существом, овечка уже не боится, не бежит, но, обретя силу барана, отталкивает его, борется, прыгает, бьет головой и копытами. Может ли пес справиться с неистовой, неожиданно прорвавшейся яростью овцы, казалось, рожденной для того, чтобы быть им растерзанной? Что ему остается делать, как не бежать в полном смятении, задыхаясь, в свою конуру? То же самое было с аббатом, когда мать Матильда яростно обрушилась на него в защиту своего ягненка — Сайсели. С Эмлин он мог сцепиться зубами — но мать Матильда!.. Его собственная прирученная добыча! Это было уже слишком! Он мог только уйти, проклиная всех женщин и их вечные прихоти, из-за которых мужчины никогда не знают, чего от них ждать. Во всяком случае, из всех людей на земле меньше всего можно было ожидать чего-либо подобного от матери Матильды.

Так и получилось, что в монастыре, несмотря на все эти страшные угрозы, все шло по-прежнему. Такие уж наступили времена, что даже всемогущий лорд аббат, имевший «право виселицы», не мог довести дело до крайности. Сайсели не заперли в темницу на хлеб и воду и, тем более, не бичевали. Не разлучили ее и с няней — Эмлин. Правда, настоятельница отчитала Сайсели за сопротивление установленным властям, однако, выговоровшись до конца, она поцеловала ее, благословила и назвала «своей милой девочкой, своей голубкой и своей радостью».

Но если все было по-прежнему в обители, то в аббатстве все постоянно менялось и царило крайнее возбуждение: Не прошло и трех дней после пожара, как целое стадо в восемьсот овец ринулось на Красный утес и сва-

лилось с него, а все пастухи тех мест знают, что там — отвесный обрыв высотой в сорок футов. Никогда еще баранина не была такой дешевой в Блосхолме и в его окрестностях, как на утро после той ночи, и каждый батрак на десять миль в окружности мог приобрести зимний тулуп, потратив только время на то, чтобы содрать шкуру с мертвой овцы. Кроме того, пастухи клялись, что они видели, как сам дьявол с рогами и копытами верхом на осле гнал этих овец.

Потом стал являться призрак сэра Джона Фотрела, одетый в доспехи, иногда верхом, иногда пеший, но всегда ночью. Сначала этот ужасный дух был замечен в садах Шефтон Холла, где он встретил назначенного аббатом сторожа (ведь теперь дом был заперт), когда тот шел ставить силки для кроликов. Сторож был уже в преклонном возрасте, однако немногие лошади могли бы покрыть расстояние между Шефтоном и Блосхолмским аббатством так быстро, как он это сделал в ту ночь. С тех пор ни он, ни кто другой не соглашались сторожить Шефтон, ставший жилищем привидения, которое, как все могли видеть, иногда горело в окнах, словно свеча. Более того, вышеупомянутый призрак бродил по всей округе в темные и бурные ночи он стучался в двери тех, кто при его жизни брал у него в аренду землю, и загробным голосом вещал, что он был убит блосхолмским аббатом и его присными и что аббат держит его дочь в заточении. При этом, угрожая ужасной мстью, призрак требовал от всех людей, чтобы они привлекли аббата к ответу, не присягали и не платили ему аренды.

Призрак нагнал на всех такой ужас, что проворного Томаса Болла послали выследить, что же это, собственно, такое. Томас вернулся и объявил, что он видел его, что призрак назвал его по имени, но что он, будучи храбрым малым и не сомневаясь, что имеет дело с человеком, выстрелил в него из лука. Однако стрела прошла насквозь через его тело, призрак же рассмеялся и сразу исчез. В доказательство этого Томас привел аббата и его монахов на то самое место и показал им, где стоял он и где стоял призрак, показал и стрелу, глубоко вонзившуюся в стоявшее неподалеку дерево, точно опаленную огнем, потому что все перья на ней странным образом обгорели. Потом, дабы рассеять страхи и во избежание соблазна, аббат в полном облачении наложил торжест-

венное заклятие на то место, где, по словам Томаса Болла, прошел призрак.

После того, как на духа было наложено такое строгое заклятие (вроде как на первый камень фундамента), аббат и его монахи возвращались домой лесом, но по дороге ужасный голос, принадлежавший, как все признали, сэру Джону Фотрелу, произнес из чащи, в полной темноте, так как уже наступила ночь, следующие слова

— Клемент Мальдонадо, аббат Блосхолма, я, убитый тобою, призываю тебя встретиться со мной не позже чем через год перед престолом господним

Тут все обратились в бегство Бежал и аббат, — впрочем, он утверждал, что его понесла лошадь; отставший от них Томас Болл, как выяснилось, перегнал их всех и вернулся домой первым, потому что по дороге читал «Ave»

После этого призрака сэра Джона больше не видели, хотя вся округа искала его. Без сомнения, призрак сделал свое дело, хотя аббат объяснял это иначе. Однако стали твориться другие дела — еще, пожалуй, похуже.

Однажды в лунную ночь среди коров поднялось страшное смятение; они мычали и носились по полю, куда их пригнали после дойки. Думая, что к ним забежали собаки, пастух и сторож — теперь после захода солнца никто в Блосхолме не соглашался выходить один — пошли посмотреть, что случилось, и вскоре повалились наземь полумертвые от страха. Они увидели, что там, прислонившись к воротам и смеясь, стоял сам мерзкий дьявол — черт с рогами и хвостом и с чем-то похожим на вилы в руках.

Сами не зная как, добрались они до дому, но только после этой ночи коров этих никто доить не мог; мало того, некоторые коровы преждевременно отелились и стали такими буйными, что их пришлось зарезать.

Потом пошли слухи, что даже в монастыре, и особенно в часовне, стали являться призраки. Оттуда слышались голоса, и Эмлин Стоуэр, молившаяся там, вышла оттуда, клянясь, что она видела, как огненный шар катался вдоль и поперек бокового крыла; человеческая голова в центре этого шара пыталась заговорить с ней, но не могла.

Это дело расследовал сам аббат, спросив Эмлин, узнала ли она лицо, находившееся в огненном шаре. Она

ответила что, кажется, узнала Оно показалось ей очень похожим на лицо одного человека из собственной охраны аббата, по имени Эндрью Вудс и по прозванию пьяница Эндрью, шотландца, убитого, как говорят, сэром Кристофером Харфлитом в ночь великого пожара. Но, очевидно, после смерти Эндрью очень изменился, поэтому она и не совсем уверена, что то был он Одно только ей стало ясно. он несомненно пытался сообщить ей что-то.

Вспомнив о том, что было сделано с телом вышеупомянутого Эндрью, аббат замолчал. Он лишь многозначительно спросил Эмлин, как могло случиться, что, видя такие ужасы, она не боится бывать в часовне одна: ему сообщили, что она часто туда ходит. Эмлин же со смехом ответила, что боится людей, а не духов, добрые они или злые.

— Да, — воскликнул он в припадке ярости, — ты их не боишься, женщина, потому что ты — ведьма и вызываешь их сама и мы не избавимся от этого колдовства, пока ты и вся твоя шатия не сгорят в огне.

— Если так, — холодно ответила Эмлин, — в следующий раз, когда мы увидимся, я спрошу у мертвого Эндрью, что он хотел мне сообщить, если он не предпочтет сообщить это лично вам.

Так они и расстались. Но в ту ночь произошло самое худшее. Было около часу пополудни, когда аббата, спавшего с открытым окном, разбудил голос, говоривший с шотландским акцентом и несколько раз назвавший его по имени, призывая выглянуть и посмотреть. Аббат и другие монахи поднялись и посмотрели, но ничего не смогли увидеть, потому что ночь была темная и шел дождь. Тем не менее, когда рассвело, их поиски увенчались успехом: на расстоянии всего лишь нескольких ярдов от спальни лорда аббата, уставив глаза прямо в окна этой комнаты, торчала насаженная на шпиль монастырской церкви страшная голова Эндрью Вудса!

Разгневанный аббат спрашивал, кто совершил это ужасное дело, но монахи, уверенные, что это штуки того же, кто околдовал коров, только пожали плечами и предложили разрыть могилу Эндрью, чтобы посмотреть, потерял ли он свою голову.

Это, в конце концов, было сделано, хотя по особым

соображениям, аббат запретил нарушать покой мертвеца

Итак, могила была вскрыта, когда Мэлдон уезжал в одно из своих таинственных путешествий. И о ужас! — там не было Эндрью, а лишь дубовая балка, зашитая в одеяло, набитое соломой в форме человеческого тела. Ведь настоящий Эндрью или, вернее, его останки находились, как вы помните, в другой могиле, в которой, как все полагали, лежал сэр Кристофер Харфлит.

С этого дня повсюду на пятьдесят миль в окружности стали передавать сказки о так называемом блосхолмском колдовстве: полным основанием для подобных разговоров служила высохшая голова Эндрью, насаженная на шпиль, откуда никто не решался ее снять ни из жалости к покойнику, ни за деньги. Все отметили, что аббат перешел в другую спальню, после чего, если не считать болезни монахов, возникшей, как полагают, от выпитого ими кислого пива, вся эта сумятица улеглась.

Действительно, в то время люди думали о другом, так как воздух был насыщен слухами о надвигающихся переменах. Король угрожал церкви, а церковь готовилась противостоять королю. Говорили об упразднении монастырей — некоторые фактически уже были упразднены — и еще больше говорили о восстании католиков в графствах Йорк и Линкольн, все это были важные дела, заставлявшие аббата Мэлдона часто отлучаться из дома.

Однажды он вернулся из долгого путешествия усталый, но удовлетворенный, и наряду с другими новостями, ожидавшими его тут, он нашел записку от настоятельницы, над которой размышлял, пока завтракал. Было также письмо из Испании, которое он тотчас же внимательно прочитал.

Прошло девять месяцев с тех пор, как отплыл корабль «Большой Ярмут». В течение этого времени стало известно только, что он не достиг Севильи; поэтому, как и все другие, аббат считал, что он пошел ко дну где-нибудь в открытом море. Это печальное событие он перенес со смирением, хотя оно и означало потерю очень важных писем: зато на борту было несколько лиц, которых он не желал более видеть, в особенности сэра Кристофера Харфлита и слугу сэра Джона Фотрела, Джеффри Стоукса, захватившего с собой, по слухам, некие не-

приятные документы. Даже секретаря и капеллана, брата Мартина, не стоило жалеть, как человека, по мнению аббата, более подходившего для неба, чем для земли, где лучшие люди должны порою идти на сделки со своей совестью

Короче говоря, исчезновение «Большого Ярмута» было мудрым решением дальновидного провидения, убравшего некоторые камни преткновения из-под ног аббата, которым последнее время приходилось ступать по неровной и тернистой дороге. Ведь мертвые не могут говорить, хотя призрак сэра Джона Фотрела и оскалившаяся голова пьяницы Эндрю на шпиле, казалось, доказывали обратное. Кристофер Харфлит и Джеффри Стоукс на дне Бискайского залива не могли выдвинуть против него неприятных обвинений, и ему не придется больше иметь дела ни с кем, кроме забытой в заточении женщины и еще не родившегося ребенка.

Теперь обстоятельства опять изменились: письмо из Испании говорило ему, что «Большой Ярмут» не утонул, так как двое из экипажа спаслись, — каким образом, об этом ничего не говорилось. Спасшиеся заявляли, что корабль был захвачен в плен турецкими или другими язычниками-пиратами и был уведен в какое-то неизвестное место через узкий пролив Гибралтар. Поэтому, если сэр Кристофер перенес это путешествие, он все еще мог быть жив, так же, как Джеффри Стоукс и брат Мартин. Но вряд ли это было возможно. Вернее всего, они погибли в бою, ибо все трое были неистовые англичане, или, в лучшем случае, были приговорены к турецким галерам, откуда никогда не возвращался даже один из тысячи.

Значит, в общем у него почти не было причин опасаться тех, кто умер или все равно что умер, особенно теперь, когда грозили другие, более непосредственные опасности.

Все, чего он боялся и что стояло между ним или, вернее, между церковью и очень богатым наследством, была девушка в монастыре, неродившийся ребенок и, конечно, Эмлин Стоуэр. Ну, он был уверен, что ребенок не выживет, да и мать, может быть, тоже. Что касается Эмлин, ее сожгут за колдовство, как она того заслуживает; теперь уже скоро, так как у него есть время проследить за этим, если же Сайсели поправится,

то хотя ему и жаль ее, она — соучастница ведьмы, должна по справедливости вместе с ней отправиться на костер. Пока же насчет ребенка надо принять меры — мать Матильда сообщала ему, что сроки наступают

Аббат позвал монаха, служившего ему, и велел передать женщине, известной под именем Меггс-Камбалы, чтобы она немедленно явилась в аббатство. Через десять минут она вошла оказывается, ее уже предупредили, что она должна быть все время под рукой

Эта Меггс-Камбала, слывшая в той местности повивальной бабкой, была особой лет пятидесяти, невероятно толстая, с плоским лицом, маленькими продолговатыми глазками и маленьким изогнутым ртом, за что ее

и прозвали Камбалой. Она почтительно приветствовала аббата, приседая до тех пор, пока ему не показалось, что она валится назад, и, получив его отеческое благословение, опустилась в кресло, которое совсем исчезло под ее объемистым телом.

— Вам любопытно, наверное, почему я призвал вас сюда, друг мой, — ведь здесь ваши услуги никому не могут понадобиться, — начал с улыбкой аббат.

— О нет, милорд, — ответила женщина — Я слышала, что нужно ухаживать за супругой сэра Кристофера Харфлита в ее положении.

— Я бы хотел называть ее благородным словом «супруга», — вздохнув, сказал аббат. — Но мнимый брак не дает права так называться, миссис Меггс, и — увы! — бедное дитя, если ему суждено родиться, будет лишь незаконнорожденным, заклеянным позором с момента появления на свет.

Теперь Камбала — отнюдь не дура — начинала понимать его намеки.

— Грустно это, ваше святейшество, весьма грустно, и даже, можно сказать, — вовсе худо. Ну, да ничего, поправим дело еще до того, как все произойдет. Такое внезапное, случайное появление приносит счастье — я имею в виду приезд вашей милости, — а здесь таких ребят очень много, как всегда поблизости от монастырей. . то есть, я хочу сказать, повсюду вообще. К тому же они обычно вырастают дурными и неблагодарными, как я хорошо могу судить по своим трем, — хотя, правда, меня успели сразу же выдать замуж. Ну, словом, я хотела сказать, если уже такое случается, то иногда истинное благословение, если бедный невинный младенец умрет с самого начала и, таким образом, избегнет позорного клейма и насмешек. — И она замолчала.

— Да, миссис Меггс. По крайней мере, в подобных случаях мы не должны роптать на волю божью — при условии, конечно, если младенец проживет достаточно долго, чтобы его окрестить, — добавил он поспешно.

— Нет, ваше кардинальское святейшество, нет. Именно это я говорила прошлой весной дочери Смита. Сон у меня очень крепкий, — ну я случайно заспала ее отродье, а проснувшись, смотрю — ребенок уже посинел и не двигается. Она, как увидела, расстроилась, разре-

велась, словно корова, потерявшая своего первого теленка, а я ей и говорю: «Мэри, это не я, это сам господь бог. Мэри, ты должна радоваться, что моя тяжесть избавила тебя от твоего бремени, и ты можешь похоронить малютку почти даром. Мэри, поплачь немного, если хочешь, все-таки ведь первый твой ребенок, не хули господу и не грози небу кулаком, — не любит этого господь бог»

— А! — протянул аббат и без особого интереса спросил: — Что же Мэри тогда сделала?

— Что она сделала, бесстыдная тварь? Она мне тогда говорит. «Ты кулака боишься, старая свинья, и душишь поросят. Так я тебя по-другому двину» — и она оттолкнула верхнюю перекладину с моего забора (мы разговаривали стоя у ворот), — перекладина-то дубовая, размером три на два — как хватит меня, — до сих пор на голове шрам, а Мэри еще крикнула: «Довольно тебе, или, может, столб из ворот вывернуть?» Уж если я чего не люблю, так это кольев, особенно дубовых и острием к тебе.

Так болтала, по своему обыкновению, гнусная старая карга, аббат же молча смотрел в потолок.

Когда, наконец, она остановилась, чтобы передохнуть, он сказал:

— Хватит мне слушать о пороках и насилиях. Такие несчастные случаи возможны, и вас винить нельзя. Теперь, добрая миссис Меггс, возьметесь ли вы за это дело? Монахини о нем ведь понятия не имеют. Хотя сейчас времена тяжелые и в последнее время наш дом понес много потерь, за ваше искусство будет хорошо заплачено.

Женщина поерзала своими большими ногами и устала на пол, потом внезапно подняла глаза и впиалась в настоятеля взглядом, сверлившим, как шило.

— А если случится так, что невинный младенец из моих рук отправится прямо на небо, как бывало, многие отправлялись, плату я все же получу?

— Тогда, — ответил аббат с какой-то вымученной улыбкой, — тогда, я думаю, миссис, вам следует заплатить вдвое, чтобы утешить вас и вознаградить за то, что люди, пожалуй, усомнятся в вашем искусстве.

— Вот это благодородная сделка, — ответила она, и глаза ее загорелись жадностью. — Такую только с абба-

том и заключишь. Но, милорд, говорят, в обители появляется призрак, а призраков я боюсь. Мужчина или женщина, с кольями или без них, матушке Камбале все равно, но призраков не хочу ни за что. Да и миссис Стоуэр — ведьма и может околдовать меня, а монашки полны всяких причуд и могут своими молитвами свести честную душу в могилу.

— Ну, ну, у меня мало времени. Чего вам нужно? Выкладывайте

— Постоялый двор у брода — вашей милости в следующем месяце понадобится съемщик. Это хороший, доходный дом для тех, кто умеет держать язык за зубами и не смотреть, куда не надо, а после страшного скандала и злостной клеветы, которая пошла из-за ребенка Смитовой дочки, мои дела идут не так, как раньше. Так вот, если бы мне получить его и не платить арендной платы первые два года, чтобы у меня хватило времени наладить дело.

Аббат больше не мог выносить этой особы; он поднялся со стула и резко сказал:

— Я буду помнить. Да, обещаю. А теперь ступайте; преподобная мать извещена о том, что вы к ней явитесь. И докладывайте мне каждое утро и вечер об этом деле. Послушайте, что это вы делаете? — вскричал он, потому что она вдруг упала на колени и вцепилась в его одежды своими толстыми и грязными пальцами.

— Отпущения, святой отец: я прошу отпущения и благословения — рах Meggiscum¹ и так далее.

— Отпущения? Нечего отпускать.

— Нет, милорд, есть что отпускать, но хотелось бы знать, вам-то кто отпустит вашу долю греха? Мне иногда по ночам не дают спать сонмы ангелочков, вот почему я не выношу призраков. Я уж лучше зимой буду пить за ужином слабый холодный эль и есть непрожаренную свинину, только бы мне не встретиться с призраком даже мертворожденного ребенка

— Вон отсюда! — произнес аббат таким голосом, что она поднялась на ноги и ушла, не получив отпущения и благословения.

Когда за ней закрылась дверь, он подошел к окну и, хотя ночь была бурной, распахнул его настежь.

¹Бабка Меггс переименовывает на свой лад латинское рах vobiscum («мир вам»).

— Святые угодники! — пробормотал он. — Эта гнусная убийца отравляет воздух. Как это господь терпит на земле подобные существа? Разве она не может заниматься своим адским ремеслом не так нагло? О! Клемент Мальдонадо, как низко ты пал, если вынужден пользоваться подобным орудием и для таких дел! Однако другого выхода нет. Не для меня, а ради церкви, о господи! Великий заговор разрастается, и все люди обращаются ко мне, его вдохновителю и организатору, за деньгами. Денег, только денег — и не пройдет и шести месяцев, как поднимется Йоркшир и Северные графства, не пройдет и года, как антихрист Генрих погибнет, а принцесса Мария¹ будет прочно сидеть на троне с императором и папой в качестве сторожевых псов. Упрямая Сайсели должна умереть, и ее ребенок должен умереть, а потом я вырву тайну драгоценностей из уст этой ведьмы Эмлин — даже на дыбе, если понадобится. Не один раз видел я эти драгоценности; на них можно прокормить целую армию; но, пока жива Сайсели и ее отродье, как мне их получить? Поэтому, увы! Они должны умереть, но — горе! — старая карга права. Кто даст мне отпущение за дело, которое мне самому мерзко? Не для себя, не для себя, о мой заступник, а ради церкви! — И, распростершись на полу перед изображением святого, которого он считал своим покровителем, уткнувшись головой ему в ноги, аббат зарыдал.

Глава X

БАБКА МЕГГС И ПРИЗРАК

Меггс-Камбала водворилась со всеми принадлежностями своего ремесла в обители, в качестве повивальной бабки при Сайсели. Устроилось это, правда, не без труда, ибо Эмлин, которой хорошо известна была печальная слава этой женщины и которая подозревала, что от нее можно ожидать самого худшего, изо всех сил противилась ее водворению; однако тут мягко, но реши-

¹ Принцесса Мария. Имеется в виду дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской Мария Тюдор, ярая католичка, лишенная прав на престол после развода родителей.

тельно вмешалась настоятельница. Она признала, что и ей не особенно по сердцу эта особа, которая так странно выглядит, так быстро говорит и пьет столько пива. Однако, по наведенным справкам, выяснилось, что она очень искусна в подобного рода делах. Уверяли, что она достигала полного успеха в исключительно трудных случаях, от которых лекарь отказывался, как от безнадежных, хотя, конечно, бывали и такие, когда ей ничего не удавалось сделать. Но обычно — так передавали настоятельнице — это происходило с бедняками, не имевшими возможности хорошо заплатить. В данном же случае вознаграждение будет щедрое, ибо мать Матильда обещала ей большую сумму из своих личных средств, а кроме того, раз врач-мужчина не мог быть допущен сюда, где было искать другого знающего человека? Ни она сама, настоятельница, ни другие монахини для этого не годились, ибо никто из них не был замужем, кроме старой Бриджет, полоумной и уже давным-давно обо всем этом позабывшей. Не могла помочь и Эмлин, которая была почти девочкой, когда у нее родился ребенок, а с той поры уже не рожала. Так что и выбора-то не было.

Эмлин пришлось сдаться на эти доводы, хотя она и не доверяла толстой противной бабке, которая с первого же взгляда не понравилась и бедняжке Сайсели. Однако страх заставил Эмлин смириться и обращаться со старухой вежливо: не то она, пожалуй, не захочет постараться ради ее госпожи. Поэтому Эмлин, как раба, выполняла все ее прихоти, сдабривала ей пряностями пиво, стелила постель и даже безропотно выслушивала ее гнусные шуточки и болтовню.

Наконец все совершилось, и ребенок, красивый и крепкий мальчуган, появился на свет. И Камбала торжественно выставила его напоказ в корзинке, прикрытой овечьей шкурой, а Эмлин и мать Матильда, и все монахини целовали и благословляли его. И сразу же, во избежание какой-либо случайности (вот она, отеческая предусмотрительность аббата!) он был окрещен поджидавшим уже священником и наречен Джоном Кристофером Фотрелом. Джоном по деду, Кристофером по отцу, а фамилия Фотрел дана ему была потому, что аббат считая его незаконнорожденным, не желал, чтобы он именовался Харфлитом.

Итак, ребенок родился, и матушка Меггс божилась, что из двухсот трех ребят, появившихся с ее помощью на свет божий, он был самый лучший — по меньшей мере девяти с половиной фунтов весом Судя по тому, как он кричал и двигался, мальчуган был здоровый и жизнеспособный: когда он ухватился ручонками за толстые указательные пальцы Камбалы, она на глазах изумленных монашек приподняла его на этих своих пальцах, а затем выпила целую четверть сдобренного пряностями эля за его здоровье и долголетие.

Но если ребенок отличался жизнеспособностью, то Сайсели близка была к смерти Она чувствовала себя очень, очень худо и, возможно, не выжила бы, но Эмлин пришла в голову хорошая мысль. Ибо, когда Сайсели стало совсем плохо, а Камбала, качая головой и заявляя, что она уже ничего сделать не может, ушла выпить неизменного эля и подремать, Эмлин подкралась к своей госпоже и взяла в свои руки ее холодную руку

— Дорогая, — произнесла она, — послушай, что я скажу. — Но Сайсели не шелохнулась. — Дорогая, повторила она, — выслушай меня, я кое-что слышала о твоём муже.

Бледное лицо Сайсели слегка шевельнулось на подушке, и синие глаза ее открылись.

— О моем муже? — прошептала она — Ведь его нет в живых, да и меня скоро не будет. Что ты могла о нем слышать?

— Он не умер, он жив, по крайней мере я так думаю, хотя доселе скрывала это от тебя

Голова Сайсели на мгновение приподнялась, а глаза уставились на Эмлин с радостным удивлением

— Ты морочишь меня, няня? Нет, ты бы этого никогда не сделала. Дай мне молока, теперь я буду пить. Послушаю, что ты скажешь, и обещаю, что не умру, пока ты не поведаешь всего. Если Кристофер жив, то и мне незачем умирать. Ведь я только одного хотела — соединиться с ним.

И Эмлин шепотом рассказала ей все, что знала Это было немного, только то, что Кристофер не был погребен в могиле, куда его якобы положили, что он, раненый, был перенесен на корабль «Большой Ярмут» Об участи этого корабля Эмлин, к счастью, ничего не слышала. Как ни скудны были эти известия, на Сайсели они

подействовали, как волшебное лекарство, ибо разве не означали они возвращение надежды, — надежды, которая девять долгих месяцев была мертва и, казалось, погребена вместе с Кристофером? С этого мгновения Сайсели стала поправляться.

Когда Камбала, отоспавшись после пьянства, вернулась к постели больной, она изумленно уставилась на нее и пробормотала что-то насчет колдовства, так уверена была она, что Сайсели умрет: в те времена подобным образом погибали многие женщины, попавшие в такие же руки. По правде сказать, для нее это было горьким разочарованием, ибо она знала, что тот, кому она служила, хотел этой смерти; теперь он, чего доброго, едаст постоянный двор у брода кому-нибудь другому. Да к тому же еще и ребенок был не заморыш, а существо вполне жизнеспособное. Ну, тут уж она сумеет поправить дело, а если все произойдет быстро, то и мать, пожалуй, помрет с горя. Однако сделать это будет труднее, чем кажется на первый взгляд: за ребенком-то следит много любящих глаз.

Когда она заявила, что возьмет его на ночь к себе в постель, Эмлин яростно воспротивилась. Обратилась к настоятельнице, и та, зная, что бабка пьет, и наслышавшись об участии ребенка Смитов и многих других, приказала не отдавать ей мальчика. Так как мать была еще слишком слаба, чтобы взять его к себе, ребенка уложили рядом с нею, в колыбельке. И постоянно днем и ночью одна, а то и несколько ласковых монахинь стояли у изголовья колыбельки, словно ангелы-хранители. И питала его сама природа, ибо с первого же дня Сайсели давала ему грудь, так что бабка не могла примешать к молоку ничего такого, что заставило бы мальчика заснуть навеки.

Так и шли день за днем, и сердце бабки Меггс разрывалось от ярости и, можно сказать, отчаяния, пока, наконец, не выпал случай, которого она ждала. В один прекрасный вечер, когда монахини ушли к вечерне (но не в часовню, ибо с тех пор, как распространились слухи о привидении, они избегали этого места в сумерки), Сайсели, к которой возвращались силы, попросила Эмлин переодеть ее и перестелить ей постель. А ребенка поручили сестре Бриджет, души в нем не чаявшей, и велели ей погулять с ним по саду, ибо дождь прошел и вечер

был приятный и теплый. Она и пошла в сад, но по дороге ее перехватила Камбала. Все думали, что бабка спит, на самом же деле она пошла следом за Бриджет, а придурковатая монашка ее очень боялась.

— Ты что делаешь с моим младенчиком, дура старая? — закричала она, почти вплотную приблизив лицо к лицу Бриджет. — Уронишь его, а ругать станут меня. Отдавай-ка мне ангелочка, не то я перешибу тебе нос. Давай, говорю, и убирайся подобру поздорову

Старая Бриджет, растерянная и перепуганная, отдала ей ребенка и побежала прочь. Но затем, немного успокоившись или повинувшись какому-то безотчетному чувству, возвратилась, спряталась за кустами сирени и стала наблюдать.

Увидела она, что Камбала оглянулась по сторонам, желая убедиться, что за ней не следят, и зашла с ребенком в часовню. Послышался звук задвигаемого засова. Бриджет как она впоследствии рассказывала, очень испугалась, сама не зная чего, и какое-то внезапное побуждение заставило ее подбежать к окну алтаря, взобраться на стоявшую под ним тачку и заглянуть в часовню. И вот что ей довелось увидеть.

Бабка Меггс стояла на коленях в алтаре, и монахиня сперва подумала, что она молится. Но тут луч заходящего солнца осветил часовню, и Бриджет заметила, что на плиточном полу перед бабкой лежит ребенок и что чертовка засовывает свой толстый указательный палец ему в горло, так что личико у него уже почернело, а бабка при этом что-то дико бормочет. Застыв на месте от ужаса, Бриджет не смогла ни двинуться, ни крикнуть.

И вот, пока она стояла, словно окаменевшая, внезапно появилась какая-то мужская фигура в ржавых доспехах. Камбала подняла глаза, увидела ее и, вытащив палец из горла ребенка, принялась отчаянным голосом вопить. Человек, не говоря ни слова, вынул из ножен меч и поднял его, а детоубийца между тем кричала:

— Призрак! Призрак! Пощадите меня, сэр Джон, я бедная женщина, а он мне заплатил. Пощадите меня Христа ради!

С этими словами она без сознания упала на пол, стала корчиться, извиваться и наконец затихла.

Тогда человек или же призрак взглянул на нее, вложил меч в ножны и, подняв с полу ребенка, который теперь снова стал дышать и кричать, направился с ним вон из часовни. Затем до сознания Бриджет дошло, что он стоит перед ней и протягивает ей ребенка. Лица его она видеть не могла, так как забрало было опущено, но услышала глухой голос, говоривший

— Это дар небес леди Харфлит. Скажи ей, чтобы она не ведала страха, ибо одного дьявола я уже скосил, а другие созрели для жатвы.

Бриджет взяла ребенка и упала наземь, и в то же мгновение монашки, встревоженные отчаянными воплями Меггс, ворвались во главе с матерью Матильдой через боковой проход. Они тоже увидели мужскую фигуру и узнали на шлеме и щите герб Фотрелов. Но призрак не заговорил с ними, а скрылся за деревьями и исчез.

Прежде всего они позаботились о ребенке, которого, как они думали, этот человек намеревался похитить. Затем, убедившись, что ничего худого с ним не случилось, стали расспрашивать старуху Бриджет, но от нее невозможно было добиться толку: она только бормотала что-то, указывая сперва на тачку, а затем на окно алтаря. Под конец мать Матильда поняла, в чем дело, и, взобравшись на тачку, заглянула по примеру Бриджет в окно. Заглянула, увидела и без чувств упала навзничь.

Прошел час. У ребенка не оказалось серьезных повреждений — только незначительные царапины и кровоподтеки вокруг нежного ротика, — и он заснул на материнской груди. Бриджет пришла в себя и наконец рассказала всю историю всем, кроме Сайсели, которая так ничего еще и не знала, ибо ее и Эмлин комната находилась в противоположном конце здания, и они не слышали криков.

Послали за аббатом, и он явился в сопровождении своих монахов, как раз когда разразилась гроза и полил ливень. Он тоже выслушал рассказ — лицо его было бледно; монахи в ужасе творили крестное знамение. Под конец он спросил о Меггс. Ему ответили, что, живая или мертвая, она еще, видимо, в часовне, куда никто пока не решился войти.

— Пойдем поглядим, — сказал аббат. Когда подо-

шли к часовне, дверь, как и передавала Бриджет, оказалась запертой изнутри.

Послали за кузнецами, которые принялись ломать засов. Все прочие стояли под дождем и ждали. Наконец дверь была открыта, и все во главе с аббатом вошли в часовню с факелами и свечами, так как теперь уже совсем стемнело. На полу у алтаря что-то лежало. Когда это место было освещено факелами, все увидели нечто такое, от чего бросились бежать прочь, призывая на помощь всех святых. И при жизни бабка Меггс не отличалась привлекательностью, но после того как ее постигла такая смерть. .

Наступило утро. Лорд-аббат со своими монахами собрались в приемной, а против них сидели леди-настоятельница и монахини. Тут же находилась и Эмлин.

— Колдовство! — закричал аббат, стуча кулаком по столу, — черное колдовство! Сам сатана и злейшие его демоны блуждают по округе и ютятся в вашей обители. Минувшей ночью они себя показали. .

— Тем, что спасли ребенка от жестокой смерти и покарали мерзкую убийцу, — прервала его Эмлин.

— Молчи, ведьма! — закричал аббат — Отыди от меня, сатана. Знаю я тебя и твоих присных! — При этих словах он взглянул на настоятельницу.

— Что вы имеете в виду, милорд аббат? — вызывающе спросила мать Матильда. — Я и мои сестры вас не понимаем. Эмлин Стоуэр права. Можно ли называть колдовством то, что завершилось ко благу? Да, призрак сэра Джона Фотрела появился здесь, и мы все его видели. Но что он сделал? Уничтожил злодейку, которую вы к нам подослали, и спас невинного младенца, когда она уже засунула ему в горло палец, чтобы прервать его невинную жизнь. Если это колдовство, так я тоже ведьма. Скажите-ка, на что эта негодяйка наметала, когда молила призрак пощадить ее, вопя, что она бедная женщина, которую подкупили совершить злодеяние? Кто подкупил ее, милорд аббат? Даю клятву, что у нас в обители — никто. А кто превратил сэра Джона Фотрела из живого человека в духа? Почему он теперь призрак?

— Я здесь не для того, чтобы загадки разгадывать,

женщина. А ты кто такая, чтобы задавать мне подобные вопросы? Тебя я смещаю, а на всю твою обитель налагаю отлучение. Приговор церкви решит вашу участь. Не осмеливайтесь переступить за порог вашего дома, пока не соберется трибунал, который будет вас судить. И не рассчитывайте, что вам удастся спастись. Англия ваша прогнила и повсюду растекается ересь; но, — добавил он, понизив голос, — огонь еще жжет, а в лесу много хвороста. Пусть души ваши приготовятся к суду. Теперь же мне пора идти.

— Делайте, что вам угодно, — ответила разъяренная мать Матильда. — Когда нам предъявят обвинение, мы будем держать ответ. А пока просим вас забрать останки вашей наймитки, мы не желаем находиться в ее обществе, и у нас она не обретет погребения. Милорд аббат, хоть вы и ваши предшественники присвоили себе не принадлежащие вам права, но грамота на основание нашей обители дана королем Англии. Утверждена она Эдуардом Первым, и с того дня только сам король, и никто другой, может подписывать назначение настоятельницы. А мое подписано собственноручно Генрихом Восьмым. Вы меня сместить не можете; на аббата я пожалуюсь королю. Прощайте, милорд. — С этими словами она, в сопровождении своей свиты из пожилых монахинь, выплыла из комнаты, как оскорбленная королева.

Когда после ужасной гибели детоубийцы ребенка передали матери невредимым, Сайсели быстро поправилась. Через неделю она уже встала и начала ходить, а через десять дней была уже совсем здорова, здоровее, чем когда-либо. Насчет аббата ничего не было слышно, и хотя все знали, что с его стороны по-прежнему грозит опасность, радовались краткой передышке до нового громового удара.

Однако в пробудившемся уме Сайсели возникло острое желание побольше узнать о том, на что намекала ее кормилица, когда она лежала на смертном одре. День за днем донимала она Эмлин расспросами, пока не выпытала все, а именно, что новость исходила от Томаса Болла и что это он, облаченный в доспехи ее отца, спас ребенка от гибели. Теперь она во что бы то ни стало пожелала сама увидеть Томаса, уверяя, что хочет поблагодарить его. Но Эмлин хорошо понимала,

что Сайсели надо услышать из его собственных уст все обстоятельства и все подробности того, что можно узнать насчет Кристофера.

Некоторое время Эмлин противилась этому, ибо хорошо понимала, какую опасность представила бы подобная встреча. Но она не в состоянии была отказать в чем-либо своей госпоже и под конец уступила.

В назначенный час, на закате солнца, Эмлин и Сайсели зашли в часовню. Сайсели сказала монахиням, что хочет поблагодарить бога за избавление от стольких опасностей. Они преклонили колени перед алтарем и, делая вид, что молятся, услышали стуки — сигнал, означавший, что Томас Болл прибыл. Эмлин постучала в ответ — это значило, что все в порядке, после чего деревянная фигура повернулась, и перед ними предстал Томас, одетый, как и раньше, в доспехи сэра Джона Фотрела. На мгновение Сайсели показалось, что она видит покойного отца — так похож был на него Томас в этой столь знакомой ей броне, — и ноги ее подкосились.

Но Томас преклонил перед ней колено, поцеловал ей руку, осведомился о здоровье ее мальчика и спросил, довольна ли она тем, как он ей служит.

— Да, тысячу раз да, — ответила она — О друг мой, теперь я нищая пленница, но если ко мне вернется мое достояние, все, что я имею, будет принадлежать тебе. А пока я благословляю тебя, и да будет над тобою благословение божие, благородный человек!

— Не благодарите меня, леди, — ответил честный Томас. — По правде-то говоря, служил я Эмлин, ибо мы много лет были друзьями, хотя монахи и разлучили нас. А что касается ребенка и этого чертова отродья, Камбалы, то благодарите бога, а не меня, ведь я вовсе не собирался появиться в тот вечер и оказался в часовне лишь случайно. Я намеревался идти за скотом, и тут мне что-то словно шепнуло, чтобы я надел доспехи и появился в часовне. Меня словно какая-то рука толкала, а остальное вы сами знаете. Полагаю, что теперь бабка Меггс тоже знает, — мрачно добавил он.

— Да, да, Томас, я и благодарю бога, чей перст вижу во всем этом деле, как благодарю тебя, его орудие. Но есть и другие вещи, о которых мне говорила

Эмлин. Она сказала, ах, она сказала, что мой муж, которого я считала убитым и погребенным, на самом деле был только ранен, и его не похоронили, а отправили за море. Расскажи мне все об этом, ничего не опуская, но побыстрее, — времени у нас мало. Я хочу все узнать из твоих собственных уст

И вот, путаясь и запинаясь по своему обыкновению, он поведал ей слово в слово все, что сам видел и что узнал от других. Сводилось же это к тому, что сэра Кристофера увезли за границу на «Большом Ярмуте», тяжело раненного, но не мертвого, и что вместе с ним отправились Джеффри Стоукс и монах Мартин.

— С тех пор прошло десять месяцев, — сказала Сайсели. — Неужто о корабле не было никаких известий? Он ведь мог бы уже возвратиться обратно.

Немного поколебавшись, Томас ответил:

— Из Испании никаких известий не приходило. Затем, хотя я даже Эмлин ничего об этом не говорил, прошел слух, что корабль погиб со всем своим экипажем. А потом рассказывали другое.

— Что же именно?

— Леди, двое из его команды прибыли в Уош. Я сам их не видел, и они опять пошли в плавание — в Марсель во Францию. Но я беседовал с пастухом, сводным братом одного из них, и тот рассказал мне, что слышал от него, будто на «Большой Ярмут» напали два турецких пиратских корабля и захватили его после славного боя, в котором капитан и многие другие были убиты. Этот человек с товарищем сумели бежать в шлюпке и дрейфовали по морю туда и сюда, пока идущая на родину каравелла не подобрала их и не доставила в Гулль. Вот все, что я знаю, кроме еще одного.

— Еще одного? Чего же, Томас? Что мой муж погиб?

— Нет, нет, как раз наоборот, что он жив, или был жив, ибо эти люди видели, как он, и Джеффри Стоукс, и священник Мартин — он, я хорошо знаю, — не трус — дрались, как черти, пока турки не одолели их численностью, не связали им рук и не перетащили всех троих невредимыми на свои корабли, намереваясь, видимо, превратить таких храбрых парней в рабов.

Хотя Эмлин и старалась остановить Сайсели, та стала забрасывать Томаса вопросами, на которые он

отвечал, как мог, пока, наконец, до его ушей не долетел какой-то необычайный звук.

— Взгляните на окно! — вскричал он.

Они взглянули, и кровь застыла у них в жилах: сквозь стекло смотрело на них темное лицо аббата, а рядом с ним виднелись и другие лица.

— Не выдавайте меня, не то я буду сожжен, — прошептал Томас. — Скажите им только, что вам привиделся призрак, — неслышно, как тень, он скользнул в свою нишу и исчез.

— Что теперь делать, Эмлин?

— Только одно — Томаса надо спасти. Держаться смело и стоять на своем. Не твоя вина, что дух твоего отца появляется в часовне. Помни, только дух его, и ничего больше. А, вот и они!

При этих ее словах дверь широко распахнулась и в часовню ворвались аббат и с ним вся толпа его служителей. В двух шагах от обеих женщин они остановились, тесно прижавшись друг к другу, словно роящиеся пчелы — так им было страшно, и только один голос крикнул: «Хватайте ведьм!»

У Сайсели прошел всякий страх, и она смело обратила к ним лицо.

— Что вам от нас нужно, милорд-аббат? — спросила она.

— Мы хотим знать, колдунья, — что за существо сейчас говорило с тобой и куда оно девалось?

— Это был тот же, кто спас мое дитя и призвал меч господень на голову убийцы. На нем были доспехи моего отца, но лицо его осталось скрытым. Он исчез, как и появился, куда — я не знаю. Узнайте это сами, если можете.

— Женщина, ты над нами смеешься. Что это существо говорило тебе?

— Оно говорило об убийстве сэра Джона Фотрела у Королевского кургана и о тех, кто совершил это злодеяние, — и она пристально посмотрела на аббата, так что тот опустил глаза.

— А еще что?

— Оно сообщило мне, что муж мой жив и что вы не похоронили его, как уверяли меня, а отправили его в Испанию. И оно предрекло, что он возвратится оттуда, чтобы отомстить вам. Оно поведало мне, что моего мужа

взяли в плен мавры, а с ним Джеффри Стоукса, слугу моего отца, и священника Мартина, вашего секретаря. Затем оно подняло взор и исчезло или же нам показалось, что оно исчезло, хотя, может быть, оно еще находится среди нас.

— Да, — ответил аббат, — сатана, с которым вы тут беседовали, всегда среди нас. Сайсели Фотрел и Эмлин Стоуэр, вы обе — зловредные ведьмы, в чем сами признались. Слишком долго терпел мир божий ваши колдовские дела, теперь же вы ответите за них перед богом и людьми, ибо мне, лорду-настоятелю Блосхолмского аббатства даны право и власть заставить вас это сделать. Схватите этих ведьм и заточите их в комнате, где они живут, пока я не соберу церковный трибунал, который будет их судить.

Сайсели и Эмлин схватили и повели в обитель. Когда они шли через сад, им повстречались мать Матильда с монахинями; те уже второй раз в этом месяце выбегали узнать, что за шум поднялся в часовне.

— Что еще случилось, Сайсели? — спросила настоятельница

— Теперь мы, оказывается, ведьмы, матушка, — ответила она с грустной улыбкой.

— Да, — вмешалась Эмлин, — и обвиняют нас в том, что дух убитого сэра Джона Фотрела будто бы говорил с нами.

— Что, что? — вскричала настоятельница. — Разве можно объявлять ведьмой женщину только за то, что ей явился дух ее отца? Может быть, и бедная сестра Бриджет ведьма? Ведь тот же призрак передал ей ребенка?

— Верно, — сказал аббат — Я об ней забыл. Она из той же шайки, ее тоже надо схватить и заточить. Надеюсь всей душой, что, когда наступит час суда, других ведьм обнаружить не придется, — и он угрожающе взглянул на бедных монашек.

Итак, Сайсели и Эмлин заточены в своей комнате, и монахи бдительно стерегли их, но дурному обращению они не подвергались. В их положении мало что изменилось, за исключением того, что теперь они сидели под замком. Ребенок находился при Сайсели, и монахиням разрешено было навещать пленниц.

И все же над ними обеими нависла мрачная тень

тяжкой беды. Они хорошо сознавали — и казалось, им даже все время стараются напоминать об этом, — что их ожидает суд и смертная казнь по чудовищному и гнусному обвинению, будто они общались с неким темным и страшным созданием, именовавшимся врагом рода человеческого, ибо все верили, что люди наделены властью вызывать его к себе, чтобы он давал им советы и помогал во всех делах. Но они-то сами хорошо знали, что то был Томас Болл, и все случившееся казалось им нелепостью. Однако не приходилось отрицать, что назначенный Томас, по наущению Эмлин, причинил босхольмским монахам немало зла, отплатив им или, вернее, их настоятелю, его же монетой. Но что было делать? Раскрыть правду означало предать Томаса жестокой участи, которую и им самим, вероятно, пришлось бы разделить, хотя, может быть, они очистились бы от обвинения в колдовстве.

Эмлин изложила все эти соображения Сайсели, не высказавшись ни за ни против, и ждала ее решения. Оно и последовало — скорое и окончательное.

— Этого узла нам все равно не развязать, — сказала Сайсели. — Не станем никого выдавать и доверимся воле божьей. Я уверена, — добавила она, — что бог нам поможет, как помог, когда бабка Меггс едва не удавила моего мальчика. Не хочу я защищаться за счет других. Пускай бог решает.

— Со многими, кто вверялся богу, случались странные вещи. Все зло мира тому свидетельство, — неуверенно промолвила Эмлин.

— Может быть, — ответила с обычным своим спокойствием Сайсели, — потому только, что верили недостаточно и не так, как нужно. Как бы то ни было, но этот путь я избираю и пойду по нему — хоть в огонь, если придется.

— В тебе как будто заложены семена душевного величия, но что из них вырастет? — ответила Эмлин, пожимая плечами.

На следующий же день вера Сайсели подверглась жестокому испытанию. Аббат явился поговорить наедине с Эмлин. Пел он все ту же песню.

— Отдайте мне драгоценности, и тогда с тобой и с твоей госпожой все еще может обойтись по-хорошему. А не то пойдете на костер.

Как и раньше, она стала уверять, что ничего о них не знает.

— Найдите драгоценности или вы будете сожжены, — ответил он — Неужели какие-то жалкие камешки вам дороже жизни?

Тут Эмлин поколебалась, хоть и не ради себя, и сказала, что поговорит со своей госпожой

Он велел ей сделать это поскорее.

— Я думала, драгоценности погибли в огне. Эмлин, разве ты знаешь, где они находятся? — спросила Сайсели.

— Да, тебе я ничего не говорила, но знаю. Скажи только слово, и я отдам их, чтобы тебя спасти.

Сайсели призадумалась, поцеловала ребенка, которого держала на руках, потом громко рассмеялась и ответила:

— Нет, не будет так. Не разбогатеет этот аббат от моего добра. Я уже сказала тебе, что не на драгоценности я надеюсь. Сожгут меня или я буду спасена, только ему их не видеть.

— Хорошо, — сказала Эмлин, — я сама так думаю; я ведь говорила об этом лишь ради тебя. — И она пошла сообщить решение Сайсели аббату

Он явился в комнату к Сайсели разъяренный и угрозил обеим женщинам, что они будут отлучены от церкви, подвергнуты пытке, а затем сожжены. Но Сайсели, которую он пытался запугать, даже бровью не повела

— Что ж, пусть так и будет, — ответила она, — постараюсь все перенести, насколько хватит сил. Ничего об этих драгоценностях я не знаю, но если они и существуют, то принадлежат мне, а не вам, в колдовстве же я неповинна. Делайте свое дело, ибо я уверена, что конец ему будет совсем не такой, как вы думаете.

— Что! — вскричал аббат. — Значит, дух зла опять у тебя побывал, что ты так уверенно говоришь! Ладно, колдунья, скоро ты у меня запоешь по-другому! — И, подойдя к двери, он велел вызвать настоятельницу

— Посадить этих женщин на хлеб и на воду, — сказал он, — и подготовить их к дыбе, чтобы они выдали своих сообщников.

Но доброе лицо матери Матильды приняло непреклонное выражение.

— У нас в обители этого не будет, милорд аббат Закон мне известен, вам такая власть не дана. И более того, если вы их отсюда возьмете — они ведь мои гости, — я обращусь с жалобой к королю, а пока что подниму против вас всю округу

— Разве я не прав, что у них имеются сообщники? — злобно усмехнулся аббат и ушел восвояси

Но о попытке разговор больше не поднимался. Угроза пожаловаться королю пришлась аббату не по вкусу.

Глава XI

СУД И ПРИГОВОР

Настал день суда. Еще с рассвета Сайсели и Эмлин видели, как через ворота обители снует народ, и слышали, как рабочие устраивают все, что нужно, в парадном зале под самой их комнатой. Около восьми часов одна из монашек принесла им завтрак. Лицо у нее было бледное, испуганное. Говорила она шепотом и все время оглядывалась, словно думая, что за ней следят.

Эмлин спросила, кто будет их судить, и монахиня ответила:

— Аббат, какой-то чужой темнолицый приор¹ и старый епископ. О сестры мои, да поможет вам бог, да защитит он всех нас! — И с этими словами она скрылась.

Тут мужество на миг оставило Эмлин, ибо на что они могли рассчитывать перед таким трибуналом? Аббат был их самым беспощадным врагом и обвинителем, чужой приор — кто-нибудь из его друзей, — одного с ним поля ягода. Что же касается духовного лица, прозванного «Старым епископом», то он был известен как самый, может быть, жестокий человек в Англии, бич еретиков — до того времени, как ересь вошла в моду,² — охотник за ведьмами и колдунами. К тому же все знали, что ради своей выгоды он готов был пойти на что

¹ Приор — настоятель небольшого католического монастыря, подчиненный аббату

². до того времени, как ересь вошла в моду... — Католики рассматривали реформацию церкви как ересь.

угодно. Но Сайсели она ничего не сказала, — да и зачем? Та и сама все скоро узнает.

Они поели, хорошо сознавая, что силы им понадобятся. Затем Сайсели покормила ребенка и, передав его Эмлин, преклонила колени, чтобы помолиться. Она еще не кончила, когда дверь распахнулась и появилось целое шествие. Сперва шли два монаха, потом шесть вооруженных людей из стражи аббата, потом настоятельница с тремя монахинями. При виде юной красавицы, преклонившей колени для молитвы, даже стражники, эти грубые люди, остановились, словно не решаясь помешать ей. Но один из монахов беззастенчиво закричал

— Хватайте эту проклятую лицемерку, а если она не пойдет по доброй воле, тащите ее насильно. — И он протянул руку, словно намереваясь схватить ее за плечо.

Но Сайсели поднялась и, глядя ему прямо в лицо, сказала:

— Не дотрагивайтесь до меня. Я следую за вами. Эмлин, передай мне ребенка и пойдём

И так они двинулись, окруженные стражей; впереди шли монахи, а позади — опустив головы — монахини. Вот вступили они в парадный зал, но у порога им велели остановиться, пока не освободят проход.

Сайсели никогда потом не забывала, каким пришлось ей увидеть этот зал. Высокий сводчатый потолок из орехового дерева, наведенный сотни лет назад руками, не жалевшими ни труда, ни материала, и между балками потолка лучи утреннего солнца, игравшие так ярко, что она могла различить даже паутину с угодившей в нее вялой осенней осой. Она помнила и толпу собравшихся поглядеть, как она публично предстанет перед судом, а ведь многих из этих людей она знала еще с детства.

Как смотрели они на нее, стоящую у подножия лестницы с уснувшим ребенком на руках! Все это были нарочно подобранные люди, подготовленные к тому, чтобы осудить ее — это она могла и видеть и слышать! Ведь кое-кто из них указывал на нее пальцами, хмурился, пытался кричать. «ведьма»! — как им было велено. Но криков этих никто не подхватил. Когда они увидели ее, дочь Фотрела, жену Харфлита, знатных людей округи, стоящую перед ними во всем блеске своей прелести и невинности, с дремлющим у ее груди младенцем, их это

словно сразило даже на самых суровых лицах проступила жалость, а на некоторых и гнев, только не против нее.

Затем ей бросились в глаза трое судей за большим столом, у которого устроились и секретари из монахов. Посредине «старый епископ» с жестоким лицом и крючковатым носом, в пышном облачении и митре, пастырский посох его стоял позади, прислоненный к деревянным панелям стены, а сам он глядел прямо перед собой маленькими, похожими на бусины, глазками. Слева от него — угрюмого вида, с тяжелой нижней челюстью приор из какого-нибудь отдаленного графства, одетый в простую черную рясу с поясом вокруг талии. А справа Клемент Мэлдон, блосхолмский настоятель и враг ее дома, его чужеземное, оливково-смуглое лицо казалось любезным, черные быстрые глаза внимательно следили за всем, обостренный слух схватывал каждое слово, даже произнесенное шепотом, он что-то тихо сказал епископу, и тот мрачно улыбнулся в ответ. Наконец на огороженном веревкой месте под охраной стражника — несчастная, полубезумная старуха Бриджет, бормотавшая какие-то слова, на которые никто не обращал внимания.

Теперь проход расчистился, и им велели идти вперед. На полпути какое-то яркое пятно привлекло внимание Сайсели — это была рыжая борода Томаса Болла. Глаза их встретились, и в его взгляде она увидела страх. Ей сразу же стало понятно, он боится, что будет выдан и обречен на страшную пытку.

— Не бойся ничего, — шепнула она, проходя мимо. Он услышал или, может быть, по взгляду Эмлин понял, что ему ничего не угрожает, во всяком случае у него вырвался вздох облегчения.

Теперь они тоже вступили в огороженное веревкой пространство и там остановились.

— Ваше имя? — спросил один из секретарей, указывая на Сайсели своим гусиным пером.

— Всем известно, что меня зовут Сайсели Харфлит, — спокойно ответила она; писец грубо ответил, что она лжет, и тут опять разгорелся старый спор о законности ее брака, причем аббат настаивал на том, что она по-прежнему Сайсели Фстрел, мать незаконнорожденного ребенка.

Епископ проявил к этому некоторый интерес, стал задавать вопросы и даже склонялся скорее на ее сторону, ибо, когда дело касалось религии, он хорошо разбирался в законах и старался быть справедливым. Впрочем, под конец он от этого вопроса отмахнулся, довольно грубо заметив, что если хоть половина того, что он о ней слышал, — правда, для нее вскоре уже не будет иметь значения, каким именем она звалась при жизни, и велел писцам именовать ее Сайсели Харфлит или Фотрел.

Затем сказала свое имя Эмлин, а сестру Бриджет записали безо всяких вопросов. Потом прочитали обвинительное заключение, очень длинное, полное технических терминов, отдельных слов и целых фраз по-латыни. И из всего этого Сайсели поняла, что их обвиняют в разных ужасающих преступлениях, в том, что они вызывали дьявола и он являлся к ним в образе чудовища с рогами и копытами, а также в образе ее покойного отца. Когда обвинительное заключение было прочитано, им велели отвечать, и они заявили о своей невинности. Вернее, — заявили только Сайсели и Эмлин, ибо Бриджет начала что-то очень длинно рассказывать, и понять ее было невозможно. Ей велели умолкнуть, после чего на речи ее уже никакого внимания не обращали.

Тут епископ спросил, были ли эти женщины подвергнуты пытке, и, получив отрицательный ответ, выразил по этому поводу сожаление: ведьмы, сказал он, явно очень упорные, и, подвергнув их некому дисциплинарному воздействию, можно было бы избежать лишней возни. Спросил он также, были ли обнаружены у них на теле колдовские знаки, то есть места, где дьявол поставил свою печать и где, как известно, избранники его не ощущают боли. Он даже поднял вопрос о том, чтобы судебное разбирательство было отложено, пока ведьм не исколют булавками, чтобы найти колдовские знаки, но в конце концов отказался от своего предложения, дабы не терять времени.

Последний вопрос был поднят хмурым приором, который высказал мнение, что ребенка тоже следует обвинить, ибо и он ведь, по-видимому, общался с дьяволом: говорят же, что от смерти его спас дьявол, который взял его на руки и передал монахине Бриджет — это к тому же единственное свидетельство против означенной Брид-

жет Если она виновна, то как может быть невинным ребенок? Не следует ли их сжечь вместе, ибо очевидно же, что младенец, которого нянчил сам дух зла, проклят богом.

Законник-епископ признал этот довод интересным, но в конце концов решил, что безопаснее будет пренебречь им, приняв во внимание младенческий возраст преступника. Он добавил, что значения это не имеет, ибо можно не сомневаться, что гнусный враг рода человеческого вскоре сам предъявит права на свое добро.

Под конец, перед вызовом свидетелей, Эмлин потребовала адвоката, который бы взял на себя их защиту, но епископ, усмехнувшись, ответил, что в этом нет никакой нужды, ибо у них и так имеется лучший из адвокатов — сам сатана.

— Верно, милорд, — сказала, подняв глаза, Сайсели, — у нас — лучший из адвокатов; только вы его неправильно назвали. Бог, защитник невинных — наш адвокат, и на него я полагаюсь.

— Не кощунствуй, колдунья! — закричал старик; и начался допрос свидетелей.

Передавать его во всех подробностях не стоит, да это и заняло бы слишком много времени — он тянулся несколько часов. Прежде всего обсуждались молодые годы Эмлин и очень подчеркивалось, что мать ее была цыганка, покончившая самоубийством, а отец осужден инквизицией, после того как публично сожгли написанный им еретический труд. Затем давал показания сам аббат; хотя таким образом он оказался одновременно и судьей и главным свидетелем, никому это не показалось странным, — ведь речь шла об обвинении в колдовстве. Он сообщил об иступленных речах Сайсели после сожжения Крануэл Тауэrsa, добавив, что она и ее сообщница Эмлин спаслись от пожара явно благодаря волшебству, иначе они никак не могли бы остаться в живых. Он рассказал о том, как Эмлин угрожала ему, после того как поглядела в сосуд с водой, и обо всех ужасных делах, которые совершались в Блосхолме и были несомненно вызваны этими ведьмами. В этом он был прав, хотя и не знал, как все это происходило на самом деле. Он поведал о гибели повивальной бабки, о том, какой у нее был вид после смерти — при этом все присутствующие содрогнулись от ужаса, — и наконец о появлении приз-

рака сэра Джона Фотрела, который общался с обвиняемыми в часовне обители, а затем бесследно исчез.

Когда он кончил свою речь, Эмлин попросила разрешения в свою очередь задать ему вопросы, но в этом ей было отказано на том основании, что лица, обвиненные в таких ужасных преступлениях, не имеют права на перекрестный допрос.

После этого заседание было прервано на обед. Обвиняемым тоже принесли пищу, но они вынуждены были есть там, где стояли. А хуже всего было то, что Сайсели пришлось и ребенка кормить при всей собравшейся толпе, которая глазела на нее, грубо издевалась и злилась, когда Эмлин и несколько монахинь окружили и заслонили Сайсели как бы живой ширмой.

Судьи возвратились, и снова начались показания свидетелей. Хотя большая часть этих показаний была совершенно несущественна, их набралось столько, что под конец старый епископ устал и заявил, что больше он ничего слышать не хочет. Тут судьи принялись задавать сперва Сайсели, а затем Эмлин вопросы такого гнусного рода, что, с негодованием отрицательно ответив на первые из них, они потом уже просто замолчали, отказываясь что бы то ни было отвечать, — явное доказательство их вины, как с торжеством отметил хмурый приор. Наконец запас этих омерзительных вопросов иссяк, и Сайсели задали последний — хочет ли она что-нибудь сказать в свою защиту.

— Да, я имею, что сказать, — ответила она, — но я устала и вынуждена говорить кратко. Я не ведьма и не понимаю, в чем меня обвиняют. Блосхолмский аббат, выступающий в качестве судьи, мой злейший враг. Он притязал на земли моего отца — теперь он наверно захватил их — и зверски умертвил у Королевского кургана в лесу упомянутого отца моего, когда тот ехал в Лондон, чтобы подать на него жалобу и раскрыть его измену перед его милостью королем и королевским советом.

— Лжешь, ведьма! — крикнул аббат, но Сайсели, не обратив на это внимания, продолжала: — Потом он и его вооруженные наемники напали на дом моего мужа, сэра Кристофера Харфлита, и сожгли его, умертвив или попытавшись умертвить — я не знаю точно его участи — несчастного супруга моего, который так и пропал без вести.

Потом он заточил меня и мою служанку Эмлин Стоуэр в этой обители и пытался принудить меня подписать бумаги, по которым к нему перешло бы мое и моего сына имущество. Я отказалась пойти на это, и именно потому он предал меня суду: говорят, что у осужденных за колдовство отнимают все их достояние, а завладевают им те, у кого хватит силы его удержать. Заявляю, наконец, что не признаю власти этого трибунала, и обращаюсь с жалобой к королю, который рано или поздно услышит мой вопль и отомстит за нанесенные мне обиды, а может быть и за мою смерть, тем, кто в них повинен. Услышьте эти слова мои, добрые люди! Я обращаюсь к королю и ему одному, после бога, вверяю свое дело, а если мне суждено погибнуть, то и опекунство над моим осиротевшим сыном, которого аббат тоже пытался убить, подослав свою наймитку, гнусную тварь, — да настигнет ее суд божий, как настигнет он и вас, убийцы ни в чем неповинных людей!

Так говорила Сайсели. И, кончив говорить, она, измученная усталостью и горем, упала на пол — ибо в течение всех этих долгих часов ей приходилось стоять на ногах, — да так и осталась лежать с ребенком на руках; жалостное это было зрелище, и тронуло оно даже суеверные души собравшихся здесь людей.

Однако ее слова о том, что она обращается с жалобой к королю, видимо, испугали злобного старого епископа. Он повернулся к аббату и затеял с ним какой-то спор. Сайсели прислушалась и уловила кое-что из его речей:

— Тогда пусть вся ответственность ложится на вас. Я сужу это дело лишь с церковной точки зрения и прикажу, чтобы в протоколах так и было записано. Что же касается приведения приговора в исполнение и вопроса об имуществе осужденной, то здесь я умываю руки. Занимайтесь этим сами

— Так говорил Пилат! — крикнула Сайсели, подняв голову и глядя ему прямо в глаза. Потом голова ее снова упала, и она замолкла.

Тут открыла рот Эмлин, и из него полился целый поток слов.

— А известно ли вам, — начала она, — кто такой и что из себя представляет этот испанский священник, который судит нас за колдовство? Послушайте-ка, я вам

скажу. Много лет назад он бежал из Испании, потому что натворил там гнусных дел. Спросите-ка его о монахине Изабелле, двоюродной сестре моего отца, о том, какой конец постиг ее и других, что были с нею. Спросите-ка его. .

В это время один монах, которому аббат что-то шепнул, подкрался к Эмлин сзади и накинул ей на голову покрывало. Но своими сильными руками она сорвала его и закричала

— Он убийца и предатель. Он замышляет убить короля. Я могу доказать это, Фотрел потому и погиб, что знал. . .

Аббат что-то крикнул, и снова монах, здоровенный парень, по имени Амброз, закрыл ей рот покрывалом. Она опять освободилась и, повернувшись к народу, закричала:

— Многим из вас я в свое время помогала. Неужто у меня друга не осталось? Неужто в Блосхолме нет никого, кто отомстит за меня этой скотине Амброзу? Кое-кто, верно, найдется!

Но тут Амброз, с помощью других монахов, набросился на нее, ударил по голове и стал трясти, пока она, задыхаясь, почти лишившись сознания, не упала на пол.

Быстро обменявшись несколькими словами со своими коллегами, епископ вскочил с места и в сумерках, сгущающихся в зале — ибо солнце уже зашло, — прочитал приговор суда.

Прежде всего он заявил, что обвиняемые найдены виновными в злостнейшем колдовстве. Затем он со всей подобающей торжественностью отлучил преступниц от церкви и отдал их души во власть сатаны, их господина. Под конец, как бы между прочим, он приговорил их тела к сожжению, не указав, однако, когда, кто и каким образом должен совершить казнь. В это мгновение из темноты раздался чей-то громкий голос:

— Ты превышаешь свою власть, поп, и посягаешь на права короля. Берегись!

Начался шум; одни кричали «верно», другие — «нет». Когда же все утихло, епископ или, может быть, аббат — разглядеть было невозможно — воскликнул:

— Церковь защищает свои права. Пускай король заботится о своих.

— Да он и позаботится, — ответил тот же голос. — Он уже показал это римскому папе. Монахи, ваша песенка спета.

Опять поднялся ужасающий шум. И, правда, вся эта сцена или, вернее, шум, царивший кругом, кому угодно могли показаться странными. Епископ со своего места вопил от ярости, словно курица, потревоженная ночью на насесте; хмурый приор мычал, точно бык; народ волновался и кричал то одно, то другое, секретарь требовал, чтобы ему дали свечу, а когда, наконец, ее принесли и она, как слабая звездочка, замерцала в густом мраке, он трубкой приставил руку ко рту и заорал.

— А как насчет этой Бриджет? Оправдать ее?

Епископ ничего не ответил. Казалось, он испугался тех сил, которые сам же развязал; но аббат крикнул секретарю.

— На костер старую ведьму вместе с другими! — И тот записал это решение в протокол.

Когда стража окружила трех осужденных, чтобы увести их, у перепуганного ребенка вырвался тонкий жалобный крик. А епископ и его спутники, предшествоваемые монахом со свечкой в руке — это как раз был Амброз, ударивший Эмлин, — целой процессией двинулись через зал к парадной двери.

Но не успели они дойти до нее, как свеча была вырвана из руки Амброза, воцарился полнейший мрак, а во мраке поднялась страшная суматоха. Раздавались вопли, шум борьбы, крики о помощи. Понемногу все стихло, зал начал пустеть, ибо ни у кого, по-видимому, не было желания там задерживаться. Зажгли факелы, и глазам оставшихся в зале предстало необычайное зрелище.

Епископ, аббат чужой приор лежали в разных местах избитые, окровавленные, одежды с них были сорваны, так что они оказались полуголыми; рядом с епископом валялся его разломанный посохом посох: похоже было, что и обломали его о голову самого епископа. Но хуже всего пришлось монаху Амброзу: он лежал, прислоненный к одному из столбов, поддерживающих свод; ноги его обращены были носками вперед, а лицо смотрело назад, ибо кто-то свернул ему шею, как гусю в Михайлов день.

Епископ огляделся по сторонам и почувствовал, как болят его раны. Потом он позвал свою свиту:

— Принесите мне плащ и подайте лошадь, хватит с меня Блосхолма и всех этих колдовских штук. Теперь вы уж сами распутывайте свои дела, аббат Мэлдон; мне в них что-то не везет, — и при этих словах он взглянул на свой сломанный посох.

Так закончился большой процесс блосхолмских ведьм.

Сайсели наконец заснула, и Эмлин оберегала ее сон. Так как никакого другого подходящего помещения не было, их опять отвели в прежнюю комнату, но теперь они находились там под вооруженной стражей, чтобы им не вздумалось бежать. Однако Эмлин хорошо сознавала, что на бегство рассчитывать нечего. даже если бы им и удалось выбраться из стен обители, как смогли бы они скрыться, не имея друзей себе в помощь, пищи, чтобы не умереть с голоду, и лошадей для дальнейшего путешествия? Не пройдя и мили, они оказались бы настигнутыми погоней. К тому же Сайсели не пожелала бы расстаться с ребенком, да и вряд ли была в состоянии куда-либо двинуться после всего, что перенесла. Так Эмлин и сидела без сна, и сердце ее полно было горечи, гнева и страха, ибо она не видела впереди ни малейшего луча надежды. Тьма окружала их со всех сторон

Дверь открылась, потом ее снова закрыли и заперли на ключ. Из-за занавески выступила высокая фигура настоятельницы со свечой в руках, сверкнувшей во мраке, как звезда. Она стояла и осматривалась, подняв свечу; и у Эмлин, когда она ее увидела, мелькнула одна мысль: может быть, она, так любившая Сайсели, поможет им? Разве сейчас образ ее — ласковое лицо, свеча во мраке — не представился ей воплощением самой надежды? Эмлин встала навстречу настоятельнице, приложив палец к губам.

— Она спит, не будите ее, — прошептала она. — Вы пришли сказать нам, что завтра мы будем сожжены?

— Нет, Эмлин. Старый епископ велел, чтобы это совершилось не ранее как через неделю ему надо время, чтобы, проехав через всю Англию, возвратиться домой. По правде говоря, если бы не то, что его избили в темноте и свернули шею брату Амброзу, я думаю, он вообще не довел бы дела до казни, чтобы не иметь потом непри

ятностей. Но сейчас он взбешен, клянется, что в зале на него набросились злые духи и что те, кто их вызвал, должны умереть. Эмлин, кто же убил брата Амброза? Люди или.

— Думаю, что люди, матушка. Дьявол никому шеи не сворачивает — это только монахам такое снится. Кого может удивить, если у моей госпожи сохранились верные друзья? Она ведь самая знатная леди в наших местах, и с ней поступили так жестоко. Наши люди просто перетрусили, а то бы они уже давно камня на камне в этом аббатстве не оставили и глотки бы перегрызли всем, кто скрывается за его стенами.

— Эмлин, — снова начала настоятельница, — во имя Христово и ради спасения своей души, скажи ты мне правду, — есть во всем этом деле колдовство или нет? А если нет, то что же оно все означает?

— Не больше в нем колдовства, чем в вашем добром сердце. Все это сделал человек. Имени его я вам не назову, чтобы вы его как-нибудь не подвели. Человек надел на себя доспехи Фотрелов и потайным ходом пришел в часовню посоветоваться с нами. Человек спалил кельи и скирды аббатства, разогнал скот, надев себе на голову козью шкуру, и вытащил из могилы череп пьяницы Эндрю. Не сомневаюсь, что его же рука свернула шею Амброзу, который меня ударил.

— А! — сказала настоятельница. — Кажется, я теперь догадываюсь; только очень уж у тебя грубое орудие, Эмлин. Ну, не бойся, тайны твоей я никому не выдам. — Она помолчала, потом заговорила опять:

— Ох, и рада же я, что вражья сила тут ни при чем! А вот все в это верят. Теперь мне ясно виден мой путь, и я пойду по нему хоть до смерти, если придется. Да, да, я вас спасу или сама погибну.

— Какой путь, матушка?

— Эмлин, в течение всех этих месяцев вы никаких новостей не слышали, но я многое знаю. Слушай, сейчас происходят важные события. Король или лорд Кромуэл, или оба они вместе ведут войну против монастырей послабее, уничтожают их, захватывают их владения, прогоняют оттуда монахов и пускают нищими по миру. Его милость посылает в монастыри королевских комиссаров, они там творят суд и расправу. Они и сюда намеревались явиться, но у меня есть друзья и кое-какие свои

личные средства — я ведь из хорошего и небедного рода, — и мне удалось их подкупить. Один из этих комиссаров, Томас Ли, как я недавно узнала, ведет расследование в Бэйфлитском монастыре в Йоркшире. А настоятель там мой двоюродный брат Альфред Сакли; от него я нынче утром получила письмо. Эмлин, я отправлюсь к этому жестокому человеку — все говорят, что он жесток. Я старая и слабая женщина, но я проникну к нему и предложу ему эту древнюю обитель, которой управляю, только бы спасти твою жизнь и Сайсели, а также старой Бриджет

— Вы поедете, матушка? О, да благословит вас бог! Но как вы это сделаете? Они ведь не дадут вам уехать.

Старая монахиня выпрямилась и ответила.

— А кто имеет право запретить блосхолмской настоятельнице отправиться туда, куда ей нужно? Уж, наверно, не какой-то там испанский аббат. Слуги этого надменного монаха тоже хотели помешать мне в моем собственном доме зайти сюда, в вашу комнату, но я дала им такую отповедь, что они ее не забудут. В моем распоряжении имеются лошади, но что правда, то правда — я не могу ехать одна: сил у меня мало, да и трудно мне будет за пределами монастыря, — я ведь не была в миру уже много лет. Вот мне и вспомнился этот рыжеволосый монастырский батрак, Томас Болл. Говорили мне, что он хоть и чудаковат, но человек смелый, с которым мало кто решается потягаться, и что к тому же он умеет обращаться с лошадьми и знает все дороги. Как ты думаешь, Эмлин Стоуэр, согласится этот Томас Болл стать моим спутником, с разрешения ли аббата или без него? — И она снова посмотрела прямо в глаза Эмлин.

— Может быть, очень может быть; он риска не боится, по крайней мере таким он мне помнится с моих молодых лет, — ответила та. — Да и предки его в течение ряда поколений служили Фотрелам и Харфлитам, и в мирное время и на войне, так что он, без сомнения, любит мою госпожу. Но как с ним сговориться?

— Это не трудно было бы, Эмлин. Он как раз стоит на страже за воротами. Но надо передать ему какой-нибудь условный знак.

Эмлин на миг задумалась, потом сняла с пальца сердоликовый перстень в виде сердца.

— Отдайте ему и скажите, что та, кто носила этот перстень, велит ему сопровождать ту, у кого он в руках сейчас, повсюду, до смерти, если придется. И что это нужно для спасения жизни той, что носила кольцо, и еще другой. Он — человек простой души и, если аббат не перехватит его, я думаю, он поедет с вами.

Мать Матильда взяла кольцо и надела себе на палец. Затем она подошла к ложу Сайсели и посмотрела на нее и на мальчика, спавшего на ее груди. Протянув над ними свои тонкие руки, она призвала на них обеих благословение божие и пошла к выходу.

Но Эмлин удержала ее за платье.

— Пойдите, — сказала она. — Вы думаете, я не понимаю, но ошибаетесь. Вы все отдаете ради нас. Даже если вы останетесь живой и невредимой, эта обитель, которой вы руководили столько лет, будет закрыта, овцам вашим придется разбредиться по свету и голодать на старости лет, а в загоне овечьем, что стоял четыреста лет, поселятся волки. Я очень хорошо это понимаю, и она, — тут Эмлин указала на спящую Сайсели, — тоже поймет

— Ей ты ничего не говори, — прошептала мать Матильда, — меня может постигнуть неудача.

— Может, конечно, а может быть, дело и выйдет. Если будет неудача и нас сожгут, бог воздаст вам за ваши старания. Если удача и мы будем спасены, — клянусь вам от ее имени, — вы не пострадаете. Есть у нас припрятанное богатство; стоит оно многих обителей. Вы и ваши сестры получите свою долю, и комиссар этот не останется в накладе. Пусть он знает, что у нас имеется малая толика заплатить ему за труды и что только блосхолмский аббат может нам в этом помешать. А теперь, миледи Маргарет — кажется, так звали вас раньше и будут звать после, когда вы порвете с попами и монашками, — благословите меня тоже и знайте, что, живая или мертвая, я считаю вас человеком великой и святой души.

Настоятельница благословила ее, удалилась величавой своей походкой, и дубовая дверь сперва открылась, а потом закрылась за нею.

Через три дня аббат навестил их один, без спутников.

— Гнусные и проклятые ведьмы, — сказал он, — я

пришел объявить вам, что в следующий понедельник в полдень вы будете сожжены на лужайке против ворот аббатства. И лишь благодаря милосердию церкви не предали вас пытке, чтобы обнаружить сообщников, а я полагаю, у вас их было немало.

— Покажите мне королевский указ на это убийство, — сказала Сайсели.

— Ничего я тебе не покажу, кроме костра, ведьма. Покайся, покайся, пока не поздно. Адский огонь уже ждет тебя.

— I. моего ребенка тоже, милорд аббат?

— Отродье твое возьмут у тебя перед тем, как ты взойдешь на костер, и положат на землю, — он ведь окрещен и слишком юн, чтобы его сжечь. Если кто сжадется над ним, — ладно, а нет — на том же самом месте его и похоронят.

— Да будет так, — ответила Сайсели. — Бог мне его дал, он пусть его и спасает. Оставь меня, убийца, наедине с ним, — тут она повернулась и ушла.

Аббат и Эмлин остались вдвоем.

— Правда, что в понедельник нас сожгут? — спросила она.

— Можешь не сомневаться. Разве что хворост не зажжется. Однако, — медленно произнес он, — если некие драгоценности найдутся и будут вручены мне, дело, возможно, удастся передать на рассмотрение другого трибунала.

— А наши мучения только оттянутся. Боюсь, милорд аббат, что эти драгоценности так и не будут найдены.

— Что ж, тогда вы сгорите и, может быть, на медленном огне, так как недавно прошли дожди и дрова сырые. Говорят, это ужасная смерть.

— Не сомневаюсь, что вы сами ее испытаете, Клемент Мэлдон, теперь или впоследствии. Но об этом мы поговорим, когда все кончится, — об этом и многом другом. Я имею в виду суд божий. Нет, нет, я угрожаю не по-вашему, но так оно и будет. А пока у меня к вам последняя, предсмертная просьба. Я хочу повидать двух человек — настоятельницу Матильду, которой мне надо поведать одну тайну, и Томаса Болла, монастырского слугу у вас в аббатстве, человека, с которым я некогда была помолвлена. Ради себя самого не вздумайте мне отказать.

— Я бы охотно согласился, если бы это от меня зависело, но тут я бессилён, — ответил аббат, с любопытством глядя на нее. Он подумал, что им она, возможно, сообщила бы то, что отказывается открыть ему, — место, где спрятаны драгоценности, — он уж потом заставил бы их сказать, где оно.

— Почему же, милорд аббат?

— Потому что настоятельница куда-то тайно уехала по своим делам, а Томас Болл исчез тоже неизвестно куда. Если они или кто-нибудь из них возвратится до понедельника, ты их увидишь.

— Если же они не вернутся, я увижу их впоследствии, — ответила Эмлин, пожав плечами. — Это не важно. Прощайте, милорд аббат, пока мы не встретимся у костра.

В воскресенье, то есть накануне казни, аббат явился снова.

— Три дня тому назад, — сказал он, обращаясь к ним обоим, — я предлагал вам на известных условиях возможность сохранить жизнь, но вы, упорствующие в своем злодействе ведьмы, не захотели слушать. Теперь я предлагаю вам единственное, что еще в моей власти, — не жизнь, конечно, для этого уже слишком поздно, но смерть без мучений. Если вы отдадите мне то, чего я домогаюсь, палач отправит вас на тот свет прежде, чем вас коснется пламя, — неважно, как он это сделает. Если же нет, — я уже сказал вам: прошли сильные дожди и, говорят, хворост довольно сырой.

Сайсели слегка побледнела — кто бы не побледнел даже в те жестокие времена, — а затем спросила:

— А что вам нужно такое, что мы можем вам дать? Признание своей вины, чтобы обелить вас в глазах людей? Если так, то этого вы не добьетесь, хотя бы тела наши горели понемножку, дюйм за дюймом.

— Да, я хочу этого, но ради вас самих, а не ради себя, ибо кто признает свою вину и покается, тот может получить отпущение. Однако мне и другое нужно — великолепные драгоценности, которые вы спрятали и которые можно употребить ко благу церкви.

Тогда Сайсели проявила все мужество, которое было у нее в крови.

— Никогда, никогда! — закричала она, обратив на него горящий взор. — Попробуйте и убивайте меня, если хотите, но достояния моего вам не похитить. Я не знаю, где находятся эти драгоценности, но, где бы они ни были, пусть там и лежат, пока их не найдут мои наследники или пока они не рассыплются прахом.

Лицо аббата приняло злобное выражение.

— Это твое последнее слово, Сайсели Фотрел?

Она наклонила голову, он же повторил свой вопрос Эмлин, которая ответила:

— Что говорит моя госпожа, то и я скажу.

— Пусть же будет так! — вскричал он. — Наверно вы, колдуньи, надеетесь на дьявола. Что ж, посмотрим, поможет ли он вам завтра.

— Бог нам поможет, — спокойно ответила Сайсели. — Придет время, и вы вспомните мои слова.

С тем он и ушел.

Глава XII

КОСТЕР

Последняя ночь была ужасна. Пусть те, кто следил за этим рассказом, представят себе, в каком состоянии находились эти две женщины — одна из них почти девочка, — которые завтра, под глумление и проклятия суеверной толпы, должны были безвинно претерпеть мучительную смерть, если, конечно, не считать преступлением затеи Эмлин и Томаса Болла, к которым Сайсели почти не имела отношения. Однако тысячам других, тоже ни в чем не повинным, приходилось претерпевать подобную же, а то и еще худшую участь в те времена, кое-кем именуемые «добрыми, старыми», времена рыцарей и любезных кавалеров, когда даже малых детей пытали и сжигали «святые» и «ученые» мужи, трепетавшие перед дьяволом и его деяниями: ведь считалось, что дьявола можно видеть или хотя бы ощущать его присутствие.

Жестокость их была жестокостью страха. Несомненно, что хотя аббат Мэлдон преследовал и другие, священные для него цели, он верил в то, что Сайсели и Эмлин занимались мерзостным колдовством, что они об-

щались с сатаной ради мщения ему, аббату, и потому были слишком большими злодейками, чтобы оставаться в живых. Старый епископ тоже в это верил, верили и хмурый приор и большая часть невежественных людей, что жили в округе и знали об ужасных вещах, творившихся в Блосхолме. Разве некоторые из них не видели взаправду, как злой дух с рогами, копытами и хвостом угонял монастырский скот, а другим разве не встретился призрак сэра Джона Фотрела, который, без сомнения, был также чертом, только в другом облике? О, эти женщины были виновны, несомненно виновны и заслуживали костра! Какое значение имело то, что мужа и отца одной из них убили, а другая тоже претерпела в прошлом горькие, но позабытые уже обиды? По сравнению с колдовством убийство было вещью для всех привычной, незначительным, вполне обычным преступлением, которое всегда может совершиться там, где замешаны человеческие страсти и нужды.

Ужасная это была ночь. Иногда Сайсели ненадолго засыпала, но большую часть времени она молилась. Ожесточившаяся Эмлин не спала и не молилась, лишь раз или два вознесла она мольбу о том, чтобы мщение поразило аббата, ибо вся душа ее возмущалась и гнев душил при мысли о том, что она со своей любимой госпожой должны погибнуть позорной смертью, а враг их будет жить, торжествуя, окруженный почетом. Даже ребенок, видимо, нервничал и беспокоился, словно некое неосознанное чувство предупреждало его о неминуемой ужасной беде: он не был болен, но, вопреки своему обыкновению, беспрестанно просыпался и плакал.

— Эмлин, — сказала Сайсели уже под утро, но еще до рассвета, когда, наконец, ей удалось успокоить ребенка и он уснул, — как ты думаешь, сможет мать Матильда помочь нам?

— Нет, нет, и не помышляй об этом, родная. Она стара и слаба, дорога трудная и длинная; ей даже, может быть, и вовсе не удалось добраться до места. Наугад пустилась она в путь, и даже если и попала куда нужно, то, может быть, этот самый комиссар уже уехал или не пожелал ее выслушать, или, возможно, почему-либо не в состоянии приехать сюда. Чего ему тревожиться о том, что каких-то двух ведьм собираются сжечь за сотню миль от него? Это же пиявка, присосавшаяся

к какому-нибудь жирному монастырю! Нет, нет, не рассчитывай на нее!

— Во всяком случае, она смелая и верная, Эмлин, и сделала все, что могла. Да будет над нею всегда милость божия! Ну а что ты скажешь насчет Томаса Болла?

— Ничего, кроме того, что он рыжий осел, который кричать умеет, а лягнуть не смеет, — со злобой ответила Эмлин. — Не говори мне о Томасе Болле. Если бы он был мужчиной, так давно уже свернул бы шею этому мерзавцу аббату, вместо того чтобы наряжаться козлом и охотиться за его коровами.

— Если то, что говорят, — правда, — он же свернул шею отцу Амброзу, — слегка улынувшись, возразила Сайсели. — Может быть, он просто ошибся в темноте.

— Если так, то это очень похоже на Томаса Болла: он всегда хотел того, что нужно, а делал обратное. Не говори о нем больше, я не хочу встретить свой смертный час с горечью в сердце. Мы теперь погибаем из-за веселых проказ Томаса Болла. Чума на него, безмозглого труса, вот что! А ведь я еще его поцеловала!

Сайсели слегка удивилась ее последним словам, но, решив, что расспрашивать не стоит, сказала:

— Нет, нет, спасибо ему говорю я, — он ведь спас моего мальчика от этой гнусной ведьмы.

На некоторое время опять воцарилось молчание, ибо о бедном Томасе Болле и его поведении говорить было уже нечего. Да и не хотелось им спорить о людях, с которыми им уже никогда не придется увидаться. Под конец Сайсели опять заговорила в темноте.

— Эмлин, я постараюсь быть мужественной. Но помнишь, как-то ребенком я хотела стащить только что сваренные и еще не застывшие леденцы, и обожглась. Как мне было больно! Я буду стараться принять эту смерть так, как приняли бы ее мои предки, но, если не устою, ты не подумай обо мне плохо: дух ведь может быть силен, даже когда плоть слаба.

Эмлин молча скрипнула зубами, а Сайсели продолжала:

— Но это не самое худшее, Эмлин. Несколько мучительных минут — и все пройдет, и я усну, чтобы, надеюсь, проснуться в ином мире. Но вот если Кристофер действительно жив, как он будет страдать, когда узнает...

—Молю бога, чтоб он был жив,—перебила ее Эмлин,—ибо тогда уж, наверно, одним испанским попом станет меньше на земле и больше в аду

— А ребенок, Эмлин, ребенок! — продолжала Сайсели дрожащим голосом, не обращая внимания на то, что Эмлин прервала ее. — Что будет с моим сыном? Он унаследовал бы все наше родовое достояние, если бы за ним сохранились его права, но кто за него заступится? Они и его убьют, Эмлин, или сделают все, чтобы он погиб, а это одно и то же: ведь иначе им не завладеть землями и имуществом.

— Если так, то все его страдания окончатся, и с тобою в небесах ему будет лучше, — вздохнув, сухо произнесла Эмлин. — Мне ничего больше не нужно: только чтобы ты с мальчиком попала в рай, где все святые и блаженные, а мы с аббатом в ад — там-то, среди чертей, мы и сведем счеты. Да, да, я кошунствую, но несправедливость доводит меня до безумия. Тяжко лежит она у меня на сердце, и тяжесть эту я сбрасываю, говоря горькие слова, но тяжело мне не за себя, а за тебя и за него. Родная моя, ты добрая, милая, господь услышит таких, как ты. Призови же бога, а если он не станет внимать, послушай, что скажу тебе я. У меня есть один способ легкой смерти. Не спрашивай, какой, но если в последнюю минуту я нанесу тебе удар, не осуждай меня ни здесь, ни на том свете, ибо то будет удар, нанесенный любящей рукой, оказывающей тебе последнюю услугу.

Казалось, Сайсели не уразумела этих горьких слов, во всяком случае, она не обратила на них внимания.

— Я опять помолюсь, — прошептала она, — хотя боюсь, что врата неба закрыты для меня; ни луча света я не вижу — И она опустила на колени.

Долго она молилась, но под конец усталость взяла свое, и Эмлин услышала, что она дышит ровно, как спящая.

«Пусть себе спит, — подумала она — О, если бы у меня не оставалось сомнений, она бы не проснулась на рассвете! Я почти готова это сделать, но — что делаешь? — нет у меня полной уверенности. Я бы отдала драгоценности, но какой смысл отдавать? Эти люди все равно убили бы ее, иначе им не завладеть имуществом. Нет, сердце мое велит мне ждать,

Сайсели проснулась.

— Эмлин, — произнесла она тихим, дрожащим голосом, — слышишь меня, Эмлин? Мне снился сон.

Она замолкла.

— Ладно, ладно, что же тебе снилось?

— Сама не знаю, Эмлин, — смущенно ответила она, — все сразу исчезло. Но ты не бойся, Эмлин, с нами все будет хорошо, и не только с нами, но также и с Кристофером и с ребенком. Да, да, и с Кристофером и с ребенком. — Тут она уронила голову на свое ложе и залилась счастливыми слезами. Потом опять поднялась, взяла на руки мальчика, поцеловала его, улеглась и спокойно уснула.

Тотчас же после этого наступил рассвет, ясное утро, и Эмлин протянула руки навстречу солнцу, полная восторга и благодарности. Ужас исчез из ее сердца так же, как рассеялся ночной мрак. Она тоже поверила, что сам бог внушил надежду Сайсели, и на некоторое время душа ее обрела покой.

Когда около восьми часов утра дверь открылась, чтобы впустить монахиню, принесшую им поесть, та увидела зрелище, преисполнившее ее изумлением. У нее самой, бедняжки, глаза покраснели от слез, ибо, подобно всем в обители, она любила Сайсели, которую ей случилось нянчить, когда та была ребенком, а потому она вместе с другими сестрами провела бессонную ночь, молясь за нее, за Эмлин и за Бриджет, — ведь и Бриджет предстояло погибнуть на костре. Она ожидала, что увидит несчастных жертв лежащими на полу и, может быть, потерявшими сознание от страха, а что же было на самом деле? Они сидели у окна, одетые в лучшие свои одежды, и спокойно разговаривали. Право же, когда она вошла в комнату, одна из них — это была Сайсели — даже слегка рассмеялась в ответ на что-то, сказанное другой.

— Доброе утро, сестра Мэри, — произнесла Сайсели. — Скажите мне, вернулась ли настоятельница?

— Нет, нет, и мы не знаем, где она. От нее не было ни одной весточки! Что ж, ей по крайней мере не придется увидеть этого ужасного зрелища. Вы хотите что-нибудь передать? Если да, то говорите скорей, пока стража меня не отозвала

— Спасибо, — сказала Сайсели, — но я думаю, что сама передам ей все, что мне нужно.

— Что? Значит, по-вашему, матушки нашей нет в жи-

вых? Неужто нас постигнет еще и это горе? О, кто мог сообщить вам такую печальную новость?

— Нет, сестра, я думаю, что она жива и что я, тоже еще живая, сама буду с ней говорить.

Сестра Мэри была, видимо, крайне удивлена. Каким образом, спрашивала она себя, заключенные, которых так строго охраняли, могли знать что-либо подобное? Оглядевшись, чтобы убедиться, что никто ее не видит, она сунула в руку Сайсели два каких-то пакетика.

— Храните это на себе до конца вы обе, — шепнула она. — Что бы они там ни говорили, но мы считаем вас ни в чем не повинными и не побоялись совершить ради вас великий грех. Да, мы открыли ковчежец с реликвиями и извлекли оттуда наше самое драгоценное сокровище — кусочек веревки, которой святая Екатерина была привязана к колесу. Мы разделили ее на три части — по одной прядке на каждую из вас. Если вы и вправду невиновны, он, может быть, совершит чудо или огонь не загорится, или дождь погасит его, или аббат смягчится и пощадит вас.

— Вот уж это будет величайшее чудо, — перебила ее Эмлин с мрачной усмешкой. — Впрочем, мы вам от всего сердца благодарны и сохраним реликвии, если их у нас не отнимут. Но — слышите? — вас зовут обратно. Прощайте, и да благословит вас небо, добрые души.

Снова раздался громкий голос стражника. Сестра Мэри повернулась и убежала прочь, недоумевая: а может быть, обе эти женщины все-таки ведьмы? Иначе как они могли сохранить столько мужества, вести себя так не похоже на бедняжку Бриджет, которая плакала и стояла в своей келье внизу?

Сайсели и Эмлин поели довольно охотно, зная, что в этот день им понадобятся все их силы, и, кончив еду, снова сели у окна, из которого могли видеть, как сотни людей на лошадях и пешком спускались с холма по дороге, ведущей к лужайке против ворот аббатства, хотя сама лужайка скрыта была за деревьями.

— Слушай, — сказала Эмлин. — Тяжело мне это говорить, но очень возможно, что ты видела всего только приятный сон и что, если это так, нас через несколько часов уже не будет в живых. А ведь мне известно, где спрятаны драгоценности, и без меня их никто никогда не найдет. Сообщить мне эту тайну какому-нибудь вер-

ному человеку, если представится возможность? Найдется ведь добрая душа — может быть, из числа монашек, которая позаботится о твоём мальчике; ему же драгоценности в будущем очень пригодились бы.

Сайсели немного подумала, потом ответила так:

— Нет, не надо, Эмлин. Я верю, что бог нам поможет. Пусть тайна эта останется там, где она находится, — у тебя в сердце.

— Велика же твоя вера, — сказала Эмлин, с восхищением глядя на нее. — Ладно, пусть и меня она либо спасет, либо погубит. У тебя ее хватит на двоих.

Монастырский колокол пробил десять, и снизу до них донесся шум шагов и голоса.

— За нами идут, — сказала Эмлин. — Сожжение назначили на одиннадцать, чтобы после этого зрелища народ мог спокойно разойтись на обед. Ну, призови на помощь эту свою великую веру и храни ее крепко ради нас обоих, ибо моя что-то очень слабеет.

Дверь открылась, вошли монахи и вооруженная стража. Командир ее велел им встать и следовать за ними. Они молча повиновались. Сайсели накинула себе на плечи плащ.

— Тебе и без этого будет жарко, ведьма, — сказал этот человек с гнусной усмешкой.

— Сэр, — ответила она, — плащ мне понадобится, чтобы завернуть в него ребенка, когда мы с ним расстанемся. Передай мне мальчика, Эмлин. Вот теперь мы готовы. Нет, незачем нас вести. Убежать мы не можем и не станем усложнять вам дело.

— Бог свидетель, она храбрая девка! — пробормотал офицер своим товарищам, но один из монахов покачал головой и ответил.

— Колдовство! Скоро сатана оставит их на произвол судьбы.

Прошло еще несколько минут, и впервые за столько месяцев они вышли за ворота обители. Здесь их поджидала третья жертва, несчастная, старая, полубезумная Бриджет, завернутая в какую-то простыню, ибо монашеская одежда была с нее сорвана. Глаза у нее дико блуждали, седые пряди волос свисали по плечам, она трясла своей старой головой и с криком молила о пощаде. При виде ее Сайсели вздрогнула, ибо зрелище и впрямь было ужасное.

— Успокойся, добрая моя Бриджет, — сказала она, когда они шли мимо нее, — ты же невиновна. Что тебе бояться?

— Огня, огня! — закричала несчастная старуха. — Я боюсь огня.

Потом им пришлось занять предназначенные для них в этом шествии места, и некоторое время они не видели Бриджет, хотя и не могли не слышать позади себя ее громких жалоб.

Процессия была длинная. Впереди шли монахи и певчие, затянувшие унылую похоронную песнь на латинском языке. За ними под конвоем двенадцати вооруженных стражников — жертвы, потом монахини, которых заставили присутствовать, а позади и вокруг шествия двигался народ, бесчисленная толпа людей, хотя многие из них жили миль за двадцать отсюда. Перешли через пешеходный мост, у которого находился постоялый двор, тот, что Камбала должна была получить за убийство ребенка. Поднялись на косогор по дороге, грязной от осенних дождей, через рошу, куда открывался потайной ход Томаса Болла, и наконец добрались до лужайки перед высоким порталом аббатства.

Здесь их ожидало ужасное зрелище. В землю вбиты были три только что срубленных дубовых столба толщиной в четырнадцать дюймов, высотой побольше шести футов, таких, что уж наверное не сразу сгорят, а вокруг каждого из них уложены были одна на другую большие связки хвороста, с проходом между ними. Со столбов свисали новые тележные цепи, а поблизости стояли деревенский кузнец и его подмастерье с переносной наковальней и молотом для холодной заклепки этих цепей.

На некотором расстоянии от столбов шествие остановилось. Из ворот аббатства вышел настоятель в облачении и митре, впереди него церковные служки, а позади монахи. Он приблизился к месту, где стояли осужденные, и остановился. Один из монахов вышел вперед и прочел им приговор, которого они так и не поняли, ибо состоял он из латинских фраз и сложных юридических терминов. Затем аббат громким голосом призвал осужденных ради спасения их грешных душ признать свою вину и тем самым заслужить отпущение, прежде чем плоть их пострадает за гнусное преступление — колдовство.

В ответ на это Сайсели и Эмлин только покачали головой, заявляя, что в колдовстве они не повинны и потому каяться им не в чем. Но старая Бриджет дала другой ответ Громким жалобным голосом объявила она, что она — ведьма, так же как до нее ведьмами были и мать ее и бабка. И собравшаяся толпа с увлечением выслушала рассказ о том, как Эмлин Стоуэр представила ее черту — он был в красных штанах, горбатый, лицом чернявый, с пучком рыжих волос под носом, — а также множество самых невероятных подробностей ее встреч с означенным врагом рода человеческого.

Когда ее спросили, что ей говорил черт, она ответила, что он велел ей околдовать блосхолмского аббата, так как тот был весьма святой человек, очень нужный богу и делал на земле слишком много добра, а также препятствовал Эмлин Стоуэр и Сайсели Фотрел творить его, дьявола, волю, но дал им возможность сохранить в живых ребенка, которому предстоит сделаться страшным колдуном. Он сказал ей, кроме того, что бабка Меггс была ангелом (тут в толпе раздался смех), посланным убить означенного ребенка, который был на самом деле его, дьявола, сыном, о чем свидетельствуют черные брови и раздвоенный язык ребенка, а также соединенные перепонкой пальцы ног. Он также пообещал явиться в образе сэра Джона Фотрела, чтобы спасти ребенка и передать его ей, что он и сделал, прочитав наизусть «Отче наш» и велел ей воспитать ребенка «верным пятигольник».

Так бредила несчастная, обезумевшая старуха, а писец тем временем записывал фразу за фразой всю эту чепуху; под конец ей велели поставить под протокол отпечаток своего пальца, и все это заняло очень много времени. Затем она попросила, чтобы ей даровали прощение и не сжигали, но получила ответ, что это невозможно. Тогда она пришла в ярость и спросила, зачем же ее вынудили нагородить столько лжи, раз все равно сожгут. Услышав этот вопрос, толпа разразилась хохотом, а священник, уже готовый дать Бриджет отпущение, передумал и велел приковать ее к столбу, что кузнец и сделал с помощью своего подмастерья и переносной наковальни.

Тем не менее ее «исповедь» торжественно прочитали Сайсели и Эмлин, после чего их спросили, упорствуют

ли они в отрицании своей вины даже теперь, после того как все это выслушали. Вместо ответа Сайсели откинула капюшон с лица своего мальчика и показала, что брови у него вовсе не черные, а золотистые. Она также открыла его ножки, просунула мизинец ему между пальчиками и спросила, есть ли здесь перепонка. Кто-то ответил «нет», но один монах заорал «Что из того? Сатана может и сделать перепонку и снять ее!» Затем он вырвал ребенка из рук Сайсели, положил его на дубовую плашку, принесенную сюда именно для этого, и закричал:

— Пусть ребенок живет или умрет, как богу будет угодно.

Какой-то негодяй, стоявший тут же, ударил мальчика палкой, завопив. «Смерть ведьмину отродью!» Но высокого роста человек, в котором Сайсели узнала одного из арендаторов сэра Джона, подхватил оброненную палку и нанес негодяю такой удар, что тот камнем упал на землю, а потом всю жизнь ходил без одного глаза и с перебитым носом.

С этого момента уже никто не пытался повредить ребенку, который, как известно, по причине всего случившегося с ним в этот день, впоследствии носил прозвище Кристофер Дубовый пенек.

Люди аббата подошли, чтобы привязать Сайсели к ее столбу, но, прежде чем они прикоснулись к ней, она сняла с себя плащ на шерстяной подкладке, бросила его йомену, который ударил того парня его же палкой, и сказала

— Друг, заверни в это моего мальчика и побереги его, пока я не возьму его у тебя.

— Хорошо, леди, — ответил высокий человек, преклонив колено, — я служил твоему деду и отцу, послужу теперь сыну. — И, отбросив палку, он вынул из ножен меч и стал перед дубовым пеньком, на котором лежал ребенок. Никто и не попытался помешать ему, ибо все видели, что другие такие же люди собираются вокруг него.

Теперь кузнец принялся, хотя и довольно медленно, приковывать Сайсели цепью к столбу

— Слушай, — сказала она ему, — немало лошадей подковал ты у моего отца. Кто бы мог подумать, что ты доживешь до того дня, когда свое честное ремесло обратишь против его дочери!

Услышав эти слова, тот заплакал, отшвырнул свои инструменты и побегал прочь, проклиная аббата. Подмастерье намеревался сделать то же самое, но его поймали и заставили довершить начатое. Потом приковали и Эмлин, так что в конце концов все уже было готово для ужасной развязки.

Главный палач — то был повар аббата — положил для растопки несколько сосновых щепок на стоявшую тут же жаровню и, ожидая последнего приказа, громко сказал своему помощнику, что ветер поднялся свежий и колдуньи живо сгорят.

Зрителям велели отойти подальше, и в конце концов они отошли, но многие из них при этом угрюмо перешептывались. Ибо здесь монахам нельзя было собрать только нужных людей, как во время суда, и аббат с тревогой подметил, что среди них его жертвы имеют немало друзей.

«Пора кончать, — подумал он, — пока сочувствие и жалость еще только в зародыше, пока они не превратились в буйный мятеж» И вот он быстро подошел к столбам, встал прямо против Эмлин и, понизив голос, спросил ее, отказывается ли она, как прежде, открыть ему,

где спрятаны драгоценности, сейчас он еще может приказать, чтобы их умертвили легким способом, не предавая живыми огню.

— Пусть решает хозяйка, а не слуга, — твердо ответила Эмлин.

Он повернулся к Сайсели и задал ей тот же вопрос, но она промолвила

— Я уже сказала вам никогда. Прочь от меня, злодей, ступайте, покайтесь в грехах своих, покуда еще не поздно.

Аббат изумленно взглянул на нее, сознавая, что в таком постоянстве и мужестве есть нечто почти сверхчеловеческое. Он был человек острого ума, наделенный сильным воображением, и мог представить себе, как он сам повел бы себя, находясь в подобном же положении. И хотя он торопился поскорее покончить с этим делом, им овладело величайшее любопытство — откуда у нее берутся такие силы, — и он даже теперь попытался его утолить.

— Обезумела ты, Сайсели Фотрел, или тебя опоили? — спросил он. — Разве тебе не известно, что ты почувствуешь, когда огонь начнет пожирать твое нежное тело?

— Не известно и никогда не будет известно, — спокойно ответила она

— Ты что, по обещанию сатаны, твоего владыки, умрешь до того, как огонь коснется тебя?

— Да, я верю, что умру до того, как меня коснется огонь, но не здесь и не теперь.

Аббат рассмеялся резким, нервным смехом и громко обратился ко всем собравшимся:

— Эта ведьма говорит, что не будет сожжена, ибо такова воля неба. Правда, ведьма?

— Да, я так сказала. Будьте свидетелями моих слов, добрые люди, — ответила Сайсели ясным голосом.

— Хорошо, посмотрим, — крикнул аббат — Эй ты, поджигай, и пусть небо или преисподняя спасут ее, если смогут!

Повар-палач подул на свою растопку, но либо он нервничал, либо не наловчился, только прошла минута, а то и больше, пока шепки вспыхнули. Наконец одна разгорелась, и он довольно неохотно наклонился, чтобы взять ее.

И вот тогда, посреди глубокой тишины, ибо весь собравшийся народ, казалось, затаил дыхание, а старуха Бриджет замолкла, лишившись чувств, за склоном холма послышался чей-то громовой голос:

«Именем короля, остановитесь Именем короля, остановитесь!»

Все повернулись в ту сторону, и между деревьями показалась белая лошадь: с боков ее, израненных шпорами, струилась кровь, она уже не мчалась галопом, а тащилась, шатаясь от изнеможения, и сидел на ней богатырского вида человек с рыжей бородой. Одет он был в кольчугу и держал в руке топор лесоруба.

— Поджигай хворост! — закричал аббат, но повар, не отличавшийся храбростью, уронил горящие щепки, которые и затухли на мокрой земле.

Теперь лошадь прорвалась сквозь собравшуюся толпу, подминая под себя людей. Длинными судорожными прыжками достигла она кольца, образовавшегося вокруг столбов, и в то мгновение, когда всадник соскакивал с нее, упала на землю, да так и осталась лежать, тяжело дыша, — силы оставили ее.

— Это же Томас Болл! — крикнул кто-то, а аббат продолжал звать:

— Поджигайте хворост! Поджигайте хворост!

Один из стражников бросился вперед, чтобы снова запалить растопку. Но Томас поспел раньше. Схватив за ножки жаровню, он с такой силой ударил ею стражника, что на того посыпались горячие уголья, а железная клетка жаровни плотно села ему на голову. Томас же крикнул:

— Ты потянулся к огню — ну и получай!

Стражник покатился по земле и вопил от ужаса и боли до тех пор, пока кто-то не сорвал у него с головы раскаленную жаровню. Лицо его оказалось все в полосах, как жареная селедка. Но никто уже не обращал на него внимания, ибо теперь Томас Болл стоял перед столбами, размахивая своим топором и повторяя: «Именем короля, остановитесь! Именем короля, остановитесь!»

— Что это значит, негодяй?

— А то, что я сказал, поп. Ни шагу дальше, не то я раскрою тебе башку.

Аббат откинулся назад, а Томас продолжал

— Фотрел Фотрел! Харфлит! Харфлит! Вы все, кто ели их хлеб, живей сюда, разбросайте хворост, спасайте их кровь и плоть. Кто поднимется вместе со мной против Мэлдона и его палачей?

— Я! — ответили ему из толпы. — И я, и я!

— И я тоже! — закричал йомен, стоявший у дубовой плашки. — Только я стерегу ребенка. Ну ладно, я заберу его с собой! — И, схватив под мышку кричащего младенца, он побежал к Томасу

Другие тоже бросились вперед, разбрасывая во все стороны хворост

— Разбивайте цепи! — снова загремел Болл, и в конце концов сильным мужским рукам удалось это сделать. Единственные повреждения, которые в этот день оказались у Сайсели, были ссадины, полученные ею, когда рубили цепи. Теперь обе женщины были свободны. Сайсели вырвала ребенка из рук у йомена, который был очень рад, что избавился от него: сейчас предстояла другая работа, ибо стражники аббата уже бросились на них.

— Окружайте женщин, — гремел Болл, — и бей без промаха за Фотрелов, бей без промаха за Харфлитов! Ах ты, поповская собака, вот тебе именем короля! — И топор его по рукоятку вошел в грудь командира — того самого, который сказал Сайсели, что ей и без плаща будет жарко.

Тут закипел жаркий бой. Сторонники Фотрелов — их было человек двадцать — обступили три дубовых столба кольцом, внутри которого стояли Сайсели, Эмлин и старуха Бриджет, все еще прикованная к своему столбу, так как никто не подумал — да и времени не было — освободить ее. На них напали стражники аббата — свыше тридцати человек, — которых подстегивал сам Мэлдон, взбешенный тем, что жертвы от него ускользнули, больше же всего боявшийся, чтобы слова Сайсели не оправдались и она оказалась бы уже не ведьмой, а пророчицей, вдохновленной свыше.

Трижды отступали нападавшие, но и треть оборонявшихся выбыла из строя, и теперь аббат придумал новый способ покончить с ними.

— Принесите луки, — крикнул он, — и перестреляйте их, луков у них нет! — И стражники побежали за оружием.

Теперь оборонявшимся пришла на помощь сообразительность Эмлин. Болл уже покачал своей рыжей головой и пробормотал, что похоже, будто им всем приходит конец, ибо против стрел ничего не поделаешь, но она ответила

— А если так, зачем же стоять и ждать, пока нас не раздавят, дурень ты этакий? Надо прорваться, пока стрелы еще не посыпались, и укрыться за деревьями либо в обители.

— Женщина иногда может не плохо придумать, — сказал Болл. — Стройся, фотрелцы, и марш вперед.

— Нет, — вмешалась Сайсели, — сперва освободите Бриджет, а то они, чего доброго, все-таки сожгут ее. Иначе я не пойду

Бриджет расковали и вместе с несколькими ранеными, поддерживая, потащили прочь оттуда. Началось отступление с боем, довольно, впрочем, успешное. И все же под конец бойцы не смогли бы устоять, так как женщины и раненые задерживали их, но, к счастью, подошла помощь. Когда они отходили к роще, теснимые с двух сторон разъяренными стражниками аббата, среди которых было много французов и испанцев, внезапно из-под склона холма, где проходила дорога, показалась мчавшаяся галопом лошадь, на которой сидела верхом женщина, вцепившись обеими руками в гриву, а позади этой всадницы — множество вооруженных людей

— Смотри, Эмлин, смотри! — вскричала Сайсели — Кто это? — Она не верила своим глазам.

— Да это же мать Матильда, — ответила Эмлин, — И, клянусь всеми святыми, странный у нее вид!

Вид и вправду был необычный, ибо монашеского покрывала на ней не было, волосы, всегда так заботливо уложенные, разлетались во все стороны, юбка поднялась и спуталась у колен, четки и крест, которые она носила на груди, болтались теперь сзади и били ее по спине, а платье было спереди разорвано. Словом, почтенная пожилая настоятельница никогда еще не появлялась в подобном виде. Она налетела на них, как вихрь, ибо ее испуганная лошадь уже почуяла блосхолмское стойло и, мрачно косясь на своего необычного всадника, ржала вовсю.

— Во имя божие, остановите эту ошалелую скотину!

Болл схватил лошадь под уздцы и так резко осадил ее, что всадница, не удержавшись, перелетела через ее голову и попала прямо в объятия того йомена, который стерег ребенка, и блаженно замерла у него на груди. Впоследствии мать Матильда с обычной своей милой улыбкой говорила, что раньше она и не знала, как приятно может быть близость мужчины.

Когда она, наконец, сняла руки с его шеи, йомен поставил ее на ноги, заявив, что это потруднее, чем держать под мышкой ребенка. Блуждающий взгляд настоятельницы упал на Сайсели.

— Итак, я поспела вовремя! Ну, никогда и слова теперь не скажу против этой лошади, — вскричала она и, тут же упав на колени, пробормотала благодарственную молитву. Тем временем следовавшие за нею всадники осадили своих коней и задержались, а стражники

аббата и сопровождавшая их толпа тоже остановились, не зная, как поведут себя эти чужие воины, так что Болл и его отряд вместе с женщинами оказались между ними.

Среди вновь прибывших был один толстый неуклюжий человек весьма спесивого вида, видимо привыкший ко всеобщему повиновению. Он выехал вперед и прерывающимся голосом — ибо он задыхался от быстрой езды — спросил, что означает весь этот беспорядок.

— Спросите у блосхолмского настоятеля, — ответил ему кто-то, — это все он натворил.

— Блосхолмский настоятель? Он-то мне и нужен, — надуваясь от важности, произнес толстяк. — Подойдите-ка сюда, настоятель блосхолмского аббатства, и отдайте отчет во всем, что здесь происходит. А вы, ребята, обратился он к своей охране, — постройтесь и будьте наготове на случай, если этот священник попытается сопротивляться.

Аббат в сопровождении нескольких монахов тоже выступил вперед и, смерив всадника взглядом, спросил

— А кто это так грубо требует отчета от рукоположенного настоятеля?

— Рукоположенный настоятель? Рукоположенный павлин, беспокойный, мятежный, предатель-поп, чванливый испанский бродяга, который, говорят, набрал себе шайку наемных головорезов, чтобы нарушать спокойствие в королевстве и убивать добропорядочных англичан. Ладно, рукоположенный аббат, я скажу тебе, кто я такой. Я Томас Ли, посланец его милостивого величества и королевский комиссар, которому поручено обследовать так называемые духовные обители, и прибыл я сюда потому, что присутствующая здесь настоятельница блосхолмского женского монастыря жаловалась мне на то, как поступаешь ты с некоторыми подданными его величества, коих, заявила она, ты из личной мести и ради присвоения их имущества обвинил в колдовстве. Вот кто я такой, мой преподобный расфуфыренный павлин-аббат.

Едва Мэлдон дослушал до конца эту напыщенную речь, как ярость на его лице сменилась страхом. Он уже знал, что представляет собой этот доктор Ли и какая миссия на него возложена, и понял теперь, что означал крик Томаса Болла: «Именем короля!»

ПОСЛАНЕЦ

— Кто тут поднял всю эту суматоху? — заорал комиссар — Почему здесь кровь, раненые и убитые люди? И что вы намеревались сделать с этими женщинами, из коих одна, по всей видимости, не низкого звания? — И он устоялся на Сайсели.

— Суматоху поднял вон тот болван, Томас Болл, батрак моего монастыря; он ворвался к нам, вооруженный, с криком: «Именем короля, остановитесь!»

— Почему же вы не остановились, сэр аббат? Разве с именем короля шутят? Знайте, что я послал этого человека

— У него не было никакой грамоты, сэр комиссар, разве что его бычий голос и большой топор заменяли грамоту; я же не остановился, так как мы вершили суд и расправу над тремя зловреднейшими ведьмами.

— Вершили суд и расправу? Что за суд и чей? А у вас-то имеется грамота, разрешающая вам приводить в исполнение приговоры?¹ Если есть, предъявите мне ее.

— Ведьмы эти осуждены были духовным трибуналом, членами которого являлись епископ, приор и я, и во исполнение нашего приговора они должны были на костре искупить свой грех, — ответил Мэлдон.

— Духовный трибунал! — загремел доктор Ли — А разве духовные трибуналы имеют право поджаривать до смерти свободных людей Англии? Если не желаете судиться за покушение на убийство, предъявите мне грамоту, подписанную его милостивым величеством королем или членами его королевского суда. Что? Вы не отвечаете? У вас никакой грамоты нет. Я так и думал. Ого, Клемент Мэлдон, испанская собака, висельник, знайте, что за вами давно уже наблюдают, а теперь вы еще, по всей видимости, присваиваете себе королевские полномо-

¹ грамота, разрешающая приводить в исполнение приговоры. — Духовные власти имели право судить виновных в преступлениях против религии, но приводили в исполнение приговоры не они, а светские власти. Только в исключительных случаях светские власти выдавали духовным властям специальные грамоты на право приводить в исполнение приговоры.

чия — Тут он на миг остановился, затем продолжал: — Задержать это духовное лицо и зорко стеречь его, пока я не разберусь в этом деле.

Солдаты из охраны комиссара окружили Мэлдона, его же люди не осмелились помешать им: сражаться они больше не хотели, а разговор о королевской грамоте внушил им страх.

Затем комиссар обратился к Сайсели.

— Вы единственная дочь сэра Джона Фотрела, — не правда ли, и утверждаете, что являетесь супругой сэра Кристофера Харфлита? Так, по крайней мере, показала присутствующая здесь настоятельница. Что тут с вами происходило и почему?

— Сэр, — ответила Сайсели, — я и моя служанка, а также старая монахиня Бриджет были обвинены в колдовстве и приговорены к сожжению вон у тех столбов. Правда, — добавила она, — я-то верила, что мы не погибнем.

— А почему вы верили, леди? Похоже, что пламя едва не добралось до ваших тел, — сказал он, взглянув на столбы и разбросанные связки хвороста.

— Сэр, я верила, что бог нам поможет

— Да, стоя у столба, она клялась, что это правда, — вскричал чей-то голос, — а мы-то думали, сошла с ума.

— Станете ли вы теперь отрицать, что она ведьма? — вмешался Мэлдон. — Если бы она не была из числа слуг сатаны, то могла ли пророчествовать о своем освобождении?

— Ну, если видения и пророчества — доказательства колдовства, тогда, поп, все святое писание просто ведьмин котел, — ответил Ли. — Тогда и блаженная дева Мария и святая Елизавета были ведьмы, а апостолов Петра и Иоанна тоже следовало сжечь. Продолжайте, леди, только свои сновидения вы оставьте до более подходящего времени.

— Сэр, — продолжала Сайсели, — мы и не думали заниматься колдовством, и все мое преступление состоит в том, что я не соглашаюсь признать своего сына незаконнорожденным и передать право на мои земли и имущество этому вот аббату, убийце моего отца, а возможно, и мужа. О, выслушайте, выслушайте меня! Вы и весь собравшийся здесь народ, и я постараюсь как

можно короче поведать вам мою историю. Разрешаете вы мне говорить?

Комиссар кивнул головой, и она стала рассказывать все с самого начала так коротко, так просто, так правдиво и серьезно, что весь народ обступил ее тесным кольцом, стараясь не упустить ни слова, и даже жесткое лицо доктора Ли смягчилось, когда он слушал. Около получаса или немного больше рассказывала она о смерти отца, о своем бегстве и замужестве, о сожжении Крануэл Тауэрс, о том, как она овдовела, если действительно муж ее погиб. О том, как ее заточили в обители и как поступил аббат с нею и Эмлин; о рождении ее ребенка и попытке повивальной бабки, нанятой аббатом, умертвить мальчика. О том, как их судили и приговорили к смерти, хотя они ни в чем не повинны, и обо всем, что они претерпели в этот день.

— Если вы невиновны, — крикнул один из монахов, когда она остановилась, чтобы передохнуть, — что же это за существо в образе черта натворило бед тут в Блосхолме? Разве мы не видели все это собственными глазами?

И тут кто-то громко вскрикнул и указал на деревья в их тени двигалось какое-то странное существо, а спустя мгновение оно вышло на свет. Еще раз толпа рассыпалась во все стороны — кто туда, кто сюда, — даже лошади закусил удила и помчались прочь. Ибо к ним направлялся сам сатана, которого теперь все могли хорошо видеть. На голове у него торчали рога, сзади болтался хвост, тело было покрыто шерстью, как у зверей, лицо — страшное и пестро размалеванное, а в руке он держал острые вилы на длинной рукояти. Люди очертя голову пустились наутек, только комиссар, спешившись, стоял неподвижно, может быть просто потому, что оцепенел от страха, а подле него обе женщины и кое-кто из монахинь, в том числе настоятельница, которая упала на колени и принялась бормотать молитвы.

Страшное существо продолжало идти прямо к ним, пока не дошло до королевского посланца. Тут оно отвесило ему поклон, издало бычье мычанье, затем принялось спокойно развязывать какие-то завязки — и наконец ужасное одеяние спало с него, и перед всеми предстал Томас Болл.

— Что означает этот маскарад, мошенник? — прохрипел доктор Ли.

— Вы говорите — маскарад, сэр? — усмехнувшись, ответил Томас. — Если так, то, значит, из-за таких маскарадов попы жгут на кострах женщин в нашей веселой Англии. Сюда, люди добрые, сюда — загремель он во весь голос. — Поглядите-ка на сатану во плоти. Вот его рога, — и он поднял их так, чтобы все видели. — Когда-то они красовались на голове у козла вдовы Джонсон. Вот хвост; немало мух согнал он с живота одной монастырской коровы; вот страшная харя, я ее смастерил, размалевав красками кусок пергамента. Вот грозные вилы, которыми окаянных грешников загоняют туда, где пожарче; сколько угрей поймал я этим трезубцем там, в заводи! Имеется у меня в мешке и еще одна штучка — адское пламя; лучше всего оно получается из серы, смешанной с маслом, подсохшим на очаге. Живо сюда, задарма поглядите на черта в полном параде!

Толпа начала возвращаться, сперва с опаской, потом люди стали брать у него из рук вещи, которые он им протягивал, ощупывали их, пока, наконец, сперва один, другой, а затем уже все не расхохотались.

— Нечего ржать, — заорал Болл. — Что тут смешного, когда благородные леди, да и другие, чья жизнь кое-кому дорога, — и он взглянул на Эмлин, — едва не изжарились, как сельди, только потому, что одному бедняге пришло в голову повалить дурака и нарядиться в шкуру, чтобы не замерзнуть, да вдобавок нагнать страху на злодеев. Слушайте вы все: это я морочил людям голову. Это я вельзевул,¹ да и заодно и призрак сэра Джона Фотрела. Я зашел в часовню обители через известный мне потайной ход, спас вот этого младенца от гибели и так напугал убийцу, что она угодила прямо в ад, да, да ряженный черт отправил ее к настоящему. Зачем я все это сделал? Чтобы защитить невинных и покарать злодея во всей его гордыне. Но злодей схватил невинных, а те не сказали ни слова, чтобы я не пострадал вместе с ними, и... ну, бог мой, остальное все знают! Еще немного, совсем немного, и дело бы плохо кончилось. Но я вовсе не такой дурень, каким притворялся много лет. К тому же у меня был добрый конь

¹ Вельзевул — то же, что и дьявол.

и тяжелый топор, а тут, в блосхолмской округе еще немало верных сердец, и вот вам доказательство славные парни, что сейчас погибли мертвыми. И по земле ходят ангелы, хоть правда, с виду они на ангелов не похожи. Вот один из них, а вот и другой. — Тут он указал пальцем сперва на толстого, напыщенного комиссара, а затем на растрепанную настоятельницу, и добавил. — А теперь, сэр комиссар, за все, что я совершил во имя справедливости, прошу прощения у вас, ибо как на мне красовались чертовы рога и копыта, так вы ныне облачены величием и милосердием самого короля. Иначе аббат и его наемные палачи, которые считают себя господами и над королем и над народом, прикончат меня за все это, как прикончили немало людей и получше. Потому — простите меня, ваше всемогущество, простите! — И он бросился перед ним на колени.

— Прощаю тебя, Болл, именем короля прощаю, — ответил Ли: титулы и звания, которые так щедро расточал ему хитрый Томас, польстили ему гораздо больше, чем можно было подумать.

— Я, комиссар его милостивого величества, объявляю, что за все, сделанное тобой, а также начатое, но недоделанное, ты никакому взысканию не подлежишь и против тебя не может быть возбуждено уголовное или гражданское дело, о чем мой секретарь составит тебе бумагу. Ну, славный парень, вставай, но не рядись больше в перья сатаны — не то, пожалуй, он покажет тебе и когти свои и клюв — это ведь не такая птичка, которую можно дразнить. Давайте-ка сюда этого испанца Мэлдона. Мне надо сказать ему кое-что.

Стали искать и тут, и там, но аббата обнаружить не удалось. Солдаты клялись, что они не спускали с него глаз, даже когда старались улепетнуть от черта, однако он, несомненно, исчез.

— Мерзавец от нас ускользнул! — прорычал комиссар, побагровев от ярости — Разыскать его и схватить! Мой приказ дает на это право любому. Начинайте охоту. Я иду в аббатство, — может быть, лиса укрылась в свою нору. Пять золотых крон тому, кто поймает этого лицемера и предателя.

Теперь все, ревностно стараясь показать свою преданность королю и заработать кроны, разбрелись на поиски, так что три «ведьмы», Томас Болл, мать

Матильда и монахини очутились почти в полном одиночестве и стояли, глядя друг на друга и на лежащих кругом убитых и раненых.

— Пойдемте в обитель, — сказала мать Матильда. — По солнцу я вижу, что наступает время вечерней молитвы, и, видимо, никто нас трогать не станет

Томас подошел к ее лошади, которая паслась неподалеку, и подвел ее к настоятельнице.

— Ну нет, друг мой, — решительно вскричала та, — пока я жива, видеть не хочу эту зловредную скотину. Теперь я буду ходить пешком, а там пусть меня носят. Дарю тебе этого коня Он мой, за него заплачено. Сестра, подай мне руку

— Хорошо я поработал, Эмлин? — спросил Болл, подтягивая подпругу

— Не знаю, — ответила она, искоса глядя на него. — Сперва ты праздновал труса, так что нас едва не сожгли за твои дела, ну, а потом, что и говорить, обрел разум. — Впрочем, если верить тебе, ты его никогда не терял Повадки твои тоже переменялись, вон тот подлец-капитан узнал, что ты умеешь обращаться с топором. Так что давай, парень, об этом больше не говорить; по правде сказать, аббат и его шпионы были жестокие хозяева и сломили твой дух своими епитимьями да разговорами об адских мучениях. Ладно, помоги моей госпоже сесть на лошадь, она совсем обессилела, а мне дай опереться на твое плечо. Стоять у столба нелегкое дело

У Сайсели сохранились лишь очень туманные и путанные воспоминания о второй половине этого дня Помнилось ей, что в церкви служили благодарственный молебен, и хотя уста ее почти не шептали молитв, сердце зато было преисполнено благодарности. Помнилось и то, что добрая сестра, которая снабдила их пряжками из веревки святой Екатерины, получая обратно сохраненные заботливо реликвии, уверяла Сайсели и Эмлин, что спаслись они исключительно благодаря им Помнилось, что она принимала какую-то пищу и давала мальчику грудь, а затем все исчезло до следующего утра, когда она проснулась и увидела, что солнце заливает ту самую комнату, из которой их вчера вывели, чтобы предать самой мучительной смерти.

Да, она проснулась и увидела, что рядом с нею Эмлин

приводит в порядок ее одежду, как она делала в течение многих лет, и тут же на ярком солнце лежит ее мальчик и радостно лепечет, в блаженной своей невинности, даже не ведая о миновавших ужасах. Сперва ей показалось, что она видела очень страшный сон, но постепенно вся правда дошла до ее сознания, и она невольно задрожала — да, теперь, когда вся тяжесть свалилась с ее сердца, она побледнела и задрожала, как осина на ветру

О, если бы лошадь Томаса Болла обессилела на пять минут раньше, она, в чьих жилах сейчас так горячо билась алая кровь, была бы теперь лишь грудой обгорелых костей. А если бы вера оставила ее и она уступила аббату, так что ему не пришлось бы тратить время на уговоры у костра, Болл тоже явился бы слишком поздно.

Когда они позавтракали, их вызвали к настоятельнице, которая хотела поговорить с ними у себя в комнате. Они отправились к ней, с радостью ощущая, что их уже не держат под замком и они могут ходить куда угодно, и застали ее сидящей в высоком кресле; все тело у нее болело, и она не в состоянии была двинуться. Сайсели подбежала к ней, опустилась на колени и поцеловала ее, а настоятельница благословила молодую женщину левой рукой, так как правую стерла себе о поводья.

— А ведь, по правде говоря, Сайсели, — сказала она, улыбаясь, — это мне бы следовало стать перед тобой на колени, если бы у меня хватило сил. Теперь мне все рассказали, и, выходит, велика твоя вера.

— Да, правда, матушка, — коротко ответила Сайсели, ибо об этих вещах ей не хотелось распространяться, да и впоследствии она не любила много о них говорить, — все исполнилось благодаря вам.

— Дочь моя, я ведь оказалась только орудием; ну, да оставим пока разговоры обо всех этих святых делах. Может быть, потом ты мне о них расскажешь подробнее, а пока обратимся к делам мирским, которые не очень хороши. Твое освобождение куплено было довольно дорогой ценой, дочь моя: этот грубый и безбожный человек, королевский ревизор, сказал мне по дороге сюда, что наша обитель будет закрыта, ее земли и доходы перейдут в казну, а мне и моим сестрам при-

дется на старости лет пропадать с голоду. По правде сказать, для того, чтобы он согласился сюда приехать, я вынуждена была сама составить ходатайство об обследовании монастыря и подписать его. Теперь ты видишь, как сильно я люблю тебя, моя Сайсели.

— Матушка, — ответила она, — этого не должно, не может быть.

— Увы, дитя мое, что ты тут сделаешь? Эти ревизоры да и те, кто их посылает, жадный народ. Я слышала, что они повсюду отбирают земли и имущество у таких монахов и монахинь, как мы, и если уж очень повезет, кое-кто из монахов получит жалкое пособие на хлеб насущный. Когда-то у меня были свои средства, но они все ушли на выкуп фермы в долине, которую захватил аббат, и на то, чтобы удовлетворять его дальнейшие вымогательства.

— Послушайте, матушка. У меня есть богатство, спрятанное, я сама хорошо не знаю где, но Эмлин знает. Оно принадлежит только мне — это семейные драгоценности Карфаксов, перешедшие ко мне от матери. Из-за них-то мы и попали на костер: в обмен на сокровище аббат предлагал нам жизнь, а когда было уже слишком поздно, — то более легкий конец, чем смерть от огня. Но я не позволила Эмлин раскрыть ему тайну: какое-то предчувствие было у меня, и теперь я знаю, что поступила правильно. Матушка, мы продадим эти камни и выкупим вашу землю, а может быть, и добьемся у его королевской милости разрешения не закрывать вашу обитель, так чтобы вы с прочими сестрами могли жить в ней и служить богу, как это делалось на протяжении многих поколений. Даю вам клятву от своего имени, от имени моего сына, а также и мужа, если он жив.

— Но если твой муж жив, милая моя Сайсели, ему, возможно, понадобится это богатство.

— Нет, матушка, он его не получит — разве что встанет вопрос о его жизни, свободе или чести. Да и сам он, узнав, что вы сделали для меня и нашего ребенка, с радостью отдаст вам его и все, что у него самого есть; да он будет считать это своим долгом.

— Хорошо, Сайсели, во имя божие и от своего собственного имени — благодарю тебя. Посмотрим еще, посмотрим! Только берегись, чтобы доктор Ли не узнал об этом сокровище. Но где оно спрятано, Эмлин? Не

бойся открыть мне тайну, неплохо будет, если ее узнает кто-нибудь, кроме тебя, а я думаю, что опасность для вас миновала

— Да, скажи, Эмлин, — сказала Сайсели. — Я раньше не расспрашивала тебя, опасаясь своей собственной слабости, но теперь мне любопытно. Здесь нас никто не услышит

— Хорошо, госпожа, я тебе скажу. Помнишь, в тот день, когда сгорел Крануэл, мы искали убежища в центральной башне, откуда я унесла тебя, бесчувственную, в подземелье? Там мы пролежали всю ночь, и, когда ты была без сознания, я все время ощупывала пальцами стену, пока не обнаружила, что один камень от времени и сырости расшатался, — за ним оказалось пустое пространство. В этой дыре я и спрятала драгоценности, они лежали у меня на груди, завернутые в шелк. Потом я заполнила дыру мусором, собранным с полу, и положила на место камень, укрепив его кусками извести. Это третий камень, если считать от восточного угла, во втором ряду над полом. Туда я их положила, и там они лежат и поныне. Никто их в стене не обнаружит, разве что башню разрушат и сравняют с землей.

В это мгновение раздался стук в дверь. Когда Эмлин открыла ее, вошла монахиня и сказала, что королевский ревизор хочет побеседовать с настоятельницей

— Пусть он зайдет ко мне, — я ведь не могу двигаться, — сказала мать Матильда. — А вы, Сайсели и Эмлин, побудьте со мной, при таком разговоре не плохо иметь свидетелей.

Минуту спустя появился в сопровождении своих секретарей доктор Ли, он был пышно разодет и тяжело дышал, так как ему пришлось подняться по лестнице.

— К делу, к делу, — произнес он, не успев даже как следует ответить на приветствие настоятельницы. — Монастырь ваш секвестрирован по вашему собственному ходатайству, сударыня, поэтому мне незачем заниматься предварительным обследованием. Впрочем, я готов признать, что, по всем данным, слава у него неплохая, никаких скандальных историй о нем неизвестно, — может быть, потому, что все вы уже вышли из возраста, когда занимаются шалостями. Предъявите-ка теперь все документы, акты на владение землей и данные по доходам

от аренды, чтобы я мог принять их от вас по должной форме и объявить о закрытии обители.

— Сейчас я за ними пошлю, — смиренно ответила настоятельница, — а пока скажите же мне, что нам, бедным монахиням, теперь делать? Мне шестьдесят лет, и сорок из них я прожила в этом доме. Среди сестер тоже нет молодых, а некоторые еще старше меня. Куда нам деваться?

— Живите в миру, сударыня. Вы найдете, что там неплохо и для всех места хватает. Бросьте гнусавить молитвы, откажитесь от грубых суеверий — да кстати, не забудьте передать нам все ценные ковчежцы для мощей и другие папистские эмблемы, отлитые из драгоценных металлов, которые у вас имеются, — и ступайте в широкий мир. Выходите замуж, если сможете найти мужей, занимайтесь полезными ремеслами. Делайте, что вам вздумается, и благодарите короля, который освобождает вас от бремени нелепых обетов и из плена монастырских стен.

— Вы даруете нам свободу умирать с голоду. Понимаете ли вы, сэр, что делаете? Сотни лет жили мы в Блосхолме и в течение ряда поколений молились богу о душах людей и заботились о их земных нуждах. Никому мы не делали зла, а все, что получали от своей земли или от благочестивых даятелей, раздавали щедрой рукой, ничего себе не оставляя. Множество бедняков питалось у наших ворот, мы ухаживали за больными, обучали детей. Часто мы отказывали себе во всем, чтобы побольше раздавать. Теперь вы гоните нас из обители на верную гибель. Если на то воля божия, ничего не поделаешь, но что будет с бедняками Англии?

— Это, сударыня, дело Англии и ее бедняков. Теперь же, как я вам уже сказал, времени у меня мало. Я тороплюсь в Лондон доложить об этом вашему аббату. Он настоящий мерзавец, и я многое разузнал о его злодейских кознях. Поэтому прошу вас поскорее послать кого-нибудь за документами.

В этот миг вошла монахиня, неся поднос с печеньем и вином. Эмлин приняла его от нее и, налив вина в кубки, предложила ревизору и секретарям.

— Славное вино, — сказал он, осушив кубок, — весьма благородное вино. Вы, монашки, готовите самые лучшие наливки. Пожалуйста, не забудьте вклю-

чить его в инвентарь. Вы, милая моя, кажется, одна из тех, кого этот аббат намеревался сжечь? Да, да, а это ваша хозяйка, госпожа Фотрел или госпожа Харфлит? Мне как раз надо сказать ей два слова

— Я к вашим услугам, сэр, — сказала Сайсели.

— Так вот, сударыня, вы и ваша служанка избежали костра, к которому, насколько я мог судить, вас приговорили без каких-либо оснований. Однако осудил вас компетентный духовный трибунал, и его решение остается в силе, пока король не дарует вам прощения. Если ему угодно будет это сделать. Поэтому, я полагаю, что вам следует ожидать здесь его волеизъявления.

— Но, сэр, — сказала Сайсели, — если добрым сестрам, приютившим меня, придется уйти отсюда, как же мы сможем жить в их доме одни? Вы, однако, говорите, что я не должна его покидать; и действительно, если бы даже мне и можно было его покинуть, — куда я пойду? Дом моего мужа сожжен, мой собственный дом захвачен аббатом. С другой стороны, если я и здесь останусь, он тем или иным способом погубит меня.

— Мерзавец скрылся, — сказал доктор Ли, почесывая себе подбородок.

— Да, но он возвратится или же пришлет кого-либо из своих людей, а вы сами знаете, сэр, что эти испанцы злопамятны, я же долго с ним враждовала. О сэр, я молю короля оказать покровительство моему ребенку и мне, а также Эмлин Стоуэр.

Комиссар продолжал почесывать подбородок.

— Вы можете дать ценные показания против этого Мэлдона, — не так ли?

— Да, — вмешалась Эмлин, — такие, что его можно будет десять раз повесить; и я тоже дам показания.

— И у вас имеются большие поместья, которые он захватил, — верно?

— Имеются, сэр, ибо род мой знатный и положение высокое.

— Леди, — промолвил он уже гораздо более почтительным тоном, — отойдите в сторону; мне надо с вами переговорить с глазу на глаз. — С этими словами он направился к окну, и она пошла за ним. — Скажите-ка мне, какова была стоимость вашего имения?

— Точно не знаю, сэр, но от отца слышала, что оно приносило около трехсот фунтов дохода.

Ревизор сделался еще почтительнее, ибо по тем временам это было большое состояние.

— Вот как, миледи. Большие деньги, весьма хорошее состояние, если вам удастся получить его обратно. Буду говорить с вами откровенно. Королевские комиссары не очень хорошо оплачиваются, расходы же у них большие. Если я устрою дела ваши таким образом, что вы получите обратно свое состояние и приговор за колдовство, вынесенный вам и вашей служанке, будет отменен, обещаете вы заплатить мне сумму, равную годовому доходу с вашего имущества, в возмещение тех затрат, которые мне придется сделать во время хлопот по вашему делу?

Теперь подумать надо было Сайсели.

— Разумеется, — наконец ответила она, — если вы сделаете еще одно — оставите добрых сестер спокойно доживать в их обители.

Он покачал своей большой головой.

— Сейчас это уж невозможно. Дело получило чересчур широкую огласку. Лорд Кромуэл скажет, что меня подкупили, и я, чего доброго, потеряю должность.

— Хорошо, — продолжала Сайсели, — тогда, если вы обещаете, что на один год их оставят в покое для того, чтобы они могли устроить как-нибудь свое будущее.

— Это я могу сделать, — сказал он, кивнув головой, — на том основании, что вели они здесь ничем не опороченную жизнь и защищали вас от врагов короля. Но в этом мире все непрочно. Я должен просить вас подписать один документ; в нем вы признаете, что получили от меня заем в триста фунтов, которые будут возвращены мне с процентами после того, как вы вступите во владение своим имуществом.

— Составьте его, и я подпишу, сэр.

— Отлично, сударыня. Теперь, поскольку мы обо всем договорились, вы поедете со мной в Лондон, где будете в безопасности. Отправимся мы не сегодня, а завтра, с рассветом.

— В таком случае со мной должна поехать и моя служанка Эмлин, сэр, чтобы помогать мне с ребенком, а также Томас Болл, ибо он может доказать, что колдовство, за которое нас осудили, всего-навсего его проделки.

— Да, да, но дорожные расходы на троих будут весьма значительны. Есть у вас какие-нибудь деньги?

— Да, сэр У Эмлин в одном из ее платьев зашито около пятидесяти фунтов золотом.

— А! Сумма вполне достаточная. Она даже слишком крупная, чтобы в наше беспокойное время вы могли одни везти ее без риска. Не дадите ли мне на хранение половину?

— С удовольствием, сэр, я вам вполне доверяю. Выполните только свое обязательство, а я буду твердо держаться моего.

— Хорошо. Когда Томасу Ли идут навстречу, он в долгу не остается, — это всякий признает. Сегодня вечером я принесу документ, а вы мне передадите на хранение двадцать пять фунтов.

Затем он в сопровождении Сайсели вернулся туда, где сидела настоятельница, и сказал.

— Мать Матильда — ведь, кажется, таково имя ваше в иночестве? — леди Харфлит просила меня за вас, и ввиду того, что вы так благородно обошлись с нею, я обещал от имени короля, что вы и ваши монашки будете жить здесь еще один год, с этого дня, после чего безропотно передадите свой монастырь его величеству; я же исходатайствую для вас пенсию.

— Благодарю вас, сэр. Для старого человека год отсрочки — большое дело. За год многое может приключиться, например — моя смерть.

— Не благодарите меня, — я просто человек, поступающий, как велят ему долг и справедливость. Документы, которые вы должны подписать, готовы будут после обеда. Кстати, скажу вам, что леди Харфлит со своей служанкой, а также этот смелый и умный парень, Томас Болл, завтра утром едут со мною в Лондон. Она вам все объяснит. В три часа я буду у вас.

Ревизор и его секретари вышли из комнаты так же спешиво, как вошли. Оставшись втроем с матерью Матильдой и Эмлин, Сайсели объяснила им, что произошло.

— Думаю, что ты правильно поступила, — сказала настоятельница, выслушав все до конца. — Человек этот — жадная акула, но лучше пусть он откусит тебе палец, чем проглотит всю целиком. А насчет нас ты, конечно, хорошо поторговалась — мало ли что может случиться за год? К тому же, дорогая Сайсели, в Лондоне тебе будет безопаснее, чем здесь. В надежде на

такие деньги, как триста фунтов, этот комиссар будет беречь тебя как зеницу ока и продвинет вперед твое дело

— Если кто-нибудь не пообещает ему побольше, например тысячу фунтов, чтобы он, наоборот, ставил палки в колеса, — вмешалась Эмлин — Ну, да иного выхода не было, а бумажные обязательства ничего не стоят. Вот добрых двадцати пяти фунтов золотом мне жалко. Теперь же, матушка, нам надо собраться, а дела много. Прошу вас, пошлите кого-нибудь разыскать Томаса Болла, он, наверно, тут, неподалеку. Раз уж мы теперь не заключенные, я хотела бы пройти вместе с ним по одному делу, о котором вы, может быть, догадываетесь. В городе Лондоне нам могут понадобиться средства. Надо также раздобыть лошадей для нас самих и для багажа и еще о многом позаботиться.

Томаса Болла вскоре разыскали. Он спал в одном из соседних домов, ибо после своих приключений и три унфа основательно выпил и долго не мог проснуться. Узнав об этом, Эмлин задала ему хорошую головомойку, заявила, что он не человек, а пивной бочонок, и наговорила много других неприятных слов. Под конец он вышел из себя и ответил, что не будь этого пивного бочонка, она сейчас была бы кучкой пепла. Тут она перевела разговор на другое и сообщила ему, в чем они нуждаются, а также о том, что ему предстоит сопровождать их в Лондон. На это он ответил, что к утру оседланы будут хорошие кони, благо он знает, где их раздобыть: в конюшне аббатства еще остались лошади, которым пробежка не повредит. Добавил он также, что рад будет на некоторое время расстаться с Блосхолмом: здесь у него со вчерашнего дня завелись враги — все те, чьи друзья лежат раненые или ждут погребения. После этого Эмлин шепнула ему что-то на ухо, и он в знак согласия кивнул головой, сказав при этом, что мешкать не станет и скоро будет готов.

В тот же вечер Эмлин отправилась куда-то верхом вместе с хорошо вооруженным Томасом, объяснив, что хочет испытать коней, на которых им предстоит завтра ехать. Вернулась она поздно, — было уже совсем темно.

— Ну что, достала? — спросила Сайсели, когда они остались вдвоем у себя в комнате

— Да, — ответила Эмлин — Все до единой. Но кое-где каменная кладка обвалилась, и трудно было пробраться в подземелье. По правде сказать, без Томаса Болла с его бычьей силой, мне самой никогда бы не справиться. К тому же аббат побывал уже там до нас и изрыл весь пол. Но, дурень такой, о стене он и не подумал, так что все хорошо. Половину вещей я зашью в свою нижнюю юбку, половину в твою, чтобы риска было меньше. На случай, если нападут грабители, деньги, что нам оставил этот загребуший ревизор (я ведь половину отдала ему, когда ты подписала документ), мы будем открыто держать в кошельках на поясе. Дальше они искать не станут. О, чуть не забыла кроме драгоценностей, у меня еще кое-что есть, вот оно. — С этими словами Эмлин вынула из-за корсажа пакет и положила его на стол

— Что это? — спросила Сайсели, недоверчиво глядя на грязный лоскут парусины, в который он был завернут

— Откуда мне знать? Разрежь и посмотри. Я знаю только, что, когда я стояла у ворот обители и ждала Томаса, который отводил лошадей в конюшню, какой-то человек в широком плаще вынырнул из-за завесы дождя и спросил, не Эмлин ли я Стоуэр. Я сказала «да»; тогда он сунул мне это в руку, велел непременно отдать леди Харфлит и исчез.

— У этого пакета такой вид, точно он прибыл из-за моря, — прошептала Сайсели, дрожащими пальцами торопливо вспарывая его. Под конец парусиновая оболочка была вскрыта, внутренний запечатанный конверт тоже, и в нем, среди прочих документов, оказался небольшой сверток пергаментных листков, покрытых корявыми, неразборчивыми письменами. Однако на обороте они смогли разобрать названия «Шефтон» и «Блосхолм», начертанные более крупными буквами. Что-то написано было и каракулями сэра Джона Фотрела, а под этой записью стояло его имя и другие, среди которых были имена отца Нектона и Джеффри Стоукса. Сайсели некоторое время смотрела на документы, потом сказала.

— Эмлин, я узнаю эти пергаментные листки. Их мой отец взял с собой, когда ехал в Лондон, чтобы опроверг-

нуть домогательства аббата, а вместе с ними были показания об изменнических речах, которые аббат вел в прошлом году в Шефтоне. Да, эту внутреннюю обшивку делала я сама из полотняных тряпок, взятых в коридорном стенном шкафу. Но как они сюда попали?

Не ответив ни слова, Эмлин взяла разрезанную материю и потрясла ее. Не замеченная ими раньше полоска бумаги упала на стол.

— Может быть, тут мы найдем объяснение, — сказала она — Прочитай, если сможешь. Тут, на внутренней стороне, что-то написано.

Сайсели схватила полоску бумаги. И так как исписана она была разборчивым почерком умелого писца, прочитала ее без труда, только голос ее дрожал. Вот что было в записке:

«Миледи Харфлит!

Это бумаги, которые Джеффри Стоукс спас, когда погиб ваш отец. Они были отданы на хранение тому, кто вам сейчас пишет, далеко в заморских землях, и он возвращает их, не вскрыв. Супруг ваш жив и здоров, так же как и Джеффри Стоукс, и хотя их задержали в пути, сэр Кристофер, без сомнения, сумеет добраться до Англии, куда не торопился возвращаться, думая, как и я думал, что вас нет в живых. Есть причины, мешающие мне, его и вашему другу, повидаться с вами или написать обстоятельнее, ибо долг призывает меня в другое место. Когда он будет выполнен, я разыщу вас, если буду жив. Если нет, то ждите спокойно, пока не обретете вновь свое счастье, я надеюсь, что это случится.

Некто, горячо любящий вашего супруга, а ради него — и вас».

Сайсели положила записку на стол, и из глаз ее хлынул поток слез.

— О, жестокий, жестокий, — рыдала она, — сообщить мне так много и вместе с тем так мало! Впрочем, нет, я просто неблагодарная дрянь, ведь Кристофер жив, и я дожила до того, что узнала об этом, хоть он и считает меня умершей.

— Клянусь душой, — сказала Эмлин, когда ей удалось успокоить Сайсели, — этот человек в плаще просто король всех вестников. Знай я только, что он принес,

я бы у него все выпытала, даже если бы мне пришлось вцепиться в него, как жена Пентефрия вцепилась в Иосифа Прекрасного.¹ Ну что ж, Иосиф скрылся, а на безрыбье и рак рыба, да и рак-то не плохой. К тому же ты получила документы, которые сейчас тебе особенно необходимы и, что еще лучше, письменное свидетельство, по которому предатель Мэлдон угодит на эшафот

Глава XIV

ДЖЕКОВ И ДРАГОЦЕННОСТИ

Путешествие в Лондон было для Сайсели делом необычным: никогда еще не отъезжала она больше чем на пятьдесят миль от своего дома, и лишь однажды, еще ребенком, провела месяц в городе, когда гостила у тетки в Линкольне. Правда, путешествовала она с удобствами, так как комиссар Ли не любил себя утруждать. По этой причине они пускались в дорогу поздно, а останавливались на ночлег рано, либо в какой-нибудь гостинице получше (если вообще в те времена существовали сносные гостиницы), либо в одном из монастырей, где он требовал всего самого лучшего, что только могли предложить ему перепуганные монахи. С ними, как заметила Сайсели, он обходился очень сурово: бранился, угрожал, производил тщательное обследование, за что стую обвинял их в преступлениях, которых они не совершали, и под конец вымогал большие взятки даже в тех случаях, когда в данное место ему никакого поручения не давалось, грозя, что вернется позже. Он также принимал доносчиков и записывал все скандальные сплетни и клеветнические сведения, которые они сообщали ему о тех, чей хлеб ели.

Поэтому, еще задолго до того как они увидели Черинг Кросс, Сайсели возненавидела этого спесивого, властного и жадного человека, который скрывал жестокость под личиной добродетели и, преследуя свои лич-

¹ как жена Пентефрия вцепилась в Иосифа Прекрасного. — Библейский миф рассказывает, что жена придворного египетского фараона Пентефрия воспыкала страстью к находившемуся в рабстве у ее мужа юноше Иосифу Прекрасному, но тот отверг ее домогательства.

ные цели, произносил громкие слова о боге и короле. Однако, наученная горьким опытом, она умела скрывать свои чувства, так как боялась нажать врага в человеке, имевшем возможность погубить ее, и скрепя сердце принудила к этому Эмлин. Дело осложнилось и тем, что Сайсели была красива и некоторые из спутников ревизора заговаривали с нею так, что не понять их было невозможно. Кончилось все это тем, что, налетев на одного из них, Томас Болл задал ему такую взбучку, какой тот еще никогда не получал, после чего возникли неприятности, от которых пришлось откупаться деньгами.

Однако в целом все шло не так уж плохо Королевскому ревизору и его спутникам никто повредить не смел, осень стояла погожая, мальчуган ничем не болел, а места, по которым они проезжали, были для Сайсели полны новизны и интереса.

Наконец однажды, выехав из Барнета, они к вечеру добрались до столицы, показавшейся ей чудесным городом, — никогда еще не видала она такого множества домов и людей, деловито сновавших взад и вперед по узким улицам, которые с наступлением темноты освещались фонарями. Тут произошел оживленный спор, где им остановиться. Доктор Ли сказал, что он знает один дом, который им вполне подошел бы, но Эмлин и слышать об этом не хотела она уверена была, что там их обворуют; мысль о драгоценностях, которые они втайне от всех хранили на себе, не давала ей покоя. Вспомнив о двоюродном брате своей матери, золотых дел мастере, по имени Смит, который еще года два тому назад был жив и обитал в Чипсайде, она заявила, что непременно его разыщет.

Они отправились в Чипсайд, взяв в качестве провожатого одного из писцов ревизора — не того, которого поколотил Болл, а другого — и, наконец, поискав немного, обнаружили в глубине одного двора довольно невзрачный дом Джекоба Смита с тремя шарами вместо вывески. Эмлин спешила и, так как дверь оказалась не запертой, вошла в дом, где ее встретил седобородый старик в поднятых на лоб роговых очках и с такими же, как у нее самой, черными глазами, — ведь у них обоих текла в жилах цыганская кровь.

Разговора их Сайсели не слышала, но старик вышел

к ней вместе с Эмлин и довольно долго осматривал ее и Болла с ног до головы, словно снимал с них мерку. Наконец он сказал, что от своей родственницы, которой не видел уже лет тридцать, он узнал, что обе они и их слуга хотят снять помещение, свободные комнаты у него есть, и они могут получить их за соответствующую плату.

Сайсели спросила, сколько это будет стоить, и, когда он назвал сумму — десять шиллингов серебром в неделю за всех троих и их лошадей, которые будут поме-

щены в конюшне неподалеку, — велела Эмлин выдать ему один фунт золотом вперед. Он взял деньги, надкусил золотые монеты, чтобы убедиться в их качестве, но не спрятал в карман, а предложил жильцам сперва осмотреть помещение. Они прошли в комнаты и, найдя их чистыми и удобными, хотя и несколько темноватыми, заключили сделку с хозяином, после чего отпустили своего провожатого-писца с поручением сообщить адрес доктору Ли, пообещавшему известить их о ходе дела, как только ему удастся продвинуть его.

Когда он ушел, а Томас Болл в сопровождении подмастерья отвел в конюшню верховых и вьючную лошадь, старик стал вести себя иначе, пригласил их в комнату для посетителей, расположенную за мастерской, и послал свою домоправительницу, женщину не очень молодую, но приятной внешности, приготовить для всех еду. Сам же принялся угощать их всевозможными наливками из приземистых голландских бутылок. Он проявлял необыкновенную любезность, уверяя, что очень счастлив повидать родственницу, ибо теперь у него совсем не осталось близких людей — жена и двое детей умерли во время одной из частых в Лондоне эпидемий. К тому же родился он в Блосхолме, хотя и уехал оттуда полвека назад, знал деда Сайсели и мальчишкой играл с ее отцом. И он, как человек веселый и разговорчивый, стал засыпать их бесконечными вопросами о том и о сем, но они сочли более осторожным на некоторые из них не отвечать.

— Ага! — сказал он — Вы хотите испытать меня, прежде чем довериться. Да и кто вас за это осудит в нашем жестоком мире? Но, может быть, я больше знаю о вас, чем вы думаете; ведь у меня такое ремесло, что мне приходится многое узнавать. Вот, например, слышал я о том, что в Блосхолме недавно был суд над ведьмами, довольно плохо окончившийся для некоего аббата, а также об исчезновении знаменитых драгоценностей Карфаксов, что весьма огорчило этого святого человека. Да, драгоценности, говорят, были самые настоящие. Я, по крайней мере, слышал, что среди них имелись две розовые жемчужины, достойные королевской сокровищницы. Жалко, что они утеряны; ведь их владелицей была бы миледи, а мне, скромному золотых дел мастеру, очень хотелось бы на них взглянуть. Ну ладно, ладно; может

быть, я их все-таки увижу; утерянное иногда снова находят. А вот и обед наш поспел, кушайте, кушайте, потом побеседуем.

Так прошла первая из многих приятных трапез, которые они разделяли со своим хозяином — Джекобом Смитом. Эмлин потихоньку навела о нем справку у всех соседей и узнала, что ее родственник пользуется самой доброй славой и всеобщим доверием.

— Так почему же и нам не довериться ему? — спросила Сайсели. — Нам ведь очень нужны друзья и люди, которым мы могли бы верить.

— Даже в отношении драгоценностей, госпожа?

— Даже и в этом отношении, ведь драгоценности — по его части, у него в железном сундуке они были бы сохраннее, чем зашитые на живую нитку в наших платьях: я из-за них ни днем, ни ночью покоя не имею.

— Все-таки лучше обождем, — ответила Эмлин. — Когда они окажутся у него в сундуке, — кто знает, удастся ли нам вообще извлечь их оттуда?

На другой день после этого разговора к ним явился ревизор Ли и принес не очень приятные новости. По его словам, лорд Кромуэл заявил, что поскольку блосхолмский настоятель притязал на шефтонские земли, а теперь его права перешли или скоро перейдут к королю, король сам выступает как притязатель и от своих требований не откажется. К тому же «деньги при дворе сейчас так нужны, — тут Ли бросил на них жесткий взгляд, — что и речи не может быть об отказе от каких-либо ценностей, разве что за соответствующее возмещение» — При этих словах он взглянул еще жестче.

— А откуда у миледи средства на это возмещение? — резко вмешалась Эмлин, опасаясь, как бы Сайсели себя не выдала. — Сейчас она лишь бездомная нищая, у которой едва наберется несколько фунтов золотом; и даже если бы ей удалось получить свое имущество, вашей милости известно ведь, что доходы с него за первый год уже обещаны.

— Ах, — с грустным видом произнес доктор, — дело, разумеется, обстоит плохо. Однако, — хитро добавил он, многозначительно подчеркивая свои слова, — только недавно дошел до меня слух, будто у леди Харфлит есть припрятанное богатство, доставшееся ей от матери, — разные ценные украшения и тому подобные вещи.

Сайсели вся вспыхнула, ибо маленькие глазки доктора Ли буквально впились в нее, а притворяться она не умела. Но с Эмлин дело обстояло иначе: та умела с волками выть по-волчьи.

— Послушайте, сэр, — сказала она, напуская на себя таинственность, — вам сказали правду. Были у нас разные ценные вещи. Зачем бы нам скрывать это от вас, нашего друга? Но — увы! — они у этого жадного мерзавца аббата. Он ощипал мою бедную леди, как птичку, которую собираются изжарить. Отберите их у него, сэр, и могу поручиться, что она отдаст вам половину, — ведь правда, миледи?

— Разумеется, — ответила Сайсели. — Доктору, которому мы стольким обязаны, я с радостью отдам половину всех ценностей, которые он сможет отобрать у аббата Мэлдона. — Она замолкла, ибо ложь застряла у нее в горле. Вдобавок она чувствовала, что побагровела, как пион.

По счастью, комиссар этого не заметил, а если заметил, то приписал волнению или гневу.

— Аббат Мэлдон, — проворчал он, — вечно аббат Мэлдон! И гнусный же ворюга этот высокомерный испанец, которому нипочем оставить человека сиротой, а потом еще обобрать его. К тому же он еще злодей и изменник. Знаете ли вы, что он сейчас поднимает на севере мятеж? Ну, я еще увижу, как его вздернут на дыбу! А есть у вас список этих ценных вещей?

Сайсели дала отрицательный ответ, а Эмлин добавила, что его придется составить по памяти.

— Хорошо. Завтра или в ближайшие же дни я опять зайду, а пока — не бойтесь, я с вашего дела глаз не спущу, как кошка с воробья. Ах ты, крыса поганая, испанский аббат, подожди у меня, запущу я когти в твою жирную спину! До свидания, миледи Харфлит, до свидания, госпожа Стоуэр, мне надо идти возиться с другими попами немногим получше этого. — И он удалился, бормоча проклятия по адресу аббата.

— Ну вот, теперь, кажется, настало время довериться Джекобу Смит, — сказала Эмлин, когда дверь за ним закрылась. — Тот еще может оказаться честным человеком, а уж этот доктор наверняка мошенник. К тому же он что-то прослышал о драгоценностях и подозревает нас. А, вот и вы, кузен Смит, заходите, пожалуйста, нам

с вами надо побеседовать. Заходите и, будьте добры, закройте за собою дверь.

Через каких-нибудь пять минут все до единой драгоценные вещи лежали на столе перед старым Джекобом, который смотрел на них круглыми от изумления глазами.

— Драгоценности Карфаксов, драгоценности, о которых я так часто слышал! Те самые, которые старый крестоносец отнял у одного султана на востоке, где о них доньше идет молва. Сокровище султанов, если только оно не прямо из Нового Иерусалима,¹ где эти украшения носили ангелы. И вы говорите, что вы, две женщины, везли такие бесценные вещи зашитыми в ваши плащи, которые, как я сам убедился, у вас валяются где попало?

¹ Новый Иерусалим в христианской мифологии одно из названий рая.

Правда, у женщин вообще разума нет, но таких дур я еще никогда не видел! А ведь спутником у вас был доктор Ли, который у ребенка способен стащить игрушку!

— Дуры мы или нет, — едко возразила Эмлин, — но вот они в целости и сохранности, хотя и подвергались некоторому риску. И потому я прошу вас взять их на хранение, кузен Смит.

Старый Джекоб прикрыл драгоценности скатертью и понемногу переложил их к себе в карман.

— Мы на верхнем этаже, — объяснил он, — и дверь заперта, но кто-нибудь мог поставить лестницу и заглянуть в окно. Находясь я на улице, я бы по игре отраженного в них света сообразил, что на столе лежат драгоценности. Даже у себя в кармане я и в течение часа не могу считать их сохранными — С этими словами он подошел к стене, нащупал пальцами какое-то место в деревянной обшивке; панель отошла, открыв тайник, в котором лежали различных размеров пакеты и свертки, и среди них он разместил драгоценности, но не все. Потом он подошел к другим панелям и открыл их точно таким же способом: там тоже лежали пакеты, и за ними он разместил остальные вещи.

— Ну вот, безрассудные вы женщины, — сказал он, — раз вы мне доверились, то и я вам верю. Вы видели у меня в конторе окованные железом сундуки и, наверно, подумали, что там я и храню весь свой товар. Так думают и все лондонские воры, они там уже дважды рылись, а унесли только немного олова. Помнится мне, что часть этого олова была потом обнаружена у придворных короля. Но за этими панелями все в безопасности, хотя ни одна женщина не придумала бы столь простого и надежного тайника.

Эмлин не сразу нашлась, что ответить, может быть оттого, что вся пылала негодованием, но Сайсели мягким голосом спросила:

— А у вас в Лондоне бывают пожары, мастер Смит? Кажется, я об этом что-то слышала, а ведь в таком случае, второпях, знаете.

Смит поднял на лоб свои роговые очки и воззрился на нее с кротким изумлением.

— Подумать только, — произнес он, — что меня будут учить уму-разуму младенцы и мамки.

— Вы хотите сказать — сосунки, — вставила Эмлин.

— Мамки, сосунки — это все одно, — с раздражением ответил он, но затем усмехнулся и добавил: — Ладно, ладно, миледи, вы правы. Поймали старого Джекоба. О пожаре-то я и не подумал, а ведь в прошлом году в соседнем доме случился пожар, и я тогда выскочил на улицу в простыне и одеяле, вовсе позабыв о золоте и камнях. Теперь я устрою тайники в каменной кладке погреба, там-то огонь ничего не сделает Ага! Вам, женщинам, до такого не додуматься; вы же зашиваете со-кровища в ночные сорочки.

Тут уж Эмлин не могла дольше сдерживаться.

— А как же, по-вашему, нам было везти их, кузен Смит? — с негодованием спросила она. — Навесить на шею или привязать к ногам? Недаром, помнится, мне мать моя говорила, что вы всегда были простоватым парнем, и, верно, вам покровительствует весьма могущественный святой, раз он помог вам целым и невредимым добраться до Лондона и научил, как зарабатывать на жизнь. А может, на свое счастье, женились вы на очень умной женщине, хотя сейчас-то сразу видно, что ее давно нет в живых. Ну хорошо, — добавила она, смеясь, — тешьте свое мужское тщеславие вы, рожденный женщиной, и раз у вас столько ума, поделитесь с нами своей мудростью, — мы в этом крайне нуждаемся.

— Женщины всегда так: когда неправы, — начинают браниться, — сказал Джекоб, подмигнув глазом. — Ну, рожденная от мужчины, расскажи-ка, что вас обоих смущает. Может быть, мудрость, которую я унаследовал от всех моих матерей вплоть до праматери Евы, пригодится вместо той, которой не хватало всем твоим матерям. Однако довольно шуток; если тебе угодно говорить, — я слушаю.

И вот, призвав предварительно проклятие божие на его голову, в случае, если он выдаст их хоть одним словом, Эмлин с помощью Сайсели поведала ему все с самого начала; еще задолго до того, как она кончила, пришлось зажечь свечи. Все это время Джекоб Смит сидел против них и не произнес почти ни слова, — лишь иногда задавал какой-нибудь уместный вопрос. Когда, наконец, они кончили, он воскликнул.

— А все-таки правда, что у женщин нет разума!

— Мы это от вас уже слышали, мастер Смит, — сказала Сайсели. — Но на этот раз — почему?

— Потому что вы не открылись мне раньше: это сберегло бы вам добрую неделю времени. Правда, дело сложилось так, что вашу историю я знаю подробнее, чем вы мне ее рассказали, и благодаря этому дни прошли не совсем даром. Ну, коротко говоря, этот доктор Ли — хищник и негодяй.

— О премудрый Соломон, это мы и без вас знали! — воскликнула Эмлин.

— Единственная его цель — устлать свое гнездо вашими перышками. Кое-что вы ему сами обещали, в данном случае, впрочем, поступив правильно. Теперь он прослышал об этих драгоценностях, что и не удивительно: подобных вещей скрыть невозможно. Даже если бы вы спрятали их в ящик и зарыли на глубину шести футов, и то они засверкали бы сквозь толщу земли и выдали свое присутствие. План его такой. обчистить вас до нитки, пока вы еще не попали в руки его хозяина — Кромвэла. А если вы явитесь к этому всемогущему министру с пустыми руками, — чего будет стоить ваше ходатайство в глазах Кромвэла? Он ведь самая жадная акула из всех, кроме еще одной.

— Понимаем, — сказала Эмлин — Каков же ваш план, кузен Смит?

— Мой? Не могу сказать, чтобы у меня имелся план. Но вот что по-моему было бы целесообразно. Хотя я человек маленький и незаметный, при дворе обо мне вспоминают, когда возникает нужда в деньгах. А теперь как раз нужно очень много денег, ибо вскоре за оружие возьмется весь Йоркшир, и потому сейчас обо мне вспоминают очень часто. Если вы пожелаете расстаться с доктором Ли и поручить свое дело мне, это, может быть, обойдется вам подешевле.

— Во сколько же это нам обойдется? — выпалила Эмлин.

Старик с негодованием повернулся к ней.

— Кузина, с какой стати ты меня оскорбляешь? Разве я вымогал что-нибудь у тебя или у твоей хозяйки? Хватит, вы мне не верите. Хватит, забирайте свои драгоценности и ищите себе другого помощника! — И он подошел к панелям стены, намереваясь достать оттуда украшения.

— Нет, нет, мастер Смит, — взмолилась Сайсели, схватив его за руку, — не сердитесь на Эмлин. Вы же

знаете мы прошли суровую школу, где учителями нашими были Мэлдон и доктор Ли. Я-то во всяком случае вам верю, не бросайте же меня на произвол судьбы, — мне ведь не к кому больше обращаться, а трудностей и забот так много! — И при этих словах из ее синих глаз скатились крупные слезы прямо на лицо мальчика; тот проснулся, и ей пришлось отвернуться, чтобы успокоить его.

— Не огорчайтесь, — смутился добрый старик. — Это мне надо огорчаться. мои грубые слова довели вас до слез. К тому же Эмлин ведь права; даже безрассудные женщины вовсе не должны доверяться первому попавшемуся человеку, у которого они поселились. Впрочем, раз вы уверяете, что говорили от чистого сердца, я постараюсь не оказаться недостойным вашего доверия, миледи Харфлит. Так вот, что вам нужно от короля? Чтоб он рассудил вас с аббатом? Это вы и даром получите, если его милость доберется до аббата, каковой в настоящее время поднимает мятеж против короля. Нет, значит, необходимости напирать на его прежние злодеяния. Чтобы вам вернули ваши владения, на которые заявил притязания аббат? Вот это будет потруднее, ибо сам король явится притязателем вместо аббата. В лучшем случае тут придется раскошелиться. Чтобы ваше замужество и рождение вашего сына признаны были законными? Это не так уж трудно, хотя тоже будет стоить денег. Чтобы приговор за колдовство вам и Эмлин был отменен? Дело несложное, ведь процесс-то устроил аббат. Ну как, это все или еще что-нибудь есть?

— Да мастер Смит Я хотела бы, чтоб у добрых монахинь, которые так хорошо ко мне отнеслись, не отнимали их дома и их земли. Я обещала отдать эти самые драгоценности, если таким образом можно будет этого добиться.

— Это вопрос денег, леди, всего-навсего вопрос денег. Вам придется выкупить их имущество — вот и все. А теперь посмотрим, какие нам предстоят затраты, может быть, фортуна мне улыбнется. — Он достал перо, бумагу и принялся писать цифры.

Под конец он встал, вздохнув и покачав головой.

— Две тысячи фунтов, — со стоном вырвалось у него, — сумма огромная, но уменьшить ее невозможно ни на шиллинг, — слишком многих надо подкупить. Да, ты-

сячу фунтов на взятки и тысячу — займы его величеству, который долгов не отдает.

— Две тысячи фунтов! — вскричала испуганная Сайсели. — О, откуда мне взять столько? Ведь даже доходы за первый год я уже обещала!

— А вы знаете стоимость своих драгоценностей? — спросил, глядя на нее, Джекоб.

— Нет Половина того, что вы сказали?

— Если назвать цифру вдвое больше, то это будет еще довольно мало.

— Ну, а коли так, — ответила ошеломленная Сайсели, — где нам их продать? У кого наберется столько денег?

— Я постараюсь найти их или, во всяком случае, столько, сколько понадобится. Ну вот, кузина Эмлин, — добавил он саркастически, — сама видишь, в чем моя выгода: покупаю драгоценности за полцены, а остальное — мое.

— Теперь я отвечу, как вы, — хватит, — сказала Эмлин, — шуточки свои попридержите до более подходящего времени.

Старик призадумался, а затем сказал:

— Поздновато уже, но вечер погожий и мне полезно подышать воздухом. Пусть этот ваш башковитый рыжий парень постережет вас, пока меня не будет дома; и, ради всего святого, будьте осторожны со свечами. Нет, нет, печей не топите — придется вам померзнуть. После того, что вы тут наговорили, мне только пожары и мерещатся. Это всего на одну ночь. К завтрашнему вечеру я подыщу такое местечко, что там даже аббата Мэлдона не опалило бы адское пламя. Но пока обходитесь теплой одеждой. У меня в закладе имеются меха, я их вам сейчас пришлю. Вы сами виноваты, а для меня в молодости в осенний день топки не требовалось. Ну ладно, ладно.

Он ушел; и в тот вечер они его больше не видели.

На следующее утро, когда они сидели за завтраком, Джекоб Смит появился и принялся говорить о чем угодно — о плохой погоде, о том, что ветчина жестковата и ни в какое сравнение не идет с той, которую приготовляли в Блосхолме, когда он был молод, о том, что мальчуган Сайсели очень похож на мать.

— Ну уж нет, — прервала его Сайсели, почувство-

вавшая, что он их дразнит, — он вылитый отец. Со мной у него нет ни малейшего сходства

— Вот как? — ответил Джекоб. — Ладно, я выскажу свое мнение, когда увижу отца. А кстати, дайте-ка мне перечитать записку, которую человек в плаще передал Эмлин.

Сайсели дала ему записку, и он стал внимательно изучать ее. Потом безразличным тоном промолвил:

— На днях я видел список христианских пленников, спасенных от турок императором Карлом в Тунисе. Среди них имеется некий Хуфлит, обозначенный как английский сеньор и его слуга. Вот мне и кажется. .

Сайсели так и бросилась на него.

— Жестокий, злодей! Сколько времени знали это и слова не проронили!

— Потихе, миледи, — сказал он, отступая. — Я узнал это лишь вчера в одиннадцать часов вечера, когда вы уже спали сном праведным. Вчера ведь не сегодня, потому я и сказал «на днях».

— Можно было меня разбудить. А теперь живо говорите, — где он?

— Откуда мне знать? Во всяком случае не здесь. Но в этом документе говорилось. . .

— Что же в нем говорилось?

— Стараюсь припомнить, да память мне изменяет. Может, и с вами такое случится, когда вы доживете до моих лет, если небу угодно будет. . .

— О, хоть бы ему угодно было заставить вас рассказывать толком! Что говорилось в документе?

— А, вот, припомнил! В примечании, имевшемся среди прочих новостей. Упомянул ли я о том что это было письмо от посла его королевской милости в Испании? Пишет он такими каракулями, что ничего не разобрать. Ну, ну, не торопите меня. Так вот, говорилось там, что означенный «сэр Хуфлит» — посол снабдил это имя вопросительным знаком — и его слуга — да, да, я уверен, что речь шла и о слуге, — что оба они, будучи очень злы на турок за то, как обходились с ними эти нехристи — нет, я забыл прибавить, что их было трое, третий — священник, который поступил иначе; так вот, будучи очень злы, они остались там, чтобы вместе с испанцами сражаться против турок до окончания военных действий. Теперь я все сказал.

— Все — и как это мало! — вскричала Сайсели. — Но все же лучше, чем ничего. И зачем это женатому человеку понадобилось плыть за море, чтобы мстить несчастным, невежественным туркам?

— А почему нет, — вмешалась Эмлин, — если он, как твой супруг, считает себя вдовцом?

— Да, я забыла. Он думает, что меня нет в живых; да и его скоро не будет в живых, может быть, и сейчас уже нет, — ведь эти безбожные, злобные турки убьют его. — И она залилась слезами.

— Я забыл добавить, — поспешно сказал Джекоб, что в другом письме, помеченном более поздним числом, посол сообщает, что поход императора против турок прерван до весны и что участвовавшие в нем англичане сражались с великой доблестью и все возвратились живы и невредимы, но на этот раз имена их не упомянуты.

— Все возвратились! Если бы мой муж умер — а он не мог умереть бесславно, как трус, — то разве говорилось бы в письме, что все возвратились? Нет, нет, он жив, но вернется ли — кто знает? Может быть, он еще куда-нибудь отправится или останется в Испании и женится там.

— Это невозможно, — с поклоном сказал старый Джекоб. — Раз вы были его женой, — это невозможно.

— Невозможно, — повторила Эмлин. — Ведь ему надо еще свести счеты с этим Мэлдоном! Мужчина может забыть свою возлюбленную, особенно, если он думает, что ее нет в живых. Но раз он остался за границей чтобы сражаться с турками, которые с ним плохо обращались, так уж наверно возвратится домой, чтобы расправиться с аббатом, который разорил его и убил его жену

Наступило молчание. Золотых дел мастер, чувствуя, что всем невесело, поторопился прервать его.

— Да, он несомненно возвратится на родину. Потому, что нам известно, может быть уже и возвратился. Мы тоже должны предъявить счет этому аббату. Он, конечно, негодяй, но не следует думать, что все без исключения аббаты злодеи. Теперь же, миледи, я расскажу вам, что мне удалось сделать, и, может быть, вам это понравится больше, чем мне самому. Вчера вечером я поправился с лордом Кромгуэлом, с которым у меня не-

мало своих дел, у него в доме, в Остин Фрайерс, и изложил ему ваше дело. Как я и предполагал, этот подлый обманщик Ли о нем с ним и не заговаривал, рассчитывая вытащить из пудинга все сливы, а хозяину своему передать уже объедки. Он просмотрел ваши документы, достал ходатайства аббата и сравнил то и другое. Затем он взял мою просьбу на заметку и сразу же спросил: «Сколько?»

Я сказал «Тысячу фунтов в качестве займа королю». Заем этот возвращать не придется, а в качестве возмещения я прошу — от вашего имени — все земли аббата в добавление к вашим собственным, когда земли означенного аббата будут конфискованы, что не замедлит последовать. На это он согласился от имени его королевской милости, ибо король весьма нуждается в деньгах, но спросил, — что же ему самому? Я ответил: пятьсот фунтов ему и его шакалам, в том числе доктору Ли, причем никакой расписки мы не потребуем. Он же сказал, что этого недостаточно. после того, как насытятся шакалы, для него останутся только обголодавшие кости; я должен предложить больше, ибо и мои требования не малые; затем он сделал вид, что прекращает разговор. Я пошел к дверям, но обернулся и сказал, что у меня есть чудеснейшая жемчужина, и ему, любителю драгоценных камней, может быть, любопытно будет взглянуть на нее жемчужина стоит не одного аббатства. Он сказал: «Покажите!» — и вы бы только видели! — млея над нею, как девушка над первым полученным ею любовным письмом. «О, если бы таких было две!» — прошептал он.

«Две, милорд! — ответил я. — Да на всем белом свете нет другой такой жемчужины!» Правда, когда я произносил эти слова, оправа второй, приколотой к внутренней стороне моего камзола, крепко уколола меня, словно рассердившись. Затем я взял у него жемчужину и вторично начал откланиваться.

«Джекоб, — сказал тогда Кромуэл, — вы мой старый друг, и ради вас я немного поступлюсь своим долгом. Оставьте жемчужину. Его королевская милость так нуждается в этой тысяче фунтов, что я, пожалуй, возьму ее у вас, хоть и скрепя сердце». И он протянул руку за жемчужиной, но я вовремя прикрыл ее своей рукой.

— Сперва документ; потом пла́та, милорд. Я тут уже сам составил бумагу, чтобы вам не беспокоиться, если только вы соизволите подписать.

Он перечитал, потом, взяв перо, вычеркнул пункт насчёт отмены приговора за колдовство — по его словам, это может сделать лишь сам король или специально уполномоченные им лица, — но остальное подписал, приняв на себя обязательство после уплаты тысячи фунтов выдать документ по форме, подписанный королем и скрепленный государственной печатью. Так как ничего большего добиться было невозможно, я сказал, что это нам подходит, и оставил ему вашу жемчужину. Он же обещал со своей стороны побудить его величество принять вас, и я не сомневаюсь, что он не замедлит это сделать ради пресловутой тысячи фунтов. Правильно я поступил?

— Разумеется, конечно! — вскричала Сайсели. — Кто бы устроил все хоть вполовину так же хорошо?

Едва она успела произнести эти слова, как со двора раздался громкий стук в дверь, и Джекоб побежал открывать. Почти тотчас же он вернулся, ведя за собой посланца в роскошной одежде, который поклонился Сайсели и спросил, не она ли леди Харфлит. Услышав в ответ, что таково действительно ее имя, он сказал, что ему поручено передать ей повеление его милости короля явиться к нему сегодня в три часа пополудни в его дворец Уайтхолл и привести с собою Эмлин Стоуэр и Томаса Болла, чтобы держать перед его величеством ответ по обвинению в колдовстве, возбужденному против нее и против них; и горе ей, ежели она попытается от этого уклониться

— Сэр, — ответила Сайсели, — я не замедлю явиться, но скажите мне, — должна ли я считать себя заключенной?

— Нет, — сказал вестник, — поскольку мастер Джекоб Смит, которому его милость изволит доверять, готов поручиться за вас.

— И за тысячу фунтов, — проворчал Джекоб себе под нос, когда он с низким поклоном провожал королевского посланца к выходу. При этом он не преминул сунуть золотую монету в руку, которой тот помахал ему на прощание.

ЧЕРТ ПРИ ДВОРЕ

Было половина третьего, когда Сайсели с ребенком на руках и в сопровождении Эмлин, Томаса Болла и Джекоба Смита очутилась на парадном дворе Уайтхоллского дворца. Кругом было много людей, пришедших по своим делам, и сквозь эту толпу беспрестанно прокладывали себе дорогу герольды и солдаты, крича: «Расступись! Именем короля, расступись!» Толкотня была такая, что некоторое время даже Джекоб не мог привлечь к себе внимания, пока, наконец, он не заметил герольда, который приходил к ним утром, и не кивнул ему

— Я уже высматривал вас, мастер Смит, а также леди Харфлит, — произнес этот человек, отвечивая поклон Сайсели. — Вам назначена аудиенция у его королевской милости, не так ли? Один бог знает, удастся ли вам ее получить. В приемной полно людей, принесших известия о мятеже на севере, а также вельмож и советников, ожидающих распоряжений и денег, главным образом — денег. Одним словом, король отменил на сегодня все аудиенции, он никого принять не может. Так сказал мне сам лорд Кромвэл.

Джекоб вынул из кошелька золотую монету и стал вертеть ее в пальцах.

— Понимаю, благородный герольд. Все же вы, может быть, попытались бы послать кого-нибудь к лорду Кромвэлу? Если да, то вот эта мелочь...

— Попробуюсь, мастер Смит, — ответил тот, протягивая руку за червонцем — Но что ему передать?

— О, скажите, что Розовая жемчужина хотела бы узнать у его милости, где можно получить в долг тысячу фунтов без процентов?

— Станный вопрос, на который я сам, пожалуй, ответил бы. нигде, — сказал герольд. — Но, во всяком случае, найду кого-нибудь, кто передаст это лорду Кромвэлу. Постойте тут, в крытом проходе, чтобы не мокнуть под дождем. Не бойтесь, я мигом вернусь.

Они сделали, как он сказал, и были очень рады, ибо начало моросить, и Сайсели боялась, как бы не простудился мальчуган, на которого пребывание в Лондоне влияло не очень хорошо. Так стояли они, развлекаясь

зрелищем пестрой толпы людей, шнырявших туда и сюда. Болл, для которого все это было совершенно ново, изумленно открыв рот, созерцал людскую толчею, Эмлин быстрым взглядом пронизывала каждого, а старый Джекоб шепотом сообщал всевозможные, большей частью нелестные, сведения о всех проходящих мимо.

Что касается Сайсели, то вскоре мысли ее унеслись далеко. Она знала, что сейчас решается ее судьба, что, если нынче все обойдется хорошо, врагов ее, наверное, постигнет возмездие, а она в богатстве и чести проведет остаток своей жизни. Но не об этом она мечтала, — сердце ее было с Кристофером, без него все прочее не имело смысла. Где-то он сейчас? Если то, что рассказал Джекоб, было верно, он пережил много опасностей, но еще недавно был жив и здоров. Однако в те времена смерть настигала человека внезапно, поражая его молнией из неожиданно собравшихся туч или даже с ясного неба, — так что кто мог сказать наверное? Кроме того, он думал, что ее нет в живых, и потому, быть может, не старался беречь себя или же — самая ужасная мысль — взял в жены другую, что было бы вполне естественно. О, в таком случае...

В это самое мгновение шум какой-то перебранки вернул ее к действительности; и, подняв глаза, она убедилась, что Томас Болл вовлекает их в неприятность. Какой-то толстый неотесанный парень с огненно-красным бугристым носом, несколько подвыпивший, забавлялся тем, что поднимал на смех деревенский облик и рыжие волосы Томаса, громко спрашивая, не пользуются ли им в качестве пугала на его родных полях.

Сперва Томас довольно спокойно переносил эти насмешки, задав со своей стороны другой вопрос: не помогает ли нос толстого парня лондонским хозяйкам зажигать огонь в печи? Тот, заметив, что над ним потешаются больше, чем над Томасом, указал своим приятелям на ребенка, которого Сайсели держала на руках, и спросил, не кажется ли им, что он — вылитый папаша. Тут вся ярость Томаса прорвалась наружу, хотя шутка была глупая и безобидная.

— Ах ты, паршивый лондонский подонок! — вскричал он. — Вот я покажу тебе, как оскорблять леди Харфлит мерзкими шуточками! — И, протянув свой огромный кулак, он, словно железными клещами, вцепился в багро-

вый нос своего недруга и принялся крутить его, пока пьянчуга не завопил от боли. Тут сбежалась стража и Томаса едва не схватили за нарушение мира в королевском дворце. И он, наверное, был бы задержан, несмотря на все, что Джекоб Смит делал для его вызволения, если бы в то же мгновение не появился человек, при виде которого вся собравшаяся во дворе толпа расступилась с низкими поклонами, человек средних лет с умным, проныцательным лицом. На нем было богатое платье, отороченный мехом бархатный плащ и такой же берет.

Сайсели сразу же распознала в нем Кромуэла, самого могущественного в Англии, после короля, вельможу, и старалась хорошенько запомнить его, прекрасно понимая, что в руках Кромуэла и ее судьба и судьба ее сына. Она отметила и узкий, маленький, как у женщины, рот и маленькие карие глазки, посаженные близко друг к другу и окруженные тонкими морщинками, что придавало им хитрое выражение, — и, отметив все это, — испугалась: перед ней был человек, который сейчас, по всей видимости, мог считаться ее другом, но если бы ему случилось оказаться врагом — а ведь однажды его уже подкупили, чтобы он стал врагом ее отца, — он проявил бы к ней не больше жалости, чем паук к мухе.

И в этом она была права, ибо Кромуэл высосал уже немало мух, запутавшихся в расставленной им паутине; находясь в самом расцвете могущества и славы, он забывал об участии своего учителя, кардинала Уольси, ¹ в свое время еще более жадного паука.

— Что тут происходит? — резким голосом спросил Кромуэл — Нашли место, где поднимать суматоху — прямо под окнами его королевской милости! А, это вы, мастер Смит? В чем дело?

— Милорд, — с поклоном ответил Джекоб, — это слуга леди Харфлит, но он не виноват. Вот этот толстый негодяй оскорбил ее, а слуга Болл, человек вспыльчивый, вцепился ему в нос.

— Вижу, что вцепился. Смотрите, он сейчас оторвет ему этот самый нос. Дружище Болл, отпусти своего противника, не то в руке у тебя останется предмет, совер-

¹ Уольси Томас (1475—1530) — английский политический деятель, кардинал. Был лордом-канцлером при Генрихе VIII, протестовал против его развода и был уволен в отставку

шенно тебе не нужный. Стража, заберите-ка этот пивной бочонок и минут пять подержите его голову под насосом, чтобы он протрезвел, а если он после этого очнется, набейте ему колодки Ты молчи, ни слова, это тебе поделом. Мастер Смит, следуйте за мною со своими спутниками.

Толпа снова расступилась; они пошли за Кромуэлом к боковой двери, которая находилась тут же, и очутились в маленьком помещении, где никого не было, кроме них и Кромуэла. Там он остановился и, обернувшись, стал внимательно разглядывать их, особенно же Сайсели

— Полагаю, мастер Смит, — сказал он, указывая на Болла, вытиравшего себе руки поднятыми с полу тростниковыми метелками, — это и есть тот самый человек, который, как вы мне говорили, разыгрывал в Блосхолме черта Я вижу, что он и дурака свалить способен еще минута, поднялась бы всеобщая суматоха, и вы, может быть, на много месяцев упустили бы случай увидеть его королевскую милость, ибо король решил завтра утром выехать из Лондона на север, хотя, правда, к утру он еще может изменить свое решение. Мятеж его сильно беспокоит, и, не обещай вы ему заем — а займы сейчас очень нужны, — весьма мало надежды было бы добиться для вас аудиенции. Ну, а теперь медлить нельзя, и будьте осторожны, не рассердите короля — нынче он крайне раздражителен. По правде сказать, если бы не королева, которая сейчас с ним и которой захотелось увидеть леди Харфлит, едва не сожженную за колдовство, вам пришлось бы ждать более подходящего времени, а оно, чего доброго, и вовсе не наступило бы. Стойте! Что это у тебя в большом мешке, Болл?

— Чертово облачение, если угодно вашей милости.

— В Лондоне многие носят чертово облачение. Что ж, тащи его с собой; может быть, его величество посмеется; я бы тебе дал за это червонец, мне и то надоели проклятья и разносы, и, — добавил он с кислой усмешкой, — даже тумак! А теперь идемте, вы предстанете перед лицом короля; говорите только тогда, когда он к вам обратится, и не осмеливайтесь возражать, если он на вас напустится

Выйдя из этой комнаты, они пошли по коридору и очутились у другой двери, где двое часовых подозрительно посмотрели на Болла и его мешок, но Кромуэл что-то

сказал им, и они пропустили их в просторную комнату с камином, в котором пылал огонь. В противоположном конце ее стоял высокий надменного вида человек с плоским, жестоким лицом (которое Томас Болл сравнивал впоследствии с бычьей мордой), в богатом одеянии из темной материи и в бархатном берете. В руках он держал свиток пергамента, а против него, по другую сторону дубового стола сидел чиновник, весь в черном, и что-то писал тоже на пергаменте, кругом, на столе и на полу валялось еще много таких же пергаментных свитков.

— Негодяй! — кричал король. — Они догадались, что то был он, — ты неверно подсчитал эти цифры. И горькая же моя доля, что служат мне одни дураки!

— Прошу прощения у вашей милости, — дрожащим голосом произнес секретарь, — я их трижды проверял

— И ты еще смеешь возражать, лживый стряпчий! — снова загремел король. — Говорю тебе, они не могут быть верными — здесь на тысячу сто фунтов меньше, чем мне было обещано. Куда девались эти тысяча сто фунтов? Не ты ли их присвоил, ворюга?

— Я присвоил, я? О, ваша милость!

— А почему нет? И почище тебя люди крадут. Только ты ведь болван — ума у тебя не хватит. Попроси лорда Кромуэла дать тебе несколько уроков. Его-то обучали

лучшие учителя, да к тому же и сам он из купцов. Убирайся ты вон и забирай свою писанину

Несчастный чиновник поспешил подчиниться этому приказу. Наскоро собрав пергаменты, он откланялся разгневанному монарху. Но у двери, когда между ним и королем образовалось расстояние футов в двенадцать, он обернулся

— Всемиловейший государь, — снова начал он, — итог подсчитан верно. Честью клянусь; я, как верующий христианин, могу прямо смотреть в лицо вашему величеству, и в глазах у меня будет одна лишь правда .

На столе стояла массивная чернильница из бараньего рога, оправленная в серебро. Генрих схватил ее и изо всех сил швырнул в чиновника. Нацелился он отлично, ибо тяжелый рог угодил злополучному писцу прямо в нос, залил ему лицо чернилами, а его самого сбил с ног

— Теперь у тебя в глазах будет еще кое-что, кроме правды! — крикнул король. — Поднимайся, покуда за чернильницей не последовал стул.

Две дамы, которые стояли у камина и разговаривали, не обращая внимания на эту грубую сцену, так как по видимому привыкли к подобным вещам, взглянули на чиновника, засмеялись и продолжали свою беседу.

Кромуэл улыбнулся и пожал плечами. И вдруг среди наступившего затем молчания раздался громкий голос Томаса Болла, с разинутым ртом наблюдавшего за происходящим

— Вот это удар так удар! Я сам бы не метнул лучше!

— Молчи, дурень, — прошипела Эмлин.

— Кто говорил? — спросил король, бросив быстрый взгляд в их сторону

— Прошу прощения, государь, это я, Томас Болл.

— Томас Болл! А умеешь ты метать камень из пращи, Томас Болл, кто бы ты там ни был?

— Так точно, государь, но, наверное, не лучше вас, замечательный был удар!

— Томас Болл, ты прав. Принимая во внимание спешку и неудобство снаряда, удар был превосходный. Пусть этот негодяй поднимется с пола, и я ставлю золотой нобль¹ против медного гвоздя, что на таком же

¹ Нобль — старинная английская монета.

расстоянии ты метче не ударишь. Как, этот парень скрылся? Может быть, испробовать на милорде Кромуэле? Нет, сейчас не до забав. Какое у тебя ко мне дело, Томас Болл, и кто эти женщины?

Тут Кромуэл вышел вперед и с раболепными жестами стал что-то тихим голосом объяснять королю. Тем временем обеих дам внезапно заинтересовала Сайсели, и одна из них, бледная, но красивая женщина в роскошном одеянии, подошла к ней.

— Вы и есть леди Харфлит, о которой мы уже слышали, та самая, что едва не была сожжена, как ведьма? Да? А это ваш ребенок? О, какой прелестный! Держу пари, что мальчик. Ну, поди ко мне, ангелочек, и впоследствии ты сможешь рассказывать, что тебя нянчила королева.

С этими словами она протянула руки.

По счастью, ребенок не спал, и его привлек ласковый голос королевы или же, может быть, блеск драгоценных камней ее ожерелья. Во всяком случае он тоже протянул к ней ручонки и охотно прильнул к ее груди. Джен Сеймур — ибо это была она — принялась ласкать его, а затем, в сопровождении своей фрейлины, подошла к королю.

— Взгляните, Гарри, взгляните, какой прелестный мальчуган и как он меня полюбил. Послал бы нам бог такого сынка!

Король посмотрел на мальчика и сказал

— Да, неплохо было бы. Это уж твоя забота, Джен. Понянчи, понянчи его; может быть, пол ребенка передается. И я и вся Англия ждем не дождемся, когда у тебя наступят роды, дорогая моя. Что вы такое говорили, Кромуэл?

Могущественный министр продолжал объяснять, пока королю не надоело слушать его и он не позвал:

— Подойдите сюда, мастер Смит

Джекоб приблизился, отвесил поклон и молча вытянулся перед королем.

— Итак, мастер Смит, лорд Кромуэл говорит, что, ежели я подпишу эти бумаги, вы, по поручению леди Харфлит, дадите мне взаймы без процентов тысячу фунтов, в которых я в настоящее время нуждаюсь. Так где же эта тысяча фунтов? Обещаний мне не надо, даже от

вас, мастер Смит, хотя известно, что вы свое слово держите.

Джекоб сунул руку под свой камзол, извлек из многочисленных внутренних карманов мешочки с золотыми монетами и разложил их в ряд на столе.

— Вот она, ваша милость, — спокойно сказал он. — Если вам угодно, золото можно взвесить и сосчитать.

— Клянусь богом! Пожалуй, пусть уж оно лучше останется здесь у меня. неровен час, с вами на обратном пути что-нибудь приключится, мастер Смит. Чего доброго, упадете в Темзу и утонете.

— Ваша милость изволите говорить правду; пергаменты нести куда легче, даже если, — добавил он многозначительно, — на них стоит подпись вашего величества.

— Я не могу ничего подписать, — нерешительно заметил король. — Все чернила пролились.

Джекоб достал маленькую роговую чернильницу, которая, как у большинства купцов того времени, подвешена была у него к поясу, вынул втулочку и с поклоном поставил на стол.

— Вы и правда деловой человек, мастер Смит, слишком уж деловой для меня, простого короля. Вы так ко всему подготовились, что мне, наоборот, хочется помедлить. Может быть, нам лучше встретиться после, когда я буду посвободнее.

Джекоб снова поклонился и, протянув руку, медленным движением приподнял первый мешочек с золотом, словно собирался вновь спрятать его в карман.

— Кромвэл, подите-ка сюда, — произнес король, после чего Джекоб, словно по рассеянности, опять положил мешочек на стол.

— Перечислите еще раз все пункты этого дела, Кромвэл.

— Государь, леди Харфлит жалуется на испанца Мэлдона, настоятеля Блосхолмского монастыря, который, по всем данным, умертвил ее отца, сэра Джона Фотрела, и ее супруга, сэра Кристофера Харфлита, хотя прошел слух, будто последнему удалось вырваться из его когтей и он в настоящее время находится в Испании. Еще: означенный аббат захватил земли, которые присутствующая здесь госпожа Сайсели должна была унаследовать от отца, и она ходатайствует о том, чтобы они были ей возвращены.

— Клянусь страстями господними, правосудие над Мэлдоном мы совершим и даром, если только сможем, — ответил король, хватив своим мощным кулаком по столу — Незачем терять время на перечисление обид, которые он нанес леди Харфлит. Это ведь тот же самый негодяй-испанец Мэлдон, который заварил нам чертову кашу на севере. Ладно, он сварится в своем же собственном котле, мы тоже можем предъявить ему порядочный счет. Что еще?

— Леди Харфлит, урожденной Сайсели Фотрел, необходимо официальное признание законности ее брака с Кристофером Харфлитом. Бракосочетание было, без сомнения, совершено по закону, хотя аббат оспаривает его в своих личных интересах. Есть также ходатайство о денежном возмещении за гибель тех людей, которые пали в то время, когда означенный аббат напал на дом упомянутого Кристофера Харфлита и сжег его.

— Это было бы легче всего сделать, если бы сам Мэлдон тоже пал, но я согласен. Что еще?

— Обещание вашей милости, что к леди Харфлит отойдут земли Блосхолмского аббатства и Блосхолмской женской обители в качестве компенсации за данную агентом Сайсели Харфлит, Джекобом Смитом, взаймы вашему величеству тысячу фунтов.

— Требование немалое, милорд. Эти земли оценены?

— Так точно, государь, вашим комиссаром, каковой доложил, что стоимось их, то есть обрабатываемой земли вместе с лесными угодьями, не достигает тысячи фунтов золотом.

— Наш комиссар? Гроша медного не стоит его оценка; нет сомнения, что он подкуплен. Однако, вернув долг, мы сможем получить обратно земли. Кроме того, эта госпожа Харфлит и ее супруг тяжело потерпели от руки Мэлдона и от его вооруженных бандитов, так что я и тут готов согласиться. Ну, а теперь все? Я устал от всех этих разговоров.

— Еще одно только, ваша милость, — поспешно добавил Кромуэл, ибо Генрих уже поднялся, чтобы идти. — Госпожа Сайсели Харфлит, ее служанка Эмлин Стоуэр и одна старая полусумасшедшая монахиня были осуждены за колдовство церковным трибуналом, членом которого являлся аббат Мэлдон, по жалобе этого же са-

мого аббата на то, что они околдовали его самого и его владения.

— Значит, он был и истцом, и судьей в одном лице?

— Точно так, ваша милость. Хотя приговор не был утвержден королем, их возвели на костер, так что означенный Мэлдон тем самым присвоил себе prerogative короны. Однако ваш комиссар Ли подоспел вовремя и освободил их, хотя и не без борьбы — оказались раненые и убитые. И теперь все три обвиняемые смиренно умоляют о даровании им вашим величеством монаршего прощения за их участие в человекоубийстве, если такое участие было; о том же молит и присутствующий здесь Томас Болл, по всей видимости и совершивший эти убийства...

— Вполне этому верю, — проворчал король.

— Ходатайствуют они также о признании суда над ними и приговора незаконными, а их самих не виновными в том, за что они были осуждены.

— Невинными! — вскричал Генрих, который, потеряв терпение, придрался к последнему пункту — Откуда же мы знаем, что они не были виновны, хотя, правду сказать, если госпожа Харфлит ведьма, то уж, наверно, самая хорошенькая из всех, которых мы видели и о которых слыхали. Вы, Кромуэл, как всегда, требуете непомерно много.

— Умоляю вашу милость еще о минуточке терпения. Здесь имеется человек, который может доказать их невиновность: вот этот рыжеволосый Болл.

— Как? Тот, что похвалил наш удар? Хорошо, Болл, раз уж ты такой удалец, мы тебя выслушаем. Доказывай, но покороче.

— Теперь все пропало, — шепнула Эмлин Сайсели. — Болван Томас наверняка посадит нас в лужу

— Ваша милость, — произнес Томас своим мощным голосом. — Повинуюсь вам и скажу лишь три слова: чертом был я.

— Черта с два ты им был! Как тебя понимать?

— Ваша милость, в Блосхолме пошаливала нечистая сила, а шалости-то были мои.

— А как же иначе, раз ты там жил?

— Сейчас я покажу вашей милости. — И, без лишних слов, к величайшему ужасу Сайсели, Томас высыпал из мешка все предметы своего адского облачения и при-

нялся одеваться. Так как в этом деле он хорошо на-практиковался, — не прошло и минуты, как на нем уже была устрашающая маска вместе с рогами и шкурой козла вдовы Джонсон, в руке он вертел трехзубую острогу с укороченной рукояткой. В этом одеянии он принялся выделывать разные штуки перед изумленным королем и королевой, помахивая хвостом, в котором продета была проволока, и стуча копытами по полу.

— О, отличный черт! Замечательный черт! — вскричал его величество, хлопая в ладоши. — Повстречайся ты мне, я бы пустился наутек, что твой заяц. Слушай, Джен, загляни-ка в ту дверь и скажи мне, что за народ там собрался.

Королева повиновалась и, вернувшись, сказала:

— Там ожидают аудиенции епископ со священником, но какой, не разобрала, — становится темно, — и с капелланом, а также всякие лорды королевского Совета.

— Прекрасно. Испытаем на них черта, — они же мастера укрощать дьявола. Друг сатана, подойди к этой двери, незаметно проскользни в нее, а там бросайся в самую толпу, кричи и гони их сюда, так чтобы мы увидели, у кого из них хватит храбрости усмирить тебя. Понял, Вельзевул?

Томас кивнул своими рогами и исчез бесшумно, как кошка.

— Теперь откройте двери и становитесь все на одну сторону.

Кромуэл повиновался, и долго ждать не пришлось. Из соседней залы донесся ужасающий многоголосый вопль, затем в ком-

нату через открытую дверь ворвался задыхающийся епископ, за ним лорды, капелланы, секретари и, наконец, священник; толстый, запутавшийся в своем облачении, он не мог так быстро бежать, хотя за его спиной скакал и завывал сам сатана. Все они никакого внимания не обратили на его королевское величество или на кого-либо другого: мчась через комнату к противоположной двери, они думали только о том, как бы поскорее улепетнуть.

— Замечательно, великолепно! — гремел король, трясаясь от хохота. — Коли их вилами, черт, коли! — И Болл, получив королевский приказ, усердствовал вовсю.

В полминуты все было кончено. Толпа налетела и пронеслась, только Том в своем устрашающем одеянии стоял, склонившись перед королем

— Спасибо, Томас Болл, — вскричал тот, — ты насмешил меня так, как я уже много лет не смеялся. Понятно, что твою хозяйку осудили как ведьму. А теперь, — добавил он другим тоном, — довольно шутовства. Вы, Кромгуэл, разыщите кого-нибудь из этих болванов и растолкуйте, в чем дело, пока по всему дворцу не пошли рассказы. Джен, перестань хохотать, всему свое время. Подойдите, леди Харфлит; мне надо с вами поговорить.

Сайсели приблизилась и низко присела перед королем, оставив уснувшего ребенка на руках у королевы, ибо та, видимо, и не думала с ним расставаться.

— Вы требуете от нас многого, — внезапно произнес он, испытующе глядя на нее, — и полагаетесь, несомненно, или на то, что обиды, вам причиненные, велики, или на свою привлекательную внешность, или и на то и на другое вместе. Что ж, все это, быть может, трогает королей больше, чем кого-либо другого. К тому же я знал старого сэра Джона, вашего батюшку: он был честный и храбрый человек, отлично дрался при Флоддене.¹ Да и молодой Харфлит, ваш супруг, если он еще жив, с честью носит имя своих предков. Вдобавок недруг ваш, Мэлдон, является также и нашим врагом —

¹ Флодден — селение в Северной Англии, близ которого в 1513 году английские войска одержали победу над шотландцами.

чужеземная змея, предатель, из тех, кого вся Англия ненавидит, потому что они хотят видеть ее под пятой Испании.

Так вот, госпожа Харфлит, наверное, выйдя от нас, вы разнесете повсюду странные рассказы о короле Гарри¹ и его повадках. Вы станете говорить, что он валяет дурака, швыряет в своих слуг чернильницами, приходя в гнев (видит бог, у него для этого часто бывают основания), и натравливает на своих епископов ряженных чертей (а почему бы и нет, когда мир полон остолопов?) Вы также скажете, что он действует по указке своих министров и подписывает все, что ему подсовывают, не особенно заботясь о том, чтобы выяснить, где там правда, а где ложь. Что ж, такова участь властителей, ибо даже у них лишь одна голова и ровно столько времени, сколько отпущено одному человеку, ибо они вынуждены доверяться слугам, пока те не превращаются в господ, и тогда остается только одно, — тут лицо его приняло свирепое выражение, — уничтожать их и заводить других, еще хуже. Новые слуги, новые жены, — при этих словах он взглянул на Джен, которая не слушала, — новые друзья, — причем и те, и другие, и третьи изменяют, — новые враги, а под конец итог всему подводит старуха смерть. Такова была участь всех владык мира, начиная с царя Давида, и так, я думаю, всегда будет

Он замолк и ненадолго погрузился в мрачное раздумье, затем поднял глаза и продолжал:

— Не знаю, зачем я говорю все это такому ребенку, как вы. Впрочем, вы ведь, несмотря на свою молодость, хлебнули горя и на душе у вас не легко. Да, да, о вас и о вашем деле я слышал больше, чем вы предполагаете, и память у меня хорошая — это уж моя особенность. Госпожа Харфлит, вы на самом деле богаче, чем признались, по данному вам совету, и, повторяю, просите меня о многом. Правосудие государи творить обязаны, и вы его получите. Но обширные земли аббатства и земли блосхолмской обители, которые вы хотели бы вернуть вашим приятельницам-монашкам, общее прощение тем, кто, вступившись за вас, пролил кровь, отмена без соблюдения законной формы приговора, вынесенного

¹ о короле Гарри. Гарри — уменьшительное от Генрих.

правомочным трибуналом, хотя бы даже этот приговор и был неправильным, — все это за один лишь заем ничтожной суммы — тысячи фунтов? Вы хорошо соблюдаете свою выгоду, леди Харфлит; можно подумать, что стцом вашим был какой-нибудь барышник, а не суровый Джон Фотрел, так ловко вы торгуетесь со своим королем, когда он в нужде.

— Государь, государь, — прервала его вконец смущенная Сайсели, — у меня больше ничего нет; земли мои разорил аббат Мэлдон, дом моего мужа сожжен его солдатами, а целый годовой доход с моего имущества, если я его все-таки получу, обещан.

— Кому?

Она колебалась.

— Кому? — загремел он. — Отвечайте, сударыня.

— Комиссару вашего королевского величества, доктору Ли.

— А, так я и думал, хотя, рассказывая о вас, гнусный мошенник об этом умолчал

— Драгоценности, доставшиеся мне от матери, заложены за ту самую тысячу фунтов, а больше у меня нет

— Очевидная ложь, госпожа Харфлит, ибо чем же вы платили Кромуэлу? Даром он вас сюда не привел бы.

— О государь, государь, — вскричала Сайсели, падая на колени, — не требуйте от беспомощной женщины, чтобы она предала тех, кто помог ей в ее правом деле и в самой горькой нужде! Я сказала, что у меня ничего нет, разве что эти драгоценности стоят дороже, чем мне самой известно.

— Верю, госпожа Харфлит Хорошо мы все вас обчистили, — не так ли? Но, может быть, в конце-то концов вы в проигрыше не останетесь. Ну, а мастер Смит работает ведь не за одно только спасибо?

— Государь, — сказал Джекоб, — это правда, я подражаю своим господам Драгоценности этой леди у меня в закладе, и я надеюсь кое-что заработать. Однако, ваше величество, среди них имеется розовая жемчужина редкой красоты и, может быть, королеве было бы приятно носить ее. Вот она, — и он положил жемчужину на стол

— О, какая прелесть! — сказала Джен. — Никогда еще я ничего подобного не видела.

— В таком случае рассматривай получше, женушка, ибо ты видишь ее в последний раз. Когда нам нечем платить своим солдатам, чтобы удерживать на голове корону и охранять свободу Англии от испанцев и римского папы, не время дарить тебе камни, которых я не купил. Возьмите эту драгоценность, мастер Смит, и продайте ее за ту сумму, которую можно будет выручить у евреев; сумму же эту добавьте к полученной мною тысяче фунтов, удержав в свою пользу одну десятую за труды. Итак, госпожа Харфлит, вы купили благоволение короля, и это святая правда, ибо, в отличие от многих других, я никогда не лгу. А, вот и Кромуэл. Милорд, вы не торопились.

— Ваша светлость, тот священник едва не помешался от страха и воображает, что попал в ад, мне пришлось обождать, пока не явился врач.

— Теперь, когда вы ушли, он наверняка почувствует себя лучше. Бедняга, если ряженный черт так напугал его, — что он будет делать, когда ему придется иметь дело с настоящими? Так вот, Кромуэл, я обдумал это дело и подпишу ваши бумаги, все до единой. Госпожа Харфлит рассказала мне, как вы постарались для нее, и притом задаром. Я очень доволен, Кромуэл, потому что порою удивлялся — как это вы богатеете, подобно вашему учителю Уольси? А он-то брал взятки, Кромуэл!

— Государь, — ответил тот тихим голосом, — с миледи поступили жестоко, и это вызвало во мне жалость! .

— Так же как и в нас, причем мы разбогатели на тысячу фунтов и на стоимость одной жемчужины. Ну как, все пять документов подписаны? Возьмите их, мастер Смит, поскольку леди Харфлит ваша клиентка, и тщательно проверьте сегодня вечером. Если окажется какая-нибудь ошибка или упущение, даю вам свое королевское слово — все будет исправлено. Вот наш приказ — заметьте себе, Кромуэл, когда наступит момент осуществить на деле все, о чем здесь идет речь касательно прощений, пожалований и восстановлений в правах, — осуществлено это должно быть незамедлительно. Под бумагами вы и свою подпись поставьте здесь же, при мне. Никаких поборов ни в открытую, ни тайно никому больше не дозволяется взимать ни с леди Харфлит,

каковую отныне, в знак особой нашей милости, мы жалует и именуем владительницей Блосхолма, ни с ее супруга или сына Комиссар Ли обязан под соответственную расписку внести в нашу казну всю сумму или суммы, которые могла ему посулить указанная госпожа Харфлит. Запишите все это, милорд Кромуэл, и проследите за тем, чтобы слово мое было выполнено, я с вас спрошу

Вельможа поспешно повиновался, ибо во взгляде короля он прочел нечто, нагнавшее на него страх. Королева же, увидев, как вожденная жемчужина исчезла в кармане Джекоба, вернула ребенка Сайсели и, не сказав королю на прощанье ни слова и даже не поклонившись, вышла в сопровождении своей фрейлины из комнаты и хлопнула за собой дверь.

— Ее милость гневается из-за того, что эта жемчужина, ваша жемчужина, леди Харфлит, ей не досталась, — сказал Генрих, добавив с сердитым ворчанием: — Клянусь богом! Как смеет она куражиться надо мною, когда я весь поглощен куда более важными делами! Ого, Джен Сеймур нынче королева и желает, чтобы об этом знал весь свет. Ну, а что превращает женщину в королеву? Прихоть короля и золотая корона на голове, а корону может снять та же рука, которая надела ее, да еще с головой и всем прочим в придачу, если так просто не снимется. И где тогда королева? Чума на всех баб и на все, что заставляет нас к ним тянуться! Госпожа Харфлит, вы, надеюсь, со своим супругом так обращаться не станете? Вы ведь никогда не были при дворе, иначе я бы вас помнил. Что ж, может быть, так для вас лучше, и именно потому-то вы и остались милой и кроткой.

— Если я кротка, государь, то этому научило меня горе; я ведь много страдала и даже теперь еще не знаю, жена я или вдова, а с мужем прожила всего одну неделю.

— Вдова? Если вы овдовели, то приходите ко мне, и я найду вам супруга еще познатнее вашего. С такой внешностью и состоянием, как у вас, это будет нетрудно. Ну, не плачьте, я верю, что этот счастливец жив и возвратится порадовать вас и послужить своему королю. И, во всяком случае, надеюсь, что он не станет орудием Испании и папистским интриганом

— Если бог даст, он будет так же верно служить вашей милости, как служил мой убитый отец.

— Мы знаем это, леди. Вы когда-нибудь кончите мараить бумагу, Кромуэл? Предстоит еще заседание совета, а потом надо поужинать и сказать на сон грядущий два слова ее милости. Ты, Томас Болл, не дурак и умеешь держать в руке меч. Посоветуй-ка, идти мне самому на север усмирять мятежников или оставаться здесь и поручить это дело другим?

— Оставайтесь здесь, ваша милость, — поспешил ответить Томас. — Между Уошем и Хомбером местность зимою дикая, стрелы там летают, как утки в ночи, и никому не ведомо, откуда они пущены. К тому же милость ваша тяжеловаты для верховой езды по лесам и болотам, а случись беда, в Испании и Риме, а то и поближе, многие обрадуются; и кто будет править Англией, когда на престол сядет девочка?¹ — С этими словами он многозначительно уставился на спину Кромуэла.

— Наконец-то я из уст рыжего мужика услышал правду, — пробормотал король, тоже взглянув на невозмутимого Кромуэла, который продолжал писать, прикинувшись глухим либо действительно ничего не слыша. — Томас Болл, я сказал, что ты не дурак, хотя многие и считали тебя таковым. Может быть, ты хотел бы чего-нибудь попросить в награду за свой совет — только не денег, у нас их нет

— Так точно, государь; освободите меня от обетов, которые я дал как батрак блосхолмского аббатства, и разрешите мне вступить в брак.

— В брак? А с кем?

— С ней, государь, — и он указал на Эмлин.

— Что? С другой красивой ведьмой? Ты разве не видишь, что она с норовом? Молчи, молчи, баба, это по лицу твоему видно. Хорошо, получай свою свободу и ее в придачу, но почему, Томас Болл, ты не попросил чего-нибудь другого, раз представился случай? Я был о тебе лучшего мнения. Но ты оказался не умнее всех прочих. Прощай, дурачина Томас, прощайте и вы, прекрасная леди Блосхолма.

¹ на престол сядет девочка. — В то время у Генриха VIII были две дочери: от брака с Екатериной Арагонской — Мария (род. в 1516 г.) и от брака с Анной Болейн — Елизавета (род. в 1533 г.).

Глава XVI

ГОЛОС В ЛЕСУ

После того как к документам была приложена печать, все четверо благополучно возвратились домой, в Чипсайд, в сопровождении трех солдат, которых им дали для охраны.

— Ну как, хорошо было сделано, хорошо? — спросил Джекоб, потирая руки.

— Кажется, да, мастер Смит, — ответила Сайсели. — Благодаря вам, разумеется, если все, что сказал король, действительно стоит в документах.

— Там все в полном порядке, — сказал Джекоб. — Знайте, что я сам с помощью стряпчего и трех писцов составил их сегодня в канцелярии лорда Кромуэла, и уверяю вас, я не стеснялся. Мы основательно поработали, даже обедать не пошли, вот почему я и опоздал на десять минут, за что мне так досталось от Эмлин. Однако я опять перечту документы, и, если хоть что-нибудь опущено, мы выправим, хотя вообще это те самые пергаменты, — я на них поставил никому не заметные знаки.

— Нет, нет, — возразила Сайсели, — пусть остается, как есть. Может, изменится настроение его милости или же королевы — из-за этой жемчужины.

— Ах, жемчужина! Жалко мне было расставаться с такой красивой жемчужиной. Но ничего не поделаешь, придется ее продать, а деньги пойдут королю — этого требует честь. А если бы я отказал, — кто знает, как обернулось бы дело? Да, надо бога благодарить, хоть мы и пожертвовали большей частью ваших драгоценностей, зато нам достались земли аббатства и кое-что другое. Ничто не забыто. С Болла сняли рясу, и он может жениться; кузина Стоуэр получила мужа.

До этого момента Эмлин, ко всеобщему удивлению, молчала. Но тут ее словно прорвало.

— Что я, скотина, чтобы меня отдавать по приказу короля этому человеку? — вскричала она, указывая пальцем на Болла, стоявшего в углу комнаты. — Кто дал тебе право, Томас, свататься ко мне?

— Раз уж ты спрашиваешь, Эмлин, так я отвечу: ты сама. Один раз, много лет назад, — у речки на дугу,

а второй — недавно в часовне Блосхолмской обители, перед тем как я стал разыгрывать черта.

— Разыгрывать черта! Да, ты и меня здорово разыграл. Битый час, а то и больше я стояла перед лицом короля и словечка не смогла вымолвить, в то время как все кругом разговаривали, а под конец дождалась, что его милость назвал меня бабой с норовом, а тебя дураком за то, что ты хочешь на мне жениться. О, если мы и поженимся, я уж постараюсь доказать тебе, что он был прав.

— Коли так, Эмлин, то, пожалуй, нам с тобой, так долго жившим в разлуке, лучше и не сходиться, — спокойно ответил Томас. — Но не понимаю, почему ты разъярилась: из-за того, что тебе пришлось в течение какого-то часа придержать свой язык на привязи или из-за того, что я по-благородному попросил тебя в жены? Я как мог поработал для тебя и твоей госпожи, не щадя себя, и дело не так уж плохо обернулось: мы от всего очистились и твердо стоим на пути к миру и благоденствию. Если ты недовольна, — значит, король прав: я последний дурак, и потому — до свиданья, не стану больше докучать тебе ни в радости, ни в беде. Мне дано разрешение жениться, и я найду других женщин на белом свете, если захочу.

— И червяк взъерепенится, если на него наступишь, — как бы про себя произнес Джекоб. Эмлин же разразилась слезами

Сайсели подбежала утешать ее, а Болл сделал вид, будто собирается уходить. В это мгновение с улицы постучали в дверь и раздался чей-то голос:

— Именем короля! Именем короля, отворите!

— Это комиссар Ли, — сказал Томас. — У него и я научился этому возгласу, очень полезному в тяжелую минуту, как, наверно, кое-кто из вас помнит.

Эмлин отерла рукавом слезы, Сайсели села, а Джекоб рассовал пергаменты по карманам, после чего в комнату ворвался комиссар, которому кто-то открыл.

— Что я слышу? — закричал он, обращаясь к Сайсели. Лицо его побагровело, как мясистые наросты на голове и шее рассерженного индюка. — Вы, оказывается, действовали за моей спиной; оклеветали меня перед его королевской милостью, и он назвал меня негодяем и вором и велел мне внести в казну все, что я должен от

вас получить! Какая неблагодарность! Напрасно спасал я вас от костра, раз вы меня так опозорили.

— Вы столько пыли и жару принесли в мой убогий дом, ученнейший доктор, что теперь-то мы, пожалуй, действительно сгорим, — успокоительным тоном произнес Джекоб. — Леди Харфлит сказала лишь то, что вынудил ее сказать его величество, я присутствовал при этом и могу подтвердить. К тому же вы повсюду так много набрали, что вам ничего не стоит уделить какую-то малость казне. Ну, ну, выпейте кубок вина и успокойтесь.

Однако доктор Ли, который и без того уже осушил немало кубков вина, не в состоянии был успокоиться. Он принялся поносить всех присутствующих одного за другим, но особенно досталось Эмлин, которую он объявил главной виновницей всех своих бед; под конец он даже обозвал ее очень уж плохим словом. Тогда вперед выступил Томас Болл, до этого момента безмолвно стоявший в стороне, и схватил его за шиворот.

— Именем короля! — сказал он — Нет, нет, теперь не взыщите, это ведь ваш возглас, и вы сами дали мне право действовать с его помощью. — С этими словами Томас хватил доктора Ли головой о дверную притолоку. — Именем короля, вон отсюда! — И он дал ему такого пинка, какого королевский комиссар дотеле еще не получал и от которого кубарем покатился к входной двери. — В третий раз именем короля! — И тут он вышвырнул доктора Ли во двор. — Убирайтесь и запомните, что если я еще раз увижу вашу дурацкую рожу, то именем короля сверну вам шею.

Таким образом ревизор Ли навсегда скрылся с глаз Сайсели, хотя в положенное время она уплатила ему сумму, равную годовому доходу с ее имущества, не поинтересовавшись, впрочем, узнать, кто этими деньгами воспользовался.

— Томас, — сказала Эмлин, когда Болл вернулся к ним, еще улыбаясь при мысли о славном прощальном ударе, — король был прав: я временами бываю норовиста, и это не плохо, так как не раз помогало мне. Забудь все, и я тоже забуду. — С этими словами она подала ему руку, которую он поцеловал, а затем пошла позаботиться об ужине.

Когда они ели, притом с большой охотой, ибо сильно проголодались, снова раздался стук в дверь.

— Пойди, Томас, — сказал Джекоб, — и скажи что мы сегодня никого не принимаем.

Томас пошел открывать, и они услышали, как он с кем-то разговаривает. Вскоре, однако, он вернулся, а за ним шел человек, закутанный в плащ.

— Пришел посетитель, которому я не смею отказать, — сказал Томас, и все встали, вообразив ни с того, ни с сего, что это сам король, а не человек, в то время почти столь же могущественный, — лорд Кромуэл.

— Простите меня, — сказал Кромуэл, кланяясь с обычной своей учтивостью, — и, если на то будет ваша милость, разрешите мне сесть вместе с вами за стол и перекусить чего-нибудь, я в этом очень нуждаюсь, так как сегодня крепко поработал.

Он сел к столу, ел и пил, благодушно беседуя о том — о сем, причем рассказал, что на заседании совета король изменил свое решение и не отправится на север усмирять мятежников, а пошлет герцога Норфолькского с другими лордами. По мнению Кромуэла, на короля повлияли очень запомнившиеся ему слова Томаса Болла. Кончив есть, он отодвинул кубок, тарелку, взглянул на хозяев и сказал:

— А теперь к делу Миледи Харфлит, счастье вам нынче улыбнулось, ибо вы получили все, о чем просили, а это весьма удивительно, принимая во внимание, в каком настроении находился его королевская милость. Вдобавок, должен вас поблагодарить за то, что вы не ответили на некий вопрос обо мне лично, хотя, говорят, король очень настаивал на ответе.

— Милорд, — сказала Сайсели, — вы же оказали мне большую услугу. Хотя, бог знает, как бы все обернулось, если бы он продолжал требовать ответа. Комиссар Ли не очень-то меня поблагодарил. — И она рассказала Кромуэлу об их недавнем госте и о том, как кончилось это посещение.

— Грубый и жадный человек, который теперь, без сомнения, будет для вас врагом, — ответил Кромуэл. — Впрочем, вы никак не могли поступить иначе — против рожна не попрешь. Во всяком случае, пока я нахожусь у власти, вашей верности не забуду, хотя, по правде говоря, миледи Блосхолм, держусь я на волоске, а подомной — бездна, поглотившая уже немало людей и по-

крупнее меня.¹ Поэтому — не стану отрицать — я и стараюсь отложить кое-что на черный день, пока могу, хоть и не знаю, удастся ли мне самому этим воспользоваться.

Он призадумался, а затем, вздохнув, продолжал:

— Времена сейчас смутные. Так что вы, хоть вам и обещано богатство, можете умереть нищей. Земли Блосхолмского аббатства, на которые вы получили нерушимую грамоту, еще не в руках короля, и он не может передать их вам. На севере поднялась великая буря, и, говорю это не для разглашения, ярость ее может смести Генриха с престола. Если это случится, вам надо будет скрыться в такие места, где вас никто не знает, ибо после того, что сегодня произошло, единственным вашим наследством будет тогда веревка. Кроме того, нынешняя королева, в противоположность покойной Анне, сочувствует церковникам и, хоть она и делает вид, что не придает значения таким вещам, из-за жемчужины сердита на короля, а также и на вас как владелицу жемчужины. Не осталось ли у вас какой-нибудь драгоценной вещи, которую вы могли бы дать мне для передачи ей? Что же касается самой жемчужины, — кстати, когда мастер Смит показывал мне другую такую же, он, помнится, клялся, что подобной нет в целом свете, — ее надо продать, согласно королевскому повелению — И тут он не очень-то ласково взглянул на Джекоба.

Сайсели сказала Джекобу несколько слов; тот вышел и вскоре возвратился, держа в руках брошь с крупным алмазом, окруженным пятью небольшими рубинами.

— Примите это вместе с моей глубокой благодарностью, милорд, — произнесла Сайсели.

— Отлично, отлично. О, не бойтесь, королева получит брошь, — я сам в этом заинтересован не меньше вас. Вы мудро поступаете, леди Харфлит, когда даете заблаговременно. Но и у меня есть для вас подарок, который, может быть, придется вам больше по сердцу, чем драгоценные камни. Ваш супруг, Кристофер Харфлит, в сопровождении слуги, прибыл в Англию и сошел на берег где-то на севере, живой и невредимый.

¹ держусь я на волоске... — Кромвэл уже предчувствовал свою близкую опалу; в 1540 году он был казнен.

¹ Нынешняя королева, в противоположность покойной Анне, сочувствует церковникам: — Речь идет об Анне Болейн и Джен Сеймур, второй и третьей женах Генриха VIII.

— О милорд! — вскричала она. — Где же он сейчас?

— Увы! Конец моего сообщения не столь приятный, ибо, отправившись дальше, кажется из Гуллы, он был взят в плен мятежниками и заключен в Линкольне: он ведь знатного рода, и они хотели бы завербовать его в свои ряды. Но, будучи человеком рассудительным и верным, он ухитрился переслать письмо командующему королевскими войсками, и сегодня вечером его доставили мне. Вот оно, — узнаете почерк?

— Да, да, — с трудом выговорила Сайсели, не спуская глаз с клочка бумаги, покрытого каракулями, притом не очень грамотными, ибо Кристофер не отличался ученостью.

— Так я вам прочту его, а потом мы сделаем копию, и я заверю ее, чтобы вещественных доказательств у нас было больше

«Командующему королевскими войсками под Линкольном.

Пишу, дабы вы, его королевская милость, министры короля и все прочие знали, что мы — Кристофер Харфлит, дворянин, и Джеффри Стоукс, его слуга, — выехав из порта, в который прибыли из Испании, были захвачены вооруженными мятежниками, восставшими против короля, и доставлены в Линкольн. Эти люди хотели бы завербовать меня в свои ряды, так как род Харфлитов — сильный и знаменитый. Они грозились нас убить, и мы вынуждены были дать им какую-то присягу. Но мое письмо пусть явится доказательством, что я сделал это лишь с целью сохранить жизнь, а сердце у меня к ним не лежит, я верен королю и плохо понимаю, чего они хотят. Да и сама по себе жизнь мне не дорога, так как я потерял свою жену и свое достояние и всё вообще. Но умирать не хочу, пока не отомстил злодею и убийце, блосхолмскому аббату, а потому стараюсь сохранить жизнь и убежать от них.

Слыхал я, что означенный аббат собрал большое войско и находится в пятидесяти милях отсюда. Молю бога, чтобы он не допустил меня снова попасть к аббату в когти, но ежели это случится, передайте королю, что Харфлит умер, как человек верный.

*Кристофер Харфлит
Джеффри Стоукс приложил палец».*

— Милорд, — спросила Сайсели, — что же мне теперь делать, милорд?

— Ничего нельзя пока сделать, только надеяться на бога и на лучший исход. Не сомневаюсь, что ему удастся бежать, но, во всяком случае, его королевская милость завтра же утром увидит это письмо и, если окажется возможным, пошлет приказ помочь ему. Перепишите письмо, мастер Смит.

Джекоб взял письмо и принялся быстро писать, а Кромуэл сидел и думал.

— Слушайте, — произнес он наконец. — Вокруг Блосхолма мятежников нет, — все они перебрались на север. Имена Фотрел и Харфлит в Блосхолме хорошо известны. Не могли бы вы отправиться туда и набрать отряд добровольцев?

— Да, да, я могу это сделать, — вмешался Болл. — За неделю я наберу под свою команду добрую сотню человек. Дайте миледи полномочия и денег, а меня назначьте командиром, и сами увидите, что будет.

— Полномочия и назначение, скрепленные королевской печатью, будут доставлены сюда завтра в девять утра, — ответил Кромуэл. — Деньги вы должны раздобыть сами — они имеются только в сундуках Джекоба Смита. Но обдумайте все хорошенько, леди Харфлит, — дело опасное, а здесь вам ничто не грозит.

— Я знаю, что дело опасное, — ответила она, — но что для меня опасность — я их уже столько пережила, — когда мой муж там и я могу помочь ему?

— Вы сильны духом, и я надеюсь, что силы эти даны вам свыше, — заметил Кромуэл. Но старый Джекоб, заканчивая свою копию словами «с подлинным верно», под которыми Кромуэлу оставалось только поставить подпись, грустно покачал головой.

Не медля ни минуты и даже не сверив оба документа, Кромуэл подписал копию, сказал на прощанье несколько любезных слов и ушел, так как его ждали куда более важные дела.

С тех пор Сайсели его никогда не видела. Впрочем, кроме Джекоба Смита, ей так и не пришлось увидеть никого из людей, в том числе и короля, связанных с этими обстоятельствами ее жизни. Все же, несмотря на его хитрость и вымогательства, ей стало жаль Кромуэла, когда года четыре спустя герцог Суффолькский и граф

Саутэмптон грубо сорвали с него орден Подвязки и другие знаки отличия, и из Королевского совета он был отведен в Тауэр, а оттуда, после унижительных молений о пощаде, — на плаху. Во всяком случае ей он хорошо послужил, ибо исполнил все свои обещания до последнего. Напоследок он даже отослал ей обратно розовую жемчужину, полученную от Джекоба Смита, написав при этом, что, как он уверен, владеть такой вещью ей скорее подобает, чем ему, и он надеется, что она принесет ей больше счастья.

Когда Кромгуэл отбыл, Джекоб обратился к Сайсели и спросил, покинет ли она его дом завтра же.

— Разве я уже не сказала? — с раздражением спросила она. — Могу ли я оставаться в Лондоне после того, что узнала? Почему вы спрашиваете?

— Потому что мне надо свести с вами счет. Я считаю, что за помещение и харчи вы должны мне около двадцати марок золотом. К тому же нам, вероятно, понадобятся деньги на дорогу, а сегодня у меня совсем не осталось звонкой монеты.

— Нам на дорогу? — переспросила Сайсели. — Разве вы поедете с нами, мастер Смит?

— Думаю, что с вашего позволения поеду, леди. Здесь настало беспокойное время, у меня нет ни шиллинга для ссуд, а если я не буду ссужать, мне этого никогда не простят. К тому же я заслужил отдых и хотел бы перед смертью еще раз повидать Блосхолм, где родился, если, конечно, мы туда доберемся. Но если отправляться завтра, то у меня сегодня будет еще много дела. Так, например, надо спрятать в надежном месте ваши драгоценности, что у меня в закладе, надо сделать копии с этих документов и передать в верные руки жемчужину для продажи. В котором же часу отправимся мы в это безрассудное путешествие?

— В одиннадцать, — ответила Сайсели, — если к тому времени получим от короля пропуск и полномочия.

— Что ж, пусть так. А теперь пожелаю вам доброй ночи. Пойдем-ка со мною, достойный Болл, нам ведь спать не придется. Я сейчас позову своих писцов, а тебе надо позаботиться о лошадях. Вы же, леди Харфлит, и вы, кузина Эмлин, отправляйтесь почивать.

На следующее утро Сайсели поднялась с зарей и даже рада была этому, так как провела бессонную ночь. Долго не могла она заснуть, а когда, наконец, забылась, ее стало носить по морю сновидений ей снились король, угрожающе говоривший ей что-то своим мощным голосом, Кромгуэл, забиравший у нее все, вплоть до одежды, комиссар Ли, который тащил ее обратно на костер за то, что от него ускользнула данная ею взятка.

Но чаще всего видела она Кристофера, своего любимого мужа теперь он был как будто бы близко, вместе с тем так же далеко, как прежде; он был пленником в руках мятежников и считал ее умершей.

От всех этих грез она очнулась заплаканная и истерзанная страхом. Неужели теперь, когда чаша радости почти у самых губ, судьба снова отнимет ее? Ничего нельзя было знать заранее, ибо помочь ей могла только вера, так хорошо послужившая ей недавно. Однако она была уверена, что если Кристофер жив, он проберется в Крануэл или Блосхолм, и ей, невзирая ни на какие опасности, надо поскорее мчаться туда же со всей скоростью, на какую способны будут их кони.

Как могли, торопились они, собираясь в путь, но все же лишь к часу пополудни удалось им выехать из Чипсайда. Надо было столько сделать, но все же многое осталось недоделанным. Все четверо ехали в самой скромной одежде, выдавая себя за людей купеческого звания, возвращающихся в Кембридж после поездки в Лондон по делам о наследстве, в котором заинтересованы были все, но особенно Сайсели, изображавшая вдову, по имени Джонсон. Эту историю они и рассказывали всюду, внося в нее те или иные изменения, смотря по обстоятельствам. На обратном пути им было легче, чем по дороге в столицу, ибо сейчас, по крайней мере, они не находились в гнусном обществе комиссара Ли и его людей, не тревожила их и мысль о том, что они везут с собой ценные вещи. Все эти украшения остались в надежных местах, равно как и документы, подписанные королем и скрепленные его печатью, — с собой они взяли только заверенные копии, а также полномочия на сбор отряда, присланные Кромгуэлом и выданные на имя Сайсели и ее мужа, и грамоту, назначавшую Болла командиром. Документы были спрятаны у них в обуви и под одеждой вместе с деньгами, необходимыми на дорожные расходы.

Имея отличных, не утомленных лошадей, они ехали быстро, и к концу второго дня благополучно прибыли в Кембридж, где и заночевали. Там им сообщили, что за Кембриджем повсюду очень беспокойно и путешествовать опасно. Но в тот момент, когда они пришли в полное отчаяние и даже Болл заявил, что дальше ехать нельзя, прибыл отряд королевских конников, который двигался в том же направлении, что и они, на соединение с войсками герцога Норфолькского, действовавшими где-то в Линкольншире.

Их командиру, по имени Джефрис, Джекоб показал королевские полномочия и открыл, кто они такие. Так как в полномочиях указывалось, что все офицеры и чиновники его величества должны оказывать им содействие, капитан Джефрис согласился дать им охрану до того места, где их пути разойдутся. Поэтому на следующий же день они смогли отправиться дальше. Общество, в котором они теперь находились, было не из приятных, ибо эта сотня вооруженных людей состояла из очень грубых парней Будучи, однако, предупреждены, что каждый, кто оскорбит или хоть пальцем тронет путешественников, будет повешен, солдаты оставили их в покое. И хорошо было, что они смогли получить охрану, ибо местность, через которую они проезжали, кишела вооруженными отрядами под предводительством священников, которые не раз угрожали им и напали бы на них, если бы осмеливались.

В течение двух дней путешественники ехали вместе с капитаном Джефрисом и к вечеру второго — добрались до Питерборо, где нашли приют в гостинице. Но наутро, когда они встали, оказалось, что Джефрис со своими людьми уже выступил, оставив им записку, что получил спешный приказ немедленно идти в Линкольн.

Теперь им опять пришлось рассказывать старую историю, но при этом объявлять себя бостонскими горожанами, которые узнали, будто на Болотах спокойно,¹ может быть, потому, что там живет так мало народу, и решили переехать туда под предводительством Болла, который не раз путешествовал в этих местах, покупая и продавая скот в монастырях. Трудно было ехать здесь,

¹. на Болотах спокойно. — Имеются в виду болотистые районы в графствах Кембриджшир и Линкольншир, где часто скрывались мятежники.

среди болот, особенно в сырую осеннюю погоду, так как во многих местах речки и ручьи вышли из берегов и проселочные дороги превратились в непроходимые топи. Первую ночь они провели в хижине местного жителя, прислушиваясь к шуму дождя и опасаясь лихорадки, особенно боялись за мальчика. На вторую ночь они, к счастью, выбрались в более возвышенную местность и переночевали в трактире.

Здесь к ним приходили суровые люди из партии церковников, чтобы выяснить, чего им нужно. Сперва положение казалось опасным, но Болл, говоривший на местном наречии, убедил мятежников, что нет причин опасаться людей, путешествовавших с двумя женщинами и ребенком. К этому он добавил, что сам является служителем блосхолмского аббатства, переодетым в военное платье из страха перед сторонниками короля. А Джекоб Смит велел подать эль и выпил с мятежниками за успех Благодатного паломничества, как именовалось это восстание.

Таким образом, говоря то одно, то другое, они отводили от себя подозрения. Им удалось даже разузнать, что вокруг Блосхолма все спокойно, хотя, правда, настоятель укрепил аббатство и снабдил его провиантом. Сам он находился вместе с главарями мятежа неподалеку от Линкольна, но в монастыре все подготовил, чтобы иметь крепкое убежище, которое могло бы стать опорным пунктом.

Так что под конец, наполнив животы крепким пивом, мятежники удалились, и эта опасность миновала.

На следующее утро они выехали очень рано, надеясь к заходу солнца добраться до Блосхолма, хотя дни стали теперь гораздо короче. Однако это им не удалось, так как они основательно завязли в болоте млях в двух от своего трактира, а выбравшись из него, вынуждены были сделать порядочный крюк, чтобы объехать топи. Вот почему лишь к концу дня они добрались до леса, где аббат умертвил сэра Джона Фотрела. Проезжая вдоль лесной дороги, они к заходу солнца оказались у заводи, где он был убит.

— Говорят, что тут-то и зарезали твоего отца, — сказала Эмлин, ехавшая за Сайсели с ребенком на руках. — Смотри, вон там лежат кости Мег, его кобылы, я узнаю ее черную гриву.

— Да, леди, — вмешался Болл, — сам он лежит там, где погиб. Его зарыли, даже молитвы над ним не прочитав. — С этими словами он указал на небольшой, небрежно насыпанный холмик между двумя ивами.

— Иисусе, смилуйся над его душой! — молвила Сай сели и перекрестилась. — Клянусь, если буду жива, я перенесу его останки в блосхолмскую церковь и поставлю ему хороший памятник.

И она сделала это, в чем могут убедиться все посещавшие эти места, ибо памятник сохранился до наших дней. На нем изображен старый рыцарь, он лежит с торчащей в горле стрелой на снегу, между двумя убийцами, которых он, защищаясь, прикончил, а дальше, уже почти за гробницей, виднеется удаляющаяся фигура всадника — Джеффри Стоукса.

Пока Сайсели, шепча молитву за упокой души, смотрела на эту заброшенную могилу, Томас Болл услышал нечто, заставившее его насторожиться.

— Что там такое? — спросил Джекоб Смит, заметив, как изменилось выражение его лица.

— Мчатся во всю прыть кони, много коней, мастер, — ответил он. — Да, и на них всадники. Послушайте.

Все прислушались и теперь тоже услышали конский топот и крики людей.

— Живей, живей, — сказал Болл, — за мною! Я знаю, где мы сможем укрыться. — И он указал им дорогу к густой высокой поросли терна и бука, находившейся на расстоянии около двухсот ярдов под сенью нескольких высоких дубов у перекрестка, где сходились четыре проселочных дороги. Всякий садовод знает, что, когда буквые деревья еще молоды, листья их осенью и зимой словно присасываются к веткам. Вот почему эта поросль стала очень густой и могла совершенно укрыть их.

Едва успели они остановиться в своем укрытии, как необычное зрелище предстало им в багряном свете за-

ката. По дороге, — не той, по которой ехали они, а другой, с противоположной стороны огибавшей Королевский курган, — то скрываясь за деревьями, то показываясь вновь, мчался на сером коне высокий всадник в доспехах и с ним другой — в кожаном камзоле на черной лошади, а за ним на расстоянии не более чем в сто ярдов показался разношерстный отряд преследователей.

— Бежавшие пленники и погоня, — пробормотал Болл, но Сайсели не обратила внимания на его слова. Во внешности всадника на сером коне почудилось ей нечто столь знакомое, что сердце едва не выпрыгнуло из ее груди.

Она нагнулась над головой своей лошади, глядя во все глаза. Теперь оба всадника почти поравнялись с их кустарником, и тот, что был в доспехах, обернувшись к своему спутнику, весело крикнул:

— Они отстают! Мы от них ускользнем, Джеффри!

Сайсели увидела его лицо.

— Кристофер! — крикнула она — Кристофер!

Еще мгновение — и они промчались бы мимо, но до Кристофера, ибо то был он, долетел звук этого голоса, который он так хорошо помнил. Взором, обостренным любовью и страхом, она увидела, что он задержал коня. Она услышала, как он что-то крикнул Джеффри, и тот ответил недовольным, встревоженным тоном. Они колебались, медлили на открытом пространстве перед посылкой.

Кристофер попытался повернуть, затем увидел, что преследователи приближаются, и, когда они уже почти настигали его, с громким криком устремился вперед, чтобы опередить их. Слишком поздно! Оба всадника проскакали еще сотню ярдов вверх по косовету, но их окружили, и на гребне холма, видимо, завязалась схватка, ибо мечи так и засверкали в лучах заходящего солнца. Преследователи набросились на всадников, как свора псов на загнанную лисицу. Все умчались вниз — скрылись из глаз.

Сайсели, обезумев, пыталась ринуться вслед за ними, но ее удержали.

Наконец все смолкло, и Томас Болл, спешившись, прокрался на дорогу. Минут через десять он возвратился.

— Все умчались, — сказал он.

— О, он погиб! — простонала Сайсели — Это проклятое место отняло у меня и отца, и мужа.

— А я думаю, что он жив, — ответил Болл. — Нет ни крови, ни признаков того, чтобы кого-то уносили. Он уехал верхом на своем коне. Но какое все же несчастье, что небу не угодно вразумить женщин и научить их молчать, когда следует!

Глава XVII

ЖИЗНЬ ИЛИ ЧЕСТЬ

День едва занимался, когда, наконец, измученные душевно и физически, Сайсели и ее спутники подъехали на своих спотыкающихся от усталости конях к воротам блосхолмской обители.

— Дал бы бог, чтобы монашки находились еще здесь, — сказала Эмлин, державшая ребенка. — Если их выгнали и моя госпожа должна будет ехать дальше, я боюсь, что она не выдержит. Стучи сильнее, Томас. старик садовник глух, как пень.

Болл повиновался и стучал так добросовестно, что вскоре решетка в воротах открылась и дрожащий женский голос спросил, кто там.

— Это сама мать Матильда, — сказала Эмлин и, соскочив с коня, подбежала к решетке и стала через нее разговаривать с настоятельницей. Подошли другие монахини и общими силами открыли одну половину огромных ворот, так как садовник не смог или не захотел встать. Путешественники въехали во двор и, когда монахини поняли, что Сайсели действительно возвратилась, ее приняли с расprostертыми объятиями. Но от усталости Сайсели едва могла произнести хоть одно слово, поэтому ее заставили выпить чашку молока и отвели в их прежнюю комнату, где она тотчас уснула. Проснувшись она около девяти и увидела, что Эмлин, выглядывшая немногим лучше ее, уже встала и разговаривает с матерью Матильдой.

— О, — вскричала Сайсели, когда вспомнила обо всем, — не слышно ли чего-нибудь о моем муже?

Они покачали головой, а настоятельница сказала:

— Сперва, дорогая, ты должна поесть, а потом мы сообщим тебе то немногое, что удалось узнать.

Она поела, так как ей необходимо было подкрепить силы, и, пока Эмлин помогала ей одеваться, узнала все новости. Их было действительно немного — лишь подтверждение того, что сообщили жители Болот, а именно, — что аббатство укреплено и охраняется пришельцами-мятежниками с севера или иностранцами, а сам настоятель, видимо, уехал.

Болл, который уже выходил разведать положение, сообщил со слов одного встречного, что ночью через деревню промчался конный отряд, но никаких подробностей узнать не удалось, ибо даже если он действительно промчался ночью, ливень смыл все следы конских копыт. К тому же в то беспокойное время люди часто ездили в разные места под покровом темноты, и никто не мог сказать, имел ли этот отряд какое-нибудь отношение к тому, который они видели в лесу: тот ведь мог направиться совсем другой дорогой.

Когда Сайсели была готова, они сошли вниз и в комнате матери Матильды застали поджидавших их Джекоба Смита и Томаса Болла.

— Леди Харфлит, — сказал Джекоб с видом человека, не желающего терять даром времени, — положение таково. До сих пор никто еще не знает, что вы здесь, — садовника и его жену мы никуда не выпускаем. Но, как только в аббатстве об этом прослышат, можно будет опасаться нападения, а здесь обороняться невозможно. У вас же в Шефтоне дело обстоит иначе, — там, говорят, имеется глубокий ров с подъемным мостом и все прочее. Поэтому вам нужно немедленно отправиться в Шефтон, если возможно — незамеченной. Томас уже ходил туда и говорил кое с кем из ваших арендаторов, кому можно было довериться, сейчас они работают вовсю, подготавливая помещение и снабжая его припасами, а также оповещают других. К ночи Томас надеется собрать человек тридцать вооруженных для защиты замка, а дня через три, когда станет известно, что вам даны полномочия набрать войско и он назначен командиром, — даже добрую сотню. Двинемся же в путь, медлить нельзя, лошади уже оседланы.

Сайсели расцеловалась с матерью Матильдой, которая благословила и поблагодарила ее за все, что она

сделала или старалась сделать для сестер, и через пять минут все опять уже сидели на своих усталых конях и под дождем двинулись к Шефтону, который, к счастью, находился лишь на расстоянии трех миль от обители Держась под деревьями, они выехали незамеченными, ибо в такую погоду никто на улицу не выходил, а если у ворот аббатства и стояли часовые, то они укрылись в сторожке. Так удалось им благополучно добраться до окруженного лесом и валом Шефтона, который Сайсели видела в последний раз, когда бежала оттуда в Кра-нуэл в день своей свадьбы, а с тех пор — так казалось ее измученной душе — прошли целые годы.

Странное это и печальное возвращение в отчий дом, подумалось ей, когда они ехали через подъемный мост и мокнувший под дождем, заросший сорной травой сад к знакомой двери. Но в доме все обстояло не так уж плохо, ибо предупрежденные Боллом арендаторы поработали на славу. В течение более чем двух часов несколько женщин, пришедших по своей доброй воле, мели и чистили комнаты, в каминах горел огонь, а на кухне и в кладовой было вполне достаточно разных припасов. Более того, — в большом зале собралось человек двадцать, которые приветствовали хозяйку радостными возгласами и подбрасывали вверх свои колпаки.

Джекоб тотчас же прочитал им королевскую грамоту, показав подпись и печать, а также назначение Томаса Болла командиром, предоставлявшее ему большие полномочия. Ознакомившись с этими документами, собравшиеся люди, давно уже лишенные предводителя и какой либо защиты со стороны властей, видимо, ощутили прилив бодрости. Один за другим поклялись они твердо стоять на стороне короля, своей леди, Сайсели Харфлит, и ее супруга, сэра Кристофера, если же он погиб, — то их сына. Затем около половины собравшихся сели на коней и разъехались в разные стороны — именем короля собирать вооруженный отряд. Остальные же остались охранять замок и обеспечить его защиту.

На закате со всех сторон стали съезжаться люди, причем некоторые из них везли на тележках провиант, оружие и корм для животных или гнали перед собою овец и рогатый скот для забоя на случай осады. По мере того как они подходили, Джекоб записывал их имена, а Томас Болл, по праву командира, приводил к присяге.

В ту ночь в замке находилось уже человек сорок и должно было собраться еще много больше.

Однако теперь тайна оказалась нарушенной, весть о возвращении Сайсели разлетелась повсюду, да и дым из труб Шефтона сам за себя говорил. Сперва на возвышенности против замка появился один разведчик и стал наблюдать. Затем он ускакал и через час возвратился в сопровождении десятка вооруженных всадников, один из которых держал в руке знамя с вышитыми на нем эмблемами Благодатного паломничества. Всадники эти подъехали на сто шагов к Шефтон Холлу, видимо с намерением напасть, но, увидев, что мост поднят, а по обе стороны его стоят стрелки с луками наготове, остановились и выслали парламентера с белым флагом.

— Кто вы там в Шефтоне, — прокричал этот человек, — и чье дело защищаете?

— Леди Харфлит, владелица Шефтона, и капитан Томас Болл — именем короля! — крикнул в ответ Джекоб Смит.

— По чьему указу? — спросил парламентар — Владеет Шефтоном настоятель Блосхолма, а Томас Болл всего-навсего брат-мирянин его монастыря.

— По указу его милости короля, — ответил Джекоб, и, повысив голос, он прочитал королевскую грамоту. Выслушав, парламентар отъехал посоветоваться с товарищами. Некоторое время они колебались, словно все еще собираясь атаковать, но под конец повернули обратно, и больше их не видели.

Болл намеревался преследовать их, собрав всех людей, что были у него под рукой, но осторожный Джекоб Смит воспрепятствовал этому, опасаясь, чтобы он не попал в какую-нибудь западню и не был убит или захвачен со своими людьми, оставив замок беззащитным.

Так прошел день, а к вечеру у них уже набрались такие силы, что можно было не опасаться нападения со стороны аббатства, чей гарнизон, как они узнали, состоял из пятидесяти солдат и всего нескольких монахов, — остальные бежали.

В тот вечер Сайсели с Эмлин и старым Джекобом сидели в большой верхней комнате, где сэр Джон Фотрел однажды застал ее в обществе Кристофера, как вдруг вошел Болл, а вслед за ним какой-то человек подо-

зрительного вида, в куртке из овчины, которая к нему не очень-то шла

— Это еще кто, дружище? — спросил Джекоб.

— Один мой старый товарищ, ваша милость, блосхолмский монах, которому надоела и благодать и паломничество и который жаждет королевского мира и прощения. Я взял на себя смелость обещать, что они будут ему дарованы.

— Хорошо, — сказал Джекоб, — я запишу его имя, и, если он останется нам верен, твое обещание будет исполнено. Но сюда-то ты зачем его привел?

— А он с новостями

Что-то в голосе Болла побудило Сайсели, задумчиво сидевшую в сторонке, быстро взглянуть на пришельца и молвить:

— Говори, и живей.

— Миледи, — начал этот человек негромким голосом, — имя мое в иночестве Бэзил, и хоть я и монах, но бежал из аббатства, ибо верен королю и к тому же много натерпелся от настоятеля, который только что вернулся разъяренный: у Линкольна его постигла какая-то неудача, какая именно, — не ведаю. Новость же моя состоит в том, что супруг ваш сэр Кристофер Харфлит и его слуга Джеффри Стоукс содержатся как пленники в подземной темнице аббатства; они захвачены были прошлой ночью отрядом мятежников, который доставил их в монастырь, а потом ускорил дальше.

— Пленники! — вскричала Сайсели. — Значит, он не убит и не ранен? Цел и невредим?

— Да, миледи, цел и невредим, как мышь в лапах у кошки, пока она еще не съедена.

Кровь отхлынула от лица Сайсели. Ей представился аббат Мэлдон в виде громадного кота с головой монаха, а в когтях у него — Кристофер.

— Это моя вина, моя! — произнесла она мрачным голосом. — О, не позови я его, он бы им не попался. Лучше мне было бы на месте лишиться языка!

— Не думаю, — ответил брат Бэзил. — Впереди его поджидали другие, и, когда он был схвачен, они уехали, благодаря чему вам самим удалось так легко проскочить. Как бы то ни было, но он сейчас там, и, если вы хотите спасти его, вам надо собрать все свои силы и ударить немедленно.

— Известно ли ему, что я жива? — спросила Сайсели.

— Откуда мне знать, леди? В темницах аббатства не многое разведает. Но монах, который утром приносил пленникам еду, говорил, что сэр Кристофер сказал ему, будто попал в беду из-за некоего призрака, окликнувшего его голосом покойной жены, когда он проезжал вблизи Королевского кургана.

Услышав это, Сайсели встала и вместе с Эмлин вышла из комнаты, — больше она не в силах была выдержать.

Но Джекоб Смит и Болл еще долго расспрашивали монаха о самых разнообразных вещах и, разузнав все, что он мог им сообщить, отослали его, велев держать под стражей, а сами сидели почти до полуночи, совещаясь и вырабатывая свои планы совместно с фермерами и йоменами, которых время от времени вызывали к себе.

На следующий день рано утром они явились к Сайсели и сказали, что, по их мнению, правильное всего было бы без промедления штурмовать аббатство.

— Но ведь там мой муж, — ответила она в полном смятении. — Они тогда убьют его.

— Боюсь, что это и случится, если мы не нападём на них, — ответил Джекоб. — К тому же, леди, по правде говоря, надо подумать и о другом. Например, о деле и чести короля, которые мы обязались защищать, о жизни и имуществе всех тех, кто благодаря нам встал на его сторону. Если мы будем бездействовать, аббат Мэлдон пошлет на север за помощью, и через несколько дней на нас обрушится многочисленное войско, против которого мы окажемся бессильными. Весьма возможно, что он уже послал. Но если мятежники узнают, что аббатство пало, они вряд ли явятся сюда лишь ради отмщения. Наконец, если мы будем сидеть сложа руки, то нашими людьми, которые сейчас так и рвутся в бой, снова овладеют сомнения и страхи, они поостынут и начнут расходиться.

— Что ж, если так надо, ничего не поделаешь. Да сохранит бог его жизнь, — с тяжким вздохом сказала Сайсели.

В тот же день королевские люди под водительством Болла выступили и со всех сторон обложили аббатство, а лагерь свой раскинули в деревне Блосхолм Сайсели,

не пожелавшая остаться в замке, вышла вместе с ними и снова обосновалась в обители, которая по ее требованию открыла перед нею ворота Единственный страж обители — глухой садовник — сдался без сопротивления. Его отправили в лагерь чернорабочим, и никогда еще не приходилось ему так много трудиться: Эмлин, имевшая против него зуб, постаралась, чтобы работы у него хватало и чтобы она была погрязнее и потяжелее.

Томас и другие вместе с ним обследовали подступы к аббатству и вернулись, охваченные сомнением без пушек — а их пока не было — мощное здание из тесаного камня казалось почти неприступным. Лишь в одном месте штурм представлялся возможным — с тыла, где когда-то находились сторожка и ферма, сожженные Томасом, по желанию Эмли. Развалины стояли во внутреннем кольце рва и тесно примыкали к стене аббатства, но от сильного огня каменная кладка их растрескалась и осыпалась, а балки вывалились и упали в ров.

Для обеспечения обороны образовавшаяся брешь была закрыта двойным палисадом из крепких кольев, а пространство между ними заполнено связками хвороста, балками разрушенных строений и всяким мусором. Перед палисадом находился широкий и глубокий ров, а над ним окна и угловая башня, из которых его легко было защищать, так что идти здесь на приступ аббатства означало бы потерять очень много людей, и осаждающие не могли на это решиться. Однако от монаха Бэзила и других они узнали еще одну важную вещь, а именно, что запасов продовольствия в аббатстве на весь его гарнизон было слишком мало. Бэзил полагал, что дня на три, а по мнению других, — уж никак не больше чем на четыре.

В тот же вечер состоялся второй военный совет, на котором решено было взять аббатство измором, а на приступ идти лишь в том случае, если разведка донесет, что мятежники двинулись ему на помощь.

— Но, — возразила Сайсели, — в таком случае супруг мой и Джеффри Стоукс тоже умрут с голоду — Все печально разошлись, заявив ей, что тут уж ничего не поделаешь — нельзя ради двух человек положить десятки жизней.

Началась осада, такая же, как та, которую Сайсели перенесла в Крануэл Тауэрсе. В первый день гарнизон

аббатства насмехался над ними со своих стен. Но на второй — насмешки прекратились. осажденные увидели, что силы их противников с каждым часом увеличиваются. На третий — они внезапно опустили мост и бросились к нему, словно намереваясь сделать вылазку, но, увидев перед собою десятки воинов Болла с натянутыми луками, отказались от этой мысли и снова подняли мост.

— Они начали голодать и отчаиваться, — заметил рассудительный Джекоб. — Скоро мы получим от них известия.

Он оказался прав. Незадолго до захода солнца открылись боковые ворота, и какой-то человек, держа над головой белый флаг, бросился в ров и поплыл на противоположную сторону. Он выбрался из рва, отряхнулся и медленно двинулся туда, где на лужайке перед аббатством, на месте, куда не могли долететь стрелы осажденных, стояли Болл и обе женщины. Сайсели, ослабевшая от горя и страха за мужа, прислонилась к дубовому столбу, к которому она была в свое время прикована для сожжения на костре и который до сих пор не убрали.

— Кто этот человек? — спросила у нее Эмлин.

Сайсели взгляделась в изможденного бородатого человека, направлявшегося к ним прерывающейся походкой больного.

— Не знаю; а впрочем, да, он чем-то напоминает Джеффри Стоукса!

— Это не кто иной, как Джеффри, — сказала Эмлин, кивнув головой. — Что-то он нам сообщит?

Не ответив ни слова, Сайсели только теснее прижалась к столбу; на сердце у нее было не легче, чем тогда, когда повар аббатства раздувал растопку, чтобы поджечь хворост. Теперь Джеффри стоял уже прямо перед ней. Взгляд его ввалившихся глаз упал на нее, и рот раскрылся от изумления, отчего лицо еще больше вытянулось и еще резче обозначились скулы.

— Ах, — пробормотал он, ни к кому не обращаясь. — От всех этих боев и путешествий и трехдневной голодовки когда еды у меня было меньше, чем хватило бы крысе, да к тому же от холодной ванны в ноябре — не говоря уже о том, что похуже — в уме и вправду может помутиться. Но все же, подумать только, что мне дове-

лось увидеть призрак среди бела дня, да еще у нас дома, в Блосхолме, где такого никогда не бывало!

Не спуская глаз с Сайсели, он выжал из бороды воду и добавил: — Брат-мирянин или капитан Томас Болл, кто бы ты теперь ни был, если ты тоже не привидение, дай мне четверть крепкого эля и краюху хлеба, ибо в нутре у меня пусто, как у выпотрошенной селедки, и я, можно сказать, сейчас вознесусь к небесам, а предпочел бы все же стоять обеими ногами на нашей грешной земле.

— Джефри, Джефри, — прервала его Сайсели, — что ты сообщишь нам о своем господине? Эмлин, скажи ему, что мы обе живы. Он не понимает.

— О, так вы живы? — медленно произнес он — Значит, вы не погибли от пожара и Эмлин тоже? Ну, раз так, каждый может надеяться и, пожалуй, ни голод, ни нож аббата Мэлдона не прикончат Кристофера Харф-лита.

— Значит, он жив и здоров?

— Жив и здоров, поскольку можно быть живым и здоровым после трехдневной голодовки в подземной темнице, к тому же довольно таки сыроватой. Вот тут имеется письмо по поводу всех этих дел к командиру вашего отряда.

Он развернул свой белый флаг и достал из складок его прикрепленное к флагу письмо, протянул его Боллу, а тот, не умея читать, передал письмо Джекобу Смиту. В это же самое время мальчик принес эль, о котором просил Джефри, а также поднос с кусками мяса и хлеба. Джефри набросился на них, как изголодавшийся пес, поглощая огромными глотками и эль и пищу, которую не трудился даже прожевывать.

— Клянусь всеми святыми, да ты, видно, чуть не помер с голоду, Джефри, — сказал один из стоявших тут же йоменов. — Пойдем-ка со мной и сбрось свою мокрую одежду, не то тебе станет худо. — И он увел Джефри, продолжавшего жевать, в ближайшую палатку.

Тем временем Джекоб, тревожно хмуря лоб, ознакомился с письмом, а затем прочел его вслух. Оно гласило:

«Командиру воинов короля от Клемента, настоятеля Блосхолмского аббатства.

Мне неведомо, по чьему указу осадили вы нас, грозя аббатству и его инокам огнем и мечом. Я прослышал, что предводителемствует вами Сайсели Фотрел. Передайте же этой избежавшей костра ведьме, что в плену у меня находится человек, которого она именует своим мужем и который является отцом ее незаконнорожденного ребенка. Если в эту же ночь она не распустит свой отряд и не пришлет нам подписанный и засвидетельствованный документ, где мне и всем находящимся со мною от имени короля гарантируется прощение за все, что мы могли содействовать против него и его законов, а также против нее лично, и возможность свободно уйти, куда мы пожелаем, так, что при этом нам не станут препятствовать и не будут нас преследовать и не отнимут наших земель и движимого имущества, знайте, что завтра на заре мы предадим смерти рыцаря Кристофера Харфлита в наказание за убийства и другие преступления, которые он против нас совершил, и в доказательство этого вы увидите его труп, повешенный на башне аббатства. Если же вы примете наши условия, мы оставим его здесь невредимым, и вы найдете его, когда мы удалимся. Об остальном спросите его слугу Джефри Стоукса, которого мы посылаем к вам с этим письмом.

Клемент, настоятель»

Джекоб кончил читать, и среди слушавших воцарилось молчание.

— Пойдемте отсюда и где-нибудь в четырех стенах обсудим это дело, — сказала Эмлин.

— Нет, — вмешалась Сайсели, — в отсутствие моего супруга я являюсь уполномоченной короля и требую, чтобы меня выслушали. Томас Болл, прежде всего пошли к аббату парламентаря с заявлением, что если хоть один волос упадет с головы сэра Кристофера Харфлита, каждого находящегося в стенах аббатства человека я предаю смерти от меча или веревки и лично буду отвечать за это перед королем. Напишите это, мастер Смит, и пошлите вместе с копией королевской грамоты, подтверждающей мои полномочия. Сейчас же, без промедления.

Они отправились в стоявший неподалеку домик, где Болл устроил караульное помещение. Там это суровое предупреждение было изложено на бумаге, переписано

начисто, подписано Сайсели, а также Боллом, как командиром отряда, и Джекобом Смитом в качестве свидетеля. Бумагу вместе с копией королевской грамоты Сайсели собственноручно передала смелому и верному человеку, поручив ему потребовать ответа, и он отправился в путь с белым флагом в руке и стальной кольчугой под стегаемым камзолом, чтобы обезопасить себя от предательского удара.

Когда он ушел, они послали за Джеффри, который явился в сухой одежде и все еще жуя, ибо голод у него был волчий.

— Расскажи нам все, — сказала Сайсели.

— Если начинать с начала, то это будет длинная история, леди. Когда ваш блаженной памяти батюшка, сэр Джон, и я с ним выехали из Шефтона в день его гибели...

— Нет, нет, — прервала Сайсели, — с этим можно обождать, сейчас не до того. Мой супруг и ты бежали из Линкольна — не так ли? — и, — как мы видели, были снова захвачены в лесу.

— Так точно, леди. Какой-то дух сыграл с нами шутку, позвал его вашим голосом; он услышал и придержал коня, тогда они нас догнали и захватили благодаря своему численному превосходству, но, по счастью, мы остались целы и невредимы. Нас привезли в аббатство и бросили в это окаянное подземелье, где в течение трех дней мы почти не получали пищи, только немного хлеба и воды, и подыхали с голоду в полной темноте. Вот и весь рассказ.

— А как ты вышел оттуда, Джеффри?

— Да вот как, миледи. Около часу тому назад какой-то монах и три вооруженных стражника открыли дверь нашей тюрьмы. Пока мы моргали глазами на свет его фонаря, как совы в полдень, монах стал говорить, что аббат намеревается послать меня в лагерь королевских людей с предложением обменять жизнь Кристофера Харфлита на жизнь всех, находящихся в аббатстве. Он добавил также, что принес чернила и бумагу и что, если Харфлит хочет спастись, ему следовало бы написать письмо с просьбой принять это предложение, не то он наверняка умрет на заре.

— Что же сказал мой муж? — спросила Сайсели, подавшись вперед.

— Что он сказал? Он рассмеялся им в лицо и заявил, что скорее отрубит себе руку, после чего они потащили меня из темницы, и притом довольно грубо, так как я хотел оставаться с ним до конца. Но, когда дверь уже закрывали, он успел крикнуть мне: «Скажи офицерам короля, чтобы они спалили эту крысиную нору, не помышляя о Кристофере Харфлите, который вовсе не прочь умереть»

— А почему он желает смерти? — снова спросила Сайсели.

— Потому что считает жену свою умершей, госпожа, как и я считал, и думает, что в лесу слышал ее голос, призывающий его соединиться с нею.

— О боже, боже! — простонала Сайсели. — На моей совести будет его гибель.

— Нет, — ответил Джефри. — Неужто вы так плохо знаете Кристофера Харфлита, что думаете — он предал бы дело короля ради спасения своей жизни? Да если бы вы сами пришли к нему и умоляли его об этом, он бы оттолкнул вас и сказал «Отойди от меня, сатана!»

— Верю, что он поступил бы так, и горжусь этим, — прошептала Сайсели — Если нельзя будет иначе, пусть Харфлит умрет. Мы спасем его честь и свою, чтобы он не проклял нас, если бы остался жив. Продолжай.

— Ну, меня привели к аббату; он передал мне это самое письмо и велел мне взять его и все рассказать тому, кто здесь у вас начальник. Потом он поднял руку и, положив ее на крест, висевший у него на груди, поклялся, что это не пустая угроза и что если его условия не примут, с зарею Харфлит будет повешен на башне, и при этом добавил, хоть я тогда и не понимал, что он имеет в виду: «Думаю, ты там найдешь человека, который прислушается к этим доводам». Он уже собирался отпустить меня, как вдруг один солдат сказал.

«А умно ли будет освободить этого Стоукса? Вы забываете, милорд настоятель, что предполагается, будто он присутствовал при одном убийстве в лесу, и что он может выступить свидетелем» «Да, — ответил Мэлдон, — я забыл в этой спешке; я помнил только, что никому другому, пожалуй, не поверят. Все же, может быть, и лучше будет послать кого-нибудь другого, а этого парня заставить замолчать навеки. Напишите, что Джефри Стоукс, пленник, был убит при попытке к бегству страж-

ником, защищавшим свою жизнь. Заберите его отсюда и чтобы я о нем больше не слышал»

Тут кровь у меня в жилах застыла, хотя я и старался держаться смело, как только может держаться человек, три дня просидевший в темноте с пустым животом, и прямо в лицо наговорил ему по-испански разных крепких слов. Когда меня уже тащили из комнаты, брат Мартин — помните его? он был нашим товарищем, когда мы попали за морем в переделку — выступил вперед из темного угла и сказал: «Для чего, настоятель, пятнать вам свою душу столь гнусным убийством? С тех пор как умер Джон Фотрел, король может записать на ваш счет еще много других дел, и любого из них достаточно, чтобы вас повесить. Попадись вы ему в руки, он не станет добираться до обстоятельств гибели Фотрела, даже если бы вы и были к ней причастны».

«Вы наговорили резких слов, брат мой, — ответил аббат. — То, что происходит на войне, нельзя считать убийством, хотя, может быть, впоследствии, спасая свою шкуру, вы и станете говорить об этом как об убийстве, вы или кто другой. Как бы там ни было, но речь ваша разумна. Не надо трогать этого человека. Дайте ему письмо и бросьте его в ров, пусть плывет на ту сторону. Что бы он на меня ни наклеветал, участь моя хуже не станет».

Так они и сделали. Я попал сюда, как вы сами видели, и нашел вас живой. Теперь-то мне понятно, почему Мэлдон считал, что жизнь одного Харфлита так дорого стоит — И, закончив свой рассказ, Джеффри снова принялся за еду.

Сайсели смотрела на него, и все смотрели на этого измученного, ожесточившегося человека, который после многих других бедствий и мук провел три дня в мрачной темнице, полной крыс, где получал только воду да немного черного хлеба. Да, он сидел там вместе с крысами и с другим человеком, бесконечно дорогим одной из присутствующих, и тот все еще находился в этой ужасной дыре, ожидая, что на заре его повесят, словно какого-нибудь злодея.

Все молчали, слышно было только, как жует Джеффри; и молчание стало так тягостно, что все обрадовались, когда дверь открылась и перед ними предстал человек, посланный к настоятелю. Он задыхался, так как быстро

бежал и, видимо, находился в некоем смятении, может быть потому, что в спине у него, — вернее, в камзоле — торчали две стрелы в тело они не вонзились, задержанные кольчугой.

— Говори, — сказал старый Джекоб Смит, — каков их ответ?

— Взгляните на мою спину, мастер, и сами увидите, — ответил посланец. — Они перекинули через ров лестницу, на нее положили доску, на которую вступил какой-то монах, чтобы принять от меня письмо. Я немного подождал, потом услышал, как кто-то зовет меня с башни над воротами, и, когда поднял глаза, увидел, что там стоит аббат Мэлдон, и лицо у него от злобы черное, как у дьявола.

«Слушай, ты, мошенник, — крикнул он мне, — ступай к ведьме Сайсели Фотрел и к ренегату монаху Боллу, которого я предаю анафеме и извергаю из лона святой церкви, и скажи им, чтобы при первых лучах зари они взглянули в нашу сторону, да повыше, ибо тогда смогут увидеть, как, чернея на утреннем небе, здесь болтается тело Кристофера Харфлита!»

Услышав это, я не сдержался и крикнул в ответ: «Коли так, то завтра еще дотемна вы составите ему ком панию, ибо все до единого будете висеть, чернея на вечернем небе, кроме тех, кто будет впоследствии четвертован в Тауэр-холле и Тайберне» Потом я пустился наутек, и они стреляли мне вдогонку и два раза попали, но кольчуга, хоть и стара, служит хорошо, и вот я здесь невредимый, если не считать двух — трех ссадин

Немного позже Сайсели, Джекоб Смит, Томас Болл, Джефри Стоукс и Эмлин Стоуэр сидели все вместе, держа совет — очень важный совет, ибо положение было отчаянное. Вносилось одно предложение за другим и сразу же по той или иной причине отвергалось. Под конец они молча переглянулись.

— Эмлин, — вскричала наконец Сайсели, — в прежнее время у тебя всегда находились нужные слова. Неужто теперь, в такой беде, ни одного не найдется? — Ибо, пока они совещались, Эмлин все время сидела молча.

— Томас, — сказала Эмлин, подняв глаза, — помнишь то место во рву аббатства, где мы ребятишками ловили самых крупных карпов?

— Ну да, помню, — ответил он, — но при чем тут рыбная ловля, да еще столько лет назад? Я уже говорил, — на подземный ход рассчитывать нечего. За рошей он обвалился и полностью засыпан, — я уже смотрел. Правда, будь у меня неделя времени.

— Пусть она говорит, — прервал его Джекоб, — ей, видно, есть что сказать.

— А помнишь, — продолжала Эмлин, — ты говорил мне, что карпы здесь такие крупные и жирные потому, что в этом месте, как раз под подъемным мостом, опорожняется в ров сточная труба аббатства, та, в которую спускают все помои и отбросы? И я после того в рот не могла взять этой рыбы.

— Ну помню. Так что же?

— Томас, ты, кажется, говорил, будто порох, за которым посылали, уже доставлен?

— Да, час назад пришел фургон с шестью бочонками весом в сто фунтов каждый. Мы надеялись, что пришлют больше, но и это неплохо, хотя делать с порохом нечего, так как пушку не прислали — у королевских солдат ее не оказалось.

— Темная ночь, лестница с доской, кирпичный сводчатый сток, два — нет, лучше четыре бочонка по сто фунтов каждый в сток под ворота, фитиль и смелый человек, который его подожжет — со всем этим, да еще с божьим благословеньем впридачу многое можно сделать, — задумчиво, словно про себя, произнесла Эмлин.

Все, наконец, поняли, к чему она клонит

— Да они всё услышат, как кошка слышит скребу щуюся мышь, — сказал Болл

— Кажется, ветер поднялся, — ответила она, — слышно, как зашумели деревья. Думаю, что скоро начнется буря. К тому же у задней стены аббатства, где заделанная брешь, можно собрать людей, которые будут ходить взад и вперед с фонарями и кричать, словно в этом месте готовится штурм. Это отвлечет осажденных. А мы с Джефри Стоуксом тем временем попытаем счастья с лестницей и пороховыми бочонками — он их подкатит, а я подожгу, когда придет время. Вы же слышали, что я ведьма, — значит, сера мне нипочем.¹

¹ .сера мне нипочем. — По средневековому поверью, сера, как и другие воспламеняющиеся материалы, считалась обязательной принадлежностью ада, чертей и ведьм.

Через десять минут план был выработан. А спустя два часа, под вой бури, скрытые непроглядной тьмой и дополнительным заслоном — торчащим над стеной поднятым настилом моста, — Эмлин и силач Джефри перекатали бочонки с порохом по переброшенным через ров доскам в жерло большой сточной трубы и в глубь ее футов на двадцать, пока они не оказались как раз под башнями главных ворот. Затем, лежа в зловонной грязи, Эмлин и Джефри вынули втулки из отверстий, заблаговременно просверленных в бочонках, и заложили туда фитили. Джефри выбил из кремня искру, раздул подложенный трут и передал его Эмлин.

— Теперь ты уходи, — сказала она, — а я за тобой. На это дело двух человек не нужно.

Через минуту она присоединилась к нему на противоположном краю рва.

— Беги! — сказала она. — Беги, не то погибнешь. За нами — смерть!

Он повиновался, но Эмлин обернулась и принялась кричать так громко, что стража на стенах услышала ее и, зажигая фонари, бросилась к башням посмотреть, что случилось.

— Штурм! Штурм! — кричала она. — Ставьте лестницы! За короля и Харфлита! Штурм! Штурм!

Затем она тоже пустилась наутек.

Глава XVIII

ИЗ ТЬМЫ К СВЕТУ

Внезапно среди мрака ночи, освещая все вокруг, подобно молнии, поднялась багряная пелена пламени. Покрытая вой бури, прокатился глухой тяжкий гул, словно отдаленный грохот грома. Потом все затихло, и через мгновение с неба посыпался град камней, а с ними — разорванные на части человеческие тела.

— Ворота взорваны, — прокричал мощный голос, то был Томас Болл. — Кидай лестницы!

Люди, стоявшие наготове, бросились вперед и перекинули через мост четыре лестницы. По доскам, привязанным к перекладинам, осаждающие перебежали на другую сторону рва и, перебравшись через нагроможде-

ние камней, устремились во двор, где их никто не ждал, так как все сторожившие здесь были убиты или покалечены

— Зажигай фонари! — снова закричал Болл. — Там, внутри, будет темно! — И какой-то человек, бежавший за ним с факелом, исполнил его приказание.

Через двор они ринулись к открытым дверям трапезной и там, в обширном зале с высоким потолком, встретились со всей массой воинов Мэлдона, примчавшихся сюда от заделанной брешы, где они ожидали нападения. У некоторых из них тоже были фонари. Несколько мгновений противники стояли неподвижно друг перед другом, а затем завязалось дикое, кровавое побоище. Люди яростно сражались, звучали проклятья и боевые крики. Тяжелые дубовые столы были перевернуты, в багровом свете фонарей на высоких шестах сцепившиеся бойцы падали на пол и лежа убивали друг друга. Один монах ударил йомена бронзовым распятием, и в следующее же мгновение обломком того же распятия ему размозжили голову.

— За бога и благодать! — кричали одни.

— За короля и Харфлита! — отвечали другие.

— Держи строй! Держи строй! — гремел Болл. — Выметай их отсюда!

Фонари, сорванные с шестов, падали и затухали, пока не остался всего один — красноватая, тускло мерцавшая звездочка. Хриплые голоса требовали огня, ибо невозможно было уже разобрать, где друг, где враг. И огонь вспыхнул: кто-то поджег тканую обивку стен, и пламя рванулось под крышу. Тогда, опасаясь сгореть заживо, солдаты настоятеля дрогнули и бросились к задней двери, преследуемые осаждающими. Тут и пало большинство из них, ибо они сгрудились между дверными притоками и были перебиты там или на лестнице за дверью.

В то время как Болл продолжал яростно размахивать своей секирой, кто-то схватил его за руку и прокричал ему в ухо:

— Стой! Стой! Надо опередить негодяя!

Охваченный яростью, он повернулся, чтобы ударить говорившего, и в отблеске пламени увидел, что это Сай-сели.

— Что вы тут делаете? — крикнул он. — Уходите!

— Дурень, — ответила она тихим, но каким-то иступленным голосом — Я ищу своего мужа. Покажи, куда идти, пока еще не поздно, здесь один ты знаешь дорогу Джеффри Стоукс, скорее фонарь, скорее!

Появился Джеффри с мечом в одной и фонарем в другой руке, а с ним Эмлин, у которой тоже был меч, взятый у одного из убитых; Эмлин, вся еще в грязи, так и оставшейся на ней после клоаки и рва

— Я не могу, — пробормотал Томас Болл. — Я ищу Мэлдона.

— Веди нас в подземелье! — крикнула ему Эмлин. — Или я тебя заколю! Я слышала, как они велели убить Харфлита

Тогда он вырвал фонарь из рук Джеффри и с криком «за мной!» помчался по коридору; так добежали они до открытой двери, за которой находилась лестница. Они быстро сошли вниз, миновали еще другие переходы и лестницы, спускались все ниже, пока, повернув направо, не очутились в небольшом сводчатом помещении. Два факела пылали в железных гнездах, вделанных в стену, освещая картину необычайную и страшную. В глубине этого помещения была широко открыта тяжелая, утыканная гвоздями дверь, за которой виднелась камера или, вернее, маленький погреб, — любопытные еще и в наши дни могут его увидеть. К стене этой подземной темницы прикован был человек, который держал в руке трехногий табурет и рвался на цепи, как взбесившийся зверь. Впереди, заслоняя его и защищая проход, стоял высокий худой монах, полы его рясы были приподняты и подоткнуты за пояс. Он был ранен, ибо с его бритой головы стекала кровь, и, сжимая обеими руками рукоять тяжелого меча, яростно отбивался от четырех воинов, старавшихся повалить его на землю

Когда появился Болл во главе своего маленького отряда, один из этих людей только что пал, сраженный монахом, но другой встал на его место, крича

— Прочь с дороги, изменник! Мы хотим прикончить Харфлита, а не тебя

— Вместе мы умрем или отобьемся, убийца, — ответил монах хриплым, прерывающимся голосом.

В это мгновение один из нападающих, тот, что говорил, услышал приближающиеся шаги освободителей и обернулся. Тут же он обратился в бегство, метнувшись

мимо них, словно заяц. Однако свет фонаря упал на его лицо, и Эмлин узнала аббата. Она ударила его мечом, но сталь только скользнула по кольчуге. Он тоже ударил, но попал по фонарю, свалив его на пол.

— Хватай его, — закричала Эмлин, — хватай Мэлдона, Джефри!

Стоукс бросился догонять аббата, но тотчас же вернулся, потеряв его в темных переходах. Тогда Болл, рыча, обрушился на двух оставшихся солдат, и вскоре под ударами топора и меча, которыми у них с тыла орудовал монах, они пали наземь и умерли, сражаясь до последней секунды, так как знали, что им не будет пощады.

Все было кончено, и кругом воцарилась тишина, безмолвие смерти, прерываемое лишь тяжелым дыханием тех, кто остался в живых. Раненый монах прислонился к дверной притолоке, выпустив из рук обогранный кровью меч Харфлит, пошатываясь от изнеможения, все еще держа в руке поднятый табурет, до отказа натягивал свою цепь и изумленно глядел вперед. А на полу лежали трое убитых, один из которых еще судорожно подергивался.

Сайсели проскользнула вперед, прошла между убитыми, мимо монаха и наконец оказалась лицом к лицу с пленником.

— Подойди только ближе, и я размозжу тебе голову, — хрипло проговорил он, ибо слабый свет факела падал на нее сзади, и он думал, что перед ним находится один из убийц.

Наконец Сайсели обрела голос.

— Кристофер, — крикнула она, — Кристофер!

Он услышал, и табурет выпал из его руки

— Опять тот же голос, — пробормотал он. — Что ж, пора Погоди немножко, жена, сейчас я приду к тебе, — и, откинувшись на стену, он закрыл глаза.

Она скользнула к нему и, обняв его обеими руками, поцеловала прямо в губы, бледные, бескровные губы. Веки его снова разомкнулись.

— Смерть могла бы быть хуже, — произнес он. — Но я ведь знал, что мы свидимся.

Тогда Эмлин, заметив, что лицо его как-то изменилось, сорвала со стены один из факелов и метнулась вперед, держа его так, чтобы свет падал на Сайсели.

— О Кристофер, — вскричала та. — Я не призрак, я жена твоя, и я жива!

Он услышал, взглянул, взглянул еще раз, потом поднял исхудалую руку и погладил ее по волосам.

— О боже, — воскликнул он, — мертвые оживают! — И, потеряв сознание, упал к ее ногам

Сайсели оттащили от него; она вся дрожала, думая, что снова потеряла мужа, и теперь уже навсегда. С трудом разбили цепь, которой он был прикован, как собака у конуры, и понесли, все еще бесчувственного, наверх по длинным переходам. Болл выступал впереди, взяв на себя охрану; за ним шел Джефри Стоукс, потом Эмлин, поддерживающая монаха Мартина, ибо это не кто иной, как он, спас жизнь Кристофера.

Подходя к лестнице, они услышали какое-то гудение.

— Огонь! — сказала Сайсели, хорошо знавшая этот звук; и в тот же миг их озарил отблеск пламени и со всех сторон окружил дым. Аббатство пылало, и главный зал его прямо перед ними походил на жерло ада.

— Разве я не предсказывала, что так и будет, — еще тогда, в горящем Крануэле? — с каким-то жестоким смехом спросила Эмлин.

— За мной! — прокричал Болл — Живей, не то крыша обрушится, и тогда нам не выбраться отсюда.

Они стали отчаянно пробиваться вперед, обойдя зал слева, и счастьем было для них, что Томас знал дорогу. Одна небольшая комната, через которую они проходили, была уже охвачена огнем, сверху на них падали какие-то пылающие хлопья, клубился густой дым. Но они прошли, хотя еще минутой позже этим путем им не удалось бы выбраться живыми. Они прошли по горящему аббатству и вышли на чистый воздух через парадную дверь, которую оставили широко открытой те, кто бежал до них. Они достигли рва в том самом месте, где брешь была заделана хворостом, и, взобравшись на этот плетень, Болл кричал до тех пор, пока один из его людей не услышал и не опустил лука, собираясь пустить стрелу в Томаса, которого он принял за мятежника. Принесли доски, лестницы, и наконец все опасности миновали и нестерпимое пекло осталось позади.

И случилось так, что Сайсели, в огне потерявшая своего возлюбленного, в огне же обрела его снова.

Кристофер не умер, как опасались вначале. Его от-

несли в обитель, и Эмлин, убедившись, что сердце у него бьется, хотя и слабо, послала мать Матильду за португальским вином, которое так одобрил комиссар Ли. Ложку за ложкой вливала она ему в горло это вино, пока, наконец, он не открыл глаз лишь для того, впрочем, чтобы тотчас же закрыть их снова, но теперь он просто уснул — так подействовало вино на его измученное тело и ослабевший мозг. Шли часы, Сайсели все время сидела подле него, лишь время от времени поднимаясь, чтобы взглянуть, как горит большая церковь аббатства; так же она в свое время смотрела на пожар, охвативший его сторожки и службы.

Около трех часов утра растопленный свинец перестал стекать с крыши серебристым ливнем, она обрушилась, и к утру от церкви остался только закоптелый остов — почти такой, каким мы видим его в наши дни. Перед самым рассветом Эмлин пришла к Сайсели и сказала:

— С тобой хочет говорить один человек.

— Я не могу к нему выйти, — ответила она. — Я обещаю сон своего мужа.

— Все же тебе следовало бы пойти, — сказала Эмлин. — Не будь его, твой муж не был бы в живых. Монах Мартин, защищавший его от убийц, умирает и хочет с тобой попрощаться.

Сайсели нашла Мартина еще в сознании, но с каждой минутой он слабел, истекая кровью, которую ничем невозможно было остановить.

— Я пришла поблагодарить вас, — прошептала она, не зная, что ей сказать.

— Не надо, — ответил он слабым, прерывающимся голосом — Я старался хоть частично возместить свой великий долг. Прошлой зимой я принял участие в совершении ужасного греха, повинуюсь не голосу сердца, а данным мною обетам. Когда потом мне было поручено бодрствовать над телом вашего мужа, я обнаружил, что он жив, с моей помощью его перенесли на корабль, который был захвачен неверными, и потом нас с ним и Джефри заставили работать гребцами на галерах. Там я заболел, и ваш муж выходил меня. Это я привез вам документы и написал письмо и затем отдал все Эмлин Стоуэр. Однако, верный своим обетам, большего я не сделал. Нынче же ночью я разорвал эти узы: услышав, как отдан был приказ о его умерщвлении, я бросился

вниз, оказался там раньше, чем убийцы, и, забыв о своем монашеском сане, бился с ними, как мог, пока вы не подросли. Да послужит хоть частичным искуплением моей тяжелой вины перед родиной, королем и вами то, что в конце концов я отдал жизнь за своего друга. И я рад, что умираю, — слишком тяжело мне в этом мире.

— Я передам ему все, если он останется жив, — со вздохом молвила Сайсели.

— О, он будет, будет жить. Много страданий перенесли вы оба, но теперь вам уже ничто не грозит, кроме, конечно, старости и смерти. Я вижу, я знаю это.

Он опять смежил веки, и стоявшие вокруг подумали, что он испустил дух, как вдруг глаза его открылись еще раз, и, с трудом произнося слова, он добавил:

— Настоятель... будьте к нему милосердны... если сможете. Он человек злой, жестокий, но я был его духовником и читал в его сердце. Шел он к благой цели, хоть и дурным путем. Королева Екатерина была законной супругой короля. Захват монастырей — бессовестный грабеж. К тому же по рождению он не англичанин. У него другие взгляды; он служит папе, как, впрочем, и я, но также Испании, которой я не слуга. Я помог вам, помогите же и вы ему. Не судите, да не судимы будете. Обещайте! — Тут он слегка приподнялся и настойчиво поглядел на Сайсели.

— Обещаю, — сказала она, и в ответ на ее слова Мартин улыбнулся. Потом его лицо покрылось сероватой бледностью, глаза потухли, и через мгновение Эмлин покрыла его голову куском полотна. Все было кончено.

Сайсели возвратилась к Кристоферу и увидела, что он сидит на кровати и пьет из чашки бульон.

— О муж мой! — сказала она, заключая его в объятия. Затем она взяла на руки сына и положила его отцу на грудь.

Прошло еще три дня. Кристофер и Сайсели прогуливались по саду Шефтон Холла. Он уже почти совсем поправился, хотя был еще слаб; но единственной болезнью его были горе и голод, а лучшее лекарство от них — радость и изобилие. Спустился вечер, мягкие и ясные су-

мерки, незаметно переходящие в ночь. Они сидели на скамье; он рассказывал ей о своих приключениях, и это была волнующая повесть, потом Сайсели написала старому Джекобу Смиту (эти листки, исписанные ее тонким своеобразным почерком, сохранились доныне, из них стоило бы составить книгу, хотя сделано это, по-видимому, никогда не было)

Он рассказывал ей о жестокой битве на корабле «Большой Ярмут», когда на них напали два турецких судна, и о том, как храбро вел себя брат Мартин. После того как их посадили гребцами на галеры, Мартину, Джефри и ему посчастливилось очутиться на одной скамье. Потом Мартин схватил какую-то южную лихорадку, но так как в то время они стояли в Тунисском порту, где можно было достать фрукты, чтобы кормить больного, Кристофер и Джефри выходили его. Через четыре месяца император Карл появился под Тунисом, и, когда город пал, по милости божией они были освобождены вместе с прочими рабами-христианами, после чего Мартин возвратился в Англию с бумагами сэра Джона, которые намеревался вернуть его ближайшему наследнику, так как все они считали Сайсели погибшей.

Кристоферу же и Джефри на родине нечего было делать, и они остались, чтобы на стороне испанцев сражаться против турок, от которых так много натерпелись. Когда эта война кончилась, они тоже отправились в Англию, — больше им некуда было деваться, да и хотелось свести счеты с испанским настоятелем Блосхолма. А остальное она сама знает

Да, ответила Сайсели, она знает и никогда не забудет; но становится холодно, и ему вредно сидеть тут на скамейке, надо уходить. В ответ Кристофер только засмеялся

— Голубка моя, если бы ты только видела галерную скамью, на которой я сидел там, у берегов Туниса, я, едва оправившийся после раны, нанесенной мне солдатами Мэлдона в Крануэл Тауэрсе, ты бы не стала сейчас беспокоиться. В течение шести месяцев мы трое — я, Мартин и Джефри — были скованы одной цепью, ибо эти черти-язычники почему-то держали нас вместе, — может быть, чтобы легче было следить за нами. И днем, изнемогая от жары, и ночью, дрожа от сырости, мы гребли и гребли, а нехристи-надсмотрщики ходили взад

и вперед между рядами скамей и подбадривали нас ремennыми плетьюми. Да, — медленно добавил он, — они хлестали нас, словно мы были волами в ярме. Ты видела шрамы у меня на спине.

— О боже! Подумать только, — прошептала она, — тебя, англичанина из знатного рода, били, словно скотину, эти злодеи и дикари! Как мог ты перенести все это, Кристофер?

— Не знаю, жена. Думаю, что, не находясь подле меня этот ангел в образе человека, монах Мартин — мир его благородной душе, — по меньшей мере трижды спасший мне жизнь, я бы или раздробил себе череп об уключины для весел, или перестал бы есть, чтобы подохнуть с голоду, или учинил бы что-нибудь такое, что вынудило бы мавров покончить со мной. Я ведь считал тебя умершей и вовсе не хотел жить. Но Мартин внушал мне другое, убеждая меня, что не напрасно я столько страдал. О своих собственных муках он никогда не говорил и уверял, что, как ни ужасна моя участь, все для меня сложится к лучшему.

— И поэтому ты решил выжить, муж мой? О, этот Мартин поистине святой, и я выстрою раку для его останков.

— Не только поэтому, дорогая. Я жил и для мщения Клементу Мэлдону — человек он или сам дьявол, — который причинил мне столько горя и мук, что из-за них я преждевременно постарел, — при этом он указал на свой изборожденный морщинами лоб и волосы, где уже проступала седина, — для мщения также и этим пиратам-магометанам, державшим меня в рабстве. Да Хотя Мартин и порицал меня, когда я ему признавался, думаю, что ради этого я и жил. И богу известно, — мрачно добавил он, — что потом, когда мы их разгромили, я хорошо мстил туркам повсюду, где только можно было. О, видела бы ты мою и Джеффри последнюю встречу с капитаном этой пиратской галеры и его помощниками, которые нас в свое время избивали! Нет, я рад, что ты этого не видела. жестокое и кровавое было зрелище, даже не очень-то мягкосердечных испанцев, и тех оно проняло.

Он замолк. Чтобы изменить ход его мыслей, ибо в течение всей своей дальнейшей жизни Кристофер, вспоминая об этих вещах, мрачнел на долгие часы и даже дни, — Сайсели быстро заговорила.

— Хотела бы я знать, что произошло с нашим врагом, аббатом. Его так тщательно разыскивали; дороги находятся под наблюдением, и мы знаем, что никого с ним нет, — все его чужеземные солдаты перебиты или захвачены. Думаю, Кристофер, что он погиб в огне.

Он покачал головой.

— Дьявол в огне не погибает. Где-нибудь он скрывается, замышляя, кого бы еще убить — может быть, нас или нашего сына. О, — добавил он с яростью, — пока руки мои не сжимают ему горло, а кинжал мой не торчит у него в груди, нет для меня покоя: я с ним не считался, да и вы оба не в безопасности.

Сайсели не нашла, что ответить. Когда на Кристофера находило такое настроение, с ним трудно было говорить. Тяжкие страдания выпали ему на долю, и, подобно ей, он спасся только чудом.

Внезапно воцарилась необычайная тишина. Черные дрозды перестали по-зимнему стрекотать в кустах остролистника. Стало так тихо, что слышно было, как сухой лист упал с дерева на землю. Наступала ночь. Последний багровый луч заходящего солнца сверкнул в морозном небе, и блеск его озарил все кругом. В этом свете зоркие глаза Кристофера заметили, как что-то белое мелькнуло под сенью бука, где они сидели. Как тигр прыгнул он туда и в тот же миг возвратился, таща какого-то человека.

— Гляди, — сказал он, поворачивая голову своего пленника так, чтобы на нее падал свет. — Гляди, я поймал-таки змею. А, жена, ты ничего не видела, но я его высмотрел, и наконец-то, наконец он у меня в руках!

— Аббат! — изумленно прошептала Сайсели.

Это и вправду был аббат, но как он изменился! Его некогда полное, оливково-смуглое лицо казалось теперь лицом скелета, еще обтянутым желтой кожей, а в глазницах вращались темные, налитые кровью, неестественно большие глаза. Тонзура и щеки поросли серой щетиной, все тело как-то ослабело и съежилось, мягкие холёные руки казались теперь руками женщины, умершей от какой-то изнурительной болезни и так же, как одежда его, были покрыты грязью. Надетая на нем кольчуга болталась, одного сапога не хватало, и из продырявленного чулка торчали пальцы. Он дошел до крайнего падения.

— Бросай оружие, — проворчал Кристофер, тряся его, как терьер трясет пойманную крысу, — не то умрешь! Сдаешься? Отвечай.

— Как он может ответить, — вмешалась Сайсели, — когда ты сжал ему глотку?

Кристофер снял руки с его горла, но схватил за запястья. Аббат же сделал глубокий вдох, ибо почти лишился сознания, и упал на колени — не моля о пощаде, а просто от слабости.

— Я пришел сдаться на вашу милость, — сказал он, — но, услышав ваш разговор, понял, что мне надеяться не на что. Да и как могу я рассчитывать на милосердие, когда сам не проявлял его? К тому же дело мое, великое дело, ради которого я жил и боролся, видимо, погибло. Дайте же мне умереть вместе с ним. О большем я не прошу. Но вы благородный человек, и потому я прошу вас об одном одолжении. Не выдавайте меня вашему злодею королю, который станет меня пытать, повесит, четвертует. Убейте меня сейчас. Вы скажете, что я напал на вас и вы защищались. Оружия у меня нет, но вы можете сунуть мне в руку кинжал.

Кристофер поглядел на жалкое существо, лежащее у его ног, и засмеялся.

— А кто мне поверит? — спросил он. — Правда, никто, пожалуй, не спросит, ведь и я, и любой другой можем безнаказанно лишить вас жизни. Впрочем, пусть это дело разбирает королевский трибунал.

Мэлдон вздрогнул.

— Пытки, виселица, четвертование, — повторил он, тяжело дыша — Разве я предал того, кому никогда не служил? Почему же мне суждена участь предателя?

— А почему бы и нет? — спросил Кристофер. — Вы играли в жестокую игру — и судьба обернулась против вас.

Он не ответил. Заговорила Сайсели.

— Зачем же вы возвратились? Мы думали, что вам удалось бежать.

— Леди, — ответил он, — три дня и три ночи провел я без пищи в земляной норе, словно затравленная лисица, прячась в дренажной трубе вашего сада. Под конец я вылез наружу, чтобы умереть на вольном воздухе, услышал ваши голоса и решил сдаться на вашу ми-

лость, ибо, когда человек при последнем издыхании, ему уже не до чести.

— Милость! — сказала Сайсели. — О вашей измене я говорить не стану — вы не англичанин и служите своему королю, который много лет назад прислал вас сюда устраивать козни против нашей страны. Но посмотрите на этого человека, на моего мужа. Он разве не умирал с голоду трое суток в вашей подземной темнице, пока бы не спустились туда, чтобы его прикончить? Разве вы не сделали все для того, чтобы он сгорел в своем доме, а потом не отправили его раненого за море на произвол судьбы? Разве вы не подослали свою наймитку убить моего ребенка, стоявшего между вами и богатством, в котором вы нуждались для своих козней, а меня, его мать, не возвели на костер, чтобы я погибла в огне? Разве вы не подстрелили в лесу моего отца, боясь, что он обличит вас как предателя, а потом не присвоили себе мое наследство? Разве вы не заставили своих монахов совершать злодеяния и не погубили многих из них? Хватит! Змея, принявшая личину служителя божия, как посмела ты приползти сюда и просить пощады?

— Я сказал, что пришел просить о милосердии, ибо муки бессонницы и голода выгнали меня из моей норы, но теперь прошу только смерти. Не глумись над павшим, Сайсели Фотрел, но соверши мщение, на которое ты имеешь право, и убей меня, — ответил аббат, глядя на нее своими ввалившимися глазами и добавив со смехом, походившим на стон: — Кончайте, сэр Кристофер. При вас меч, и вам пора идти ужинать. К тому же становится холодно, — это сказала только что ваша жена — раз уж она вам жена.

— Сайсели, — сказал Кристофер, — иди в дом и вызови Джеффри Стоукса. Эмлин знает, где его найти.

— Эмлин! — простонал аббат. — Не выдавайте меня Эмлин Она замучает меня.

— Нет, — ответил Кристофер, — тут не Блосхолмское аббатство. Но насчет того, что с вами может случиться в Лондоне, я не поручусь. Иди, жена.

Но Сайсели не шевельнулась. Она стояла и смотрела на жалкую тварь, лежащую у ее ног

— Я сказал тебе — иди, — повторил Кристофер.

— А я не стану слушаться — ответила она. — Помнишь, что я обещала Мартину, когда он умирал?

— Мартин умер? Так Мартин, спасший твоего мужа, умер? — вскричал аббат, подняв голову и потом снова уронив ее на грудь. — О счастливец!

— Я не был у его смертного ложа и не связан твоими обещаниями, Сайсели.

— Но я связана, а мы с тобой — одно. Я обещала быть милосердной к этому человеку, если он попадет в наши руки, и буду

— Так ты пощадишь его нам на беду! В Англии колесо событий вертится быстро, жена

— Пусть так. Я поклялась и сдержу клятву. Остальное — на волю божью. До сих пор он нас хранил и, думаю, — добавила она с торжествующей уверенностью, — будет хранить до конца. Аббат Мэлдон, преступник и грешник, аббат Мэлдон, вы таковы, каким созданы, а Мартин, этот святой человек, сказал, что не все в вашем сердце — зло, хотя я и мои близкие добра от вас не видели. Так вот, слушайте. Там, в саду, стоит беседка, крытая соломой; в ней тепло. Ступайте туда. Я пришлю вам вина и еды и новую одежду с человеком, который не проболтается, пришлю и пропуск в Линкольн. К завтрашнему утру вы отдохнете, подкрепитесь. Вон у того дерева будет привязана лошадь. Поезжайте в Линкольн, попытайтесь воспользоваться правом убежища в церкви, и уж если потом с вами случится беда, знайте, что не от нас она, а от какого-либо другого врага или же ее послал сам бог. Желаю вам примириться с ним. Пусть он простит вас, как я прощаю; он ведь читает в сердцах людей, а мне это не дано. Теперь прощайте. Нет, ни слова больше: нам с вами говорить не о чем. Пойдем, Кристофер. На этот раз не я должна подчиниться, а ты.

Они ушли, а злодей, приподнявшись на руках, поглядел им вслед, но что творилось в это мгновение у него в сердце, никто никогда не узнает.

Прошло несколько месяцев, и Блосхолм со всей своей округой снова жил в мире. Смута перекинулась на север, где, по слухам, опять вспыхнул мятеж. Аббата Мэлдона никто больше не видел, и все считали, что, хотя он и не воспользовался правом церковного убежища в Линкольне, ему пришел в голову более разумный выход и он бежал в Испанию. Но Эмлин, которая всюду все узна-

вала, принесла известие, что это не так и что он стоит во главе тех, кто возбуждал мятеж и междоусобную войну у границ Шотландии.

— Вполне этому верю, — сказала Сайсели. — Свинья не может не лезть в лужу. Он заговорщик по природе своей и до конца пойдет по той дороге, на которую влечет его сердце.

— Но на этой дороге ему пожалуй, не сносить головы, — мрачно ответила Эмлин. — О, подумать только, что волк уже был у тебя в клетке, а ты сама выпустила его, всей Англии и нам на беду.

— Я только проявила милосердие к поверженному, Эмлин.

— Милосердие? А я скажу — безумие. Когда Джефри и Томас слышали об этом, я думала, — они задохнутся от ярости. Особенно Джефри, который очень любил твоего отца и не очень-то — пиратскую галеру, — ответила непримиримая Эмлин.

— «Мне отмщение, и аз воздам», — сказал господь, — тихо прошептала Сайсели.

— Господь и другое сказал: кровь пролитая вопиет о крови. Я слышала эти слова, когда сам Мэлдон говорил их твоему мужу в Крануэл Тауэрс.

— Если так должно быть, то так и будет, Эмлин, но пусть другие прольют его жестокую кровь. Не хочу я видеть ее на своих руках и на руках тех, кто живет в моем доме. Я ведь дала обещание. И не говори ты больше об этом, чтобы не подвести нас под беду, — мы ведь не имели права отпускать его. Да и негоже тебе питать такие злобные чувства в день твоей свадьбы. Лучше пойди и надень то красивое платье, которое Джекоб Смит прислал тебе из Лондона. Священник явится в блосхолмскую церковь около четырех, и я полагаю, что Томас тебя достаточно долго ожидал.

Эмлин усмехнулась, пожав своими широкими плечами, и пробормотала что-то себе под нос. Томас, наверное, рассердился бы, услышав эти ее слова. Сайсели же вышла в другую комнату, куда ее позвал Кристофер.

Она увидела, что он записывает на бумаге какие-то цифры. Это был совсем не тот Кристофер, не тот умирающий, которого они вынесли из темницы, хотя все же он очень постарел от перенесенных ужасов и, видно было, лишь недавно обрел душевное спокойствие.

— Видишь ли, дорогая, — сказал он, — нам бы следовало выделить Эмлин приличную сумму денег в приданое, она этого заслужила более, чем кто-либо. Но откуда взять их, — не знаю. Земли аббатства, выкупленные Джекобом Смитом у короля, нам еще не принадлежат, да и Генриху тоже, хотя он их, без сомнения, скоро отвоюет. Дохода со своего имения ты не получила, а когда получишь, его придется, как обещано, переслать в Лондон. Что касается моей несчастной вотчины, то аббат так основательно прошелся по ней своей бритвой, что она теперь голая, как череп на кладбище. Кроме того, мы должны содержать мать Матильду и ее монашек, покуда не сможем возвратить им их земли. Может быть, настанет день, когда мы или наш сын опять разбогатеет, но, пока он не наступил, нам всем придется пережить трудные времена.

— Однако полегче, чем те, которые мы уже пережили, муженек, — со вздохом ответила она. — На худой конец, мы все-таки свободны, не голодаем, а на все остальное займем денег у Джекоба Смита под те драгоценности, что у меня еще остались. Я уже писала ему, он не откажет.

— Да, но как быть с Томасом и Эмлин?

— Устроятся они, как другие устраиваются. Томасу мы сдали за самую низкую арендную плату замковую ферму; хоть там и надо еще налаживать хозяйство, но ведь и платить он будет лишь тогда, когда сможет. Да и Джекоб Смит положил в карман подвечного платья Эмлин хороший подарок. Более того, я думаю, он сделает ее своей наследницей, а если так, она будет очень богата, так богата, что мне придется ей низко кланяться. А теперь пойдешь оденешься к свадьбе. Нарядного камзола у тебя нет, так пусть Джефри поможет тебе надеть кольчугу. Она тебе больше всего идет, так, по крайней мере, мне кажется, хотя для меня ты во всем одинаково хороша.

Он начал возражать, что сейчас нет необходимости разгуливать по Блосхолму в военных доспехах, что Джефри нет дома — он устраивается хозяином на постоялом дворе у брода, том самом постоялом дворе, который аббат в свое время обещал Камбале-Меггс, — но Сайсели поцеловала его, схватила ребенка, который радостно лепетал что-то, лежа на солнце, и, кружась, ис-

чезла вместе с ним из комнаты. Ибо на сердце у Сайсели было теперь легко и весело.

На свадьбу Эмлин Стоуэр и Томаса Болла собралось много народу: последнее время в Блосхолме было невесело, и это празднество явилось как бы дыханием весны, оживляющим леса и луга, залогом радости после зимнего мрака. Повсюду рассказывали историю жениха и невесты, как они были в юности помолвлены, а затем разлучены кознями людей, преследующих свои личные цели, как Эмлин выдали против ее воли замуж за ненавистного ей пожилого человека, а Томас вынужден был пойти братом мирянином в монастырь — в качестве сильного и искусного в обращении со скотом батрака, но полупомешанного, ибо он предпочитал выдавать себя за безумца.

Люди знали и конец этой истории: Эмлин прокляла настоятеля, и проклятие ее исполнилось; а Томас Болл преодолел свой суеверный страх, восстал против монахов, получил от короля назначение и, как офицер войск его милости, показал себя отнюдь не безумцем, но человеком, полным мужества, который сумел штурмом взять аббатство и освободить из темницы сэра Кристофера Харфлита. Эмлин, вместе со своей госпожой, должна была взойти на костер, как ведьма, но от сожжения ее спас тот же Томас, участвовавший, подобно ей, во многих необычайных событиях, о которых по всей округе разносились и были и небылицы. Теперь, после всех этих приключений, они шли под венец. Как же было не бежаться на такое событие людям, жившим хотя бы на расстоянии десяти миль от Блосхолма!

Монахов уже не было, и отец Роджер Нектон, старый крануэлский викарий, который при столь необычных обстоятельствах совершил бракосочетание Кристофера и Сайсели (после этого, спасая свою жизнь, он вынужден был бежать, когда последний настоятель Блосхолмского аббатства сжег Крануэл Тауэрс), — возвратился теперь освятить новый брачный союз перед всем собравшимся народом. Хотя и жених и невеста были уже не первой молодости, Эмлин в своем богатом свадебном платье и мускулистый рыжеволосый Томас в зеленой одежде йомена, какую он носил много лет назад, в дни своей

помолвки с Эмлин, до того, как напялил на себя коричневую монашескую рясу, — оба являли собою в церкви перед алтарем красивую и видную пару. Во всяком случае таково было мнение всего народа, хотя какой-то сторонник монахов, вспомнив, как Болл разгуливал ряженым чертом, а Эмлин слыла колдуньей, крикнул из темного угла, что это сам сатана женится на ведьме, но Джеффри так хватил его кулаком, что едва не раздробил ему череп.

И вот седовласый добродушный отец Нектон, прочитав сперва Королевский указ, разрешающий Томаса от его обетов, по-старинному совершил свадебный обряд и благословил молодоженов. Наконец все кончилось, и молодые двинулись из старой церкви в замковую ферму, где им предстояло поселиться, в сопровождении, согласно обычаю, всех друзей и доброжелателей. Когда они проходили через небольшую рощицу у речки, где в этот весенний вечер разносился сладкий аромат диких лилий и нарциссов, Эмлин на миг задержалась и сказала своему мужу, капитану Боллу:

— Помнишь ты это место?

— Да, жена, — ответил он, — это здесь мы с тобой в молодости пообещались друг другу и вдруг увидели, как вон под тем дубом проходит Мэлдон, и тень его холодом легла на наши сердца. Ты заговорила об этом и в часовне женской обители, когда я пришел к тебе потайным ходом, и я чуть не обезумел, припомнив все.

— Да, Томас, я об этом говорила, — ответила Эмлин глубоким, ласковым, новым для него голосом. — Ну ладно, пусть теперь это воспоминание сделает тебя счастливым. Я тоже об этом постараюсь, несмотря на все мои недостатки, если только сумею. — Тут она быстрым движением прижалась к нему, поцеловала его и прибавила: — Пойдем, муженек, за нами столько народу. Я надеюсь, что теперь все беды и козни миновали.

— Аминь, — ответил Болл. Сказав это, он заметил каких-то незнакомых людей под королевским флагом, которые шли поодаль в том же направлении, как и они, и ташили за собой длинную приставную лестницу. Недоумевая, что нужно этим людям в Блосхолме, молодожены вышли из рощи и взобрались на холм, с которого на расстоянии пятидесяти шагов виден был мрачный остов сгоревшего аббатства. Они остановились и глядели

■ ту сторону, и тут их нагнали Кристофер и Сайсели, мать Матильда с монашками, Джеффри Стоукс и другие. В лучах заката место это казалось угрюмым, опустошенным, и все они стояли и смотрели на него, думая каждый о своем.

— Что это там такое? — вздрогнув, спросила Сайсели и указала на какой-то круглый черный предмет, только сейчас появившийся на развалинах главной башни.

В то же самое мгновение на него упал красный луч заходящего солнца

Это была отрубленная голова Клемента Мэлдона, испанца.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава I Сэр Джон Фотрел	13
Глава II Убийство у заводи	27
Глава III Свадьба	44
Глава IV Клятва аббата	57
Глава V Что произошло в Крануэле	71
Глава VI Проклятье Эмлин	90
Глава VII Предложение аббата	106
Глава VIII Эмлин призывает своего человека	124
Глава IX Блосхолмское колдовство	138
Глава X. Бабка Меггс и призрак	151
Глава XI Суд и приговор	165
Глава XII. Костер	180
Глава XIII. Посланец	198
Глава XIV Джекоб и драгоценности	214
Глава XV Черт при дворе	230
Глава XVI Голос в лесу	247
Глава XVII Жизнь или честь?	261
Глава XVIII. Из тьмы к свету	276

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Хаггард Генри Райдер. «Хозяйка Блосхолма».

Ответственный редактор *Р. И. Филиппова*. Художник-редактор *Ю. Н. Киселев*.
 Технический редактор *Н. М. Сусленникова*. Корректоры *Л. К. Маляко* и
К. Д. Немковская.

Печ. л. 9,25. Усл. печ. л. 15,2. Уч.-изд. л. 15,85. Формат 84 × 108¹/₃₂.
 Тираж 30 000 экз. Подписано к набору 23/V 1959 г. Подписано к печа-
 ти 24/IX 1959 г. М-45774. Заказ № 544. Цена 7 р. 25 к.

Ленинградское отделение Детгиза. Ленинград, Д-187 наб. Кутузова, 6.
 2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства просвещения РСФСР.
 Ленинград, 2-я Советская, 7

V p. 25 R.